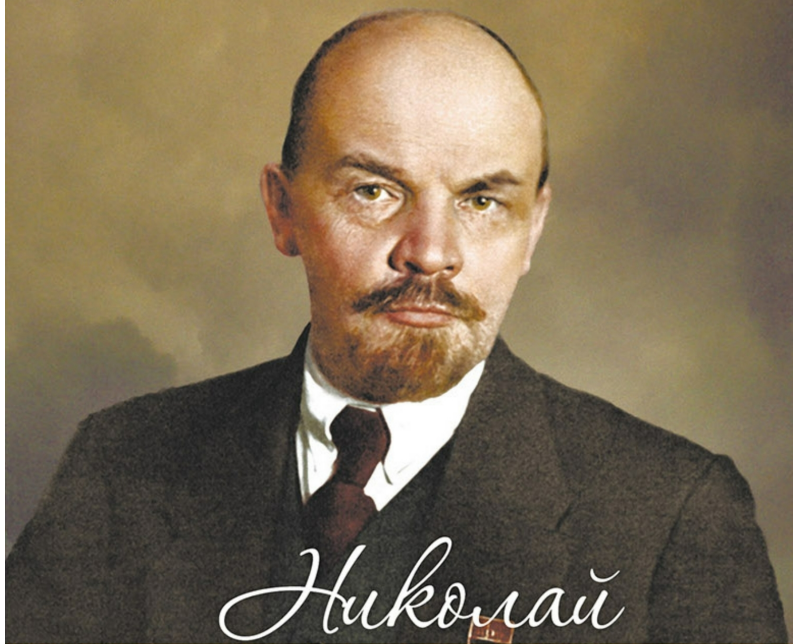

ДМИТРИЙ ГАЛКОВСКИЙ

Николай

ЛЕНИН

СТО ЛЕТ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

2331 ОТРЫВОК ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
И ПИСЕМ С КОММЕНТАРИЯМИ

16+

Дмитрий Евгеньевич Галковский Николай Ленин. Сто лет после революции. 2331 отрывок из произведений и писем с комментариями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40239076

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-9909-7847-8

Аннотация

Несмотря на назойливую советскую пропаганду, Ленин наименее известный политический лидер XX века. В этой книге собраны подлинные цитаты из обширного ленинского наследия, впервые дающие адекватное представление о его мировоззрении, способе мышления и аргументации, а также о его человеческих качествах. Книжки, статьи и письма Ленина никогда не были для него способом самовыражения, но всегда преследовали определенную политическую цель. Читать их подряд трудно даже специалистам. Настоящее издание является подробным хронологическим конспектом, позволяющим соединить ленинскую мысль в единое целое. Книга снабжена подробным именованным указателем.

Содержание

Введение	5
Предисловие	11
1. Инкубация	15
От автора	15
1889 год	20
1893 год	21
1894 год	22
1895 год	35
1896 год	41
1897 год	44
1898 год	50
1899 год	55
1900 год	66
2. Выбор цели	68
От автора	68
1900 год	72
1901 год	98
1902 год	117
1903 год	147
3. Грызня	163
От автора	163
1903 год	171
1904 год	188

1905 год	207
4. Генеральная репетиция	240
От автора	240
1905 год	243
1906 год	272
1907 год	304
5. В нафталине	354
От автора	354
1908 год	356
1909 год	416
1910 год	441
Конец ознакомительного фрагмента.	449

Дмитрий Галковский Николай Ленин. Сто лет после революции. 2331 отрывок из произведений и писем с комментариями

Введение

Несмотря на назойливую многодесятилетнюю пропаганду, Ленин является одним из наименее известных политических и духовных лидеров XX века. Причин этого явления несколько. Культ Ленина складывался большей частью задним числом, в условиях отстранения от власти «ленинской гвардии». Ленин был важен как абстрактный символ, «пятиконечная звезда», призванная своим светом легитимизировать правление Сталина. Тем более это верно для постленинского руководства, когда абстрактный Ленин являлся замещающей абстракцией самого Сталина, став, так сказать, «абстракцией второго порядка». В соответствие с требованиями Агитпропа схематичный образ Ленина украшался нужными добродетелями, как ёлка новогод-

ними игрушками. Сначала, в 20-е годы, это был революционный аскет с чудинкой сумасшедшего немецкого профессора, затем, по мере «натурализации» советской власти, образ подпольного бунтаря становился более человеческим, в ход пошли дети и домашние животные. В период послесталинской оттепели мещанские добродетели трансформировались в политические – Ленин превратился в толерантного интеллигента-человеколюбца. Наконец, в период застоя, главный персонаж государственной идеологии застыл безликой маской, превратившись в трафаретный знак советского (зло)качества.

На западе личность Ленина также ушла в тень. Фундаментальная причина этого странного факта в том, что Ленина-политика породили не русские националисты или монархисты, а западная социал-демократия. Правящий класс современной Европы в значительной степени принадлежит именно к той международной организации, к которой принадлежал Ленин, в семейных архивах европейских министров и президентов хранятся письма русского «социал-демократического барона», ставшего затем отцом мирового тоталитаризма.

Есть и ещё одна причина, делающая основателя советского государства человеком-невидимкой. Несмотря на литературную плодovitость, Ленин не обладал литературным талантом. Читать его произведения невозможно. Смысл настоящей публикации и заключается в намерении

дать удобочитаемого Ленина, сделать из 55-томной свалки его занудных произведений и оборванных писем ясный «Майн Кампф», которого не было и быть не могло как из-за последовательного оппортунизма, так и из-за полнейшей литературной бездарности. Стилль Ленина – это логические несообразности и бесконечные повторы. Я этот стилль передаю, но не соблюдаю. Всё «ленинское наследие» мной сконцентрировано в один том, достаточно полно передающий суть «ленинизма» и в значительной степени раскрывающий внутренний облик этого человека.

Отрывки из произведений и писем Ленина я расположил в хронологической последовательности и разбил на 13 частей. Полагаю, что я взял всё или почти всё ценное из ленинского наследия, причём сохраняя общую пропорцию.

Большинство фрагментов взято из пятого издания Полного собрания сочинений и писем, изданного в 1958-1965 годах. Около 7% фрагментов взято из книги «В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922 гг.», опубликованной в 1999 году Федеральной архивной службой и Российским государственным архивом социально-политической истории.

Фрагменты из второго источника являются лишь дополнительными (хотя и красочными) штрихами к 55-томному полотну ПСС. Я даже колебался, стоит ли их включать в антологию. Мне хотелось дать «писание» советского мира, а не апокрифы, показать то, что официально указывалось считать сотням миллионов людей центром мировой

культуры.

В какой степени ленинские тексты аутентичны? В ПСС имеется некоторое число купюр и вставок. Однако фальсификация носит характер косметический. Сквернословие сгладили, уменьшили количество некоторых идеологических акцентов (например, сократили число здравниц всемирной революции). Учитывая общую мощностъ советской идеологической машины, масштаб цензурирования смехотворен. Видимо сыграло свою роль сакральное отношение к «вождю».

Но, конечно, с академической точки зрения текст ПСС требует большой и тщательной проверки.

В заключение остановлюсь на технических деталях.

1. Все отрывки даны по возможности в хронологической последовательности. В конце отрывка указано название произведения или адресация письма, а также дата. Если из какого-либо произведения взято много отрывков, то его название вынесено в подзаголовок, а сами отрывки идут друг за другом без отдельной адресации. В этом случае дата помещается позади последнего отрывка, который отделяется от последующего текста тремя звёздочками. В ряде случаев «отрывок» представляет собой полное или почти полное воспроизведение небольшой статьи Ленина. Тогда он тоже снабжается отдельным подзаголовком.

2. У большинства соратников Ленина было множество псевдонимов. Зачастую один и тот же персонаж проходит в ПСС под несколькими именами. Разобраться в этих «Фин-

кельманах», «Рувимах Ущербных», «дядях Серёжах», «Сысойках», «Пиджаках» и даже числительных и номерах (например, один из псевдонимов Романа Малиновского «№ 3») довольно сложно. Кроме того, многие псевдонимы для современного читателя превратились в ничего не значащие, но назойливые штампы. Чтобы свести всю эту «философию имени» к одному знаменателю, я старался везде заменить клички «реальной» фамилией.

Тут тоже существует мера условности. Не совсем ясно, какова настоящая фамилия «Зиновьева». В документах полиции он проходит как Анфельбаум, но это вроде бы фамилия его матери, а не отца. «Дан» пишется то Гурвичем, то Гуревичем. «Литвинов», по одним данным – Валлах, по другим – Финкельштейн, а по третьему изданию БСЭ – Баллах. Я особо не углублялся, так как не ставил задачу «разоблачения», а исходил из принципа удобства. Художественные псевдонимы (Горький, Вересаев) и псевдонимы иностранных революционеров мною сохранены. Особым случаем является упомянутый выше Роман Малиновский. Дело в том, что его настоящая фамилия до сих пор неизвестна. По всей видимости, это был польский дворянин, работавший на иностранную разведку. Учитывая, что фамилию Малиновский носил другой соратник Ленина, Александр Богданов, я во избежание путаницы везде именую Романа Малиновского «Лжемалиновским».

В именном указателе наиболее общеупотребительные

псевдонимы (Троцкий, Сталин, Зиновьев) указаны отдельно.

Сам Ленин имел множество псевдонимов: «Фрей», «Ильин», «Ивановский», «Базиль», «Мейер», «Рихтер». Кроме того, из-за тотальной пропаганды настоящая фамилия Ленина превратилась в один из его псевдонимов, так что именовать Ленина «Ульяновым» бессмысленно. Поэтому я выбрал звучащий для советского читателя странно полный псевдоним – «Николай Ленин», – как наиболее отстранённый и нейтральный.

3. Все купюры внутри отрывков обозначены многоточиями в острых скобках.

4. В ряде случаев в текст внесены незначительные стилистические изменения (замена местоимений личными именами, изменение падежей и т.д.). Например: «Плеханов сказал» вместо «Он сказал». Из-за отсутствия смысловой нагрузки эти изменения специально не оговариваются.

5. Все даты даны по новому стилю.

Предисловие

Чего нет в этой книге

Первая статья Ленина написана в 1893 году. Концом этого же года датируются первые дошедшие до нас письма.

Между тем по обстоятельствам жизни Ленин (родившийся в 1870 году) несомненно вёл активную переписку до 1893 года. Его адресатами были члены семьи, часть из которых постоянно находилась в других городах, а также многочисленные родственники со стороны матери. У Марии Александровны Ульяновой-Бланк было четыре сестры, все имели по несколько детей и поддерживали с Ульяновыми тесные личные и деловые отношения.

Эта переписка с родственниками не сохранилось, также отсутствуют письма матери.

В эпистолярном наследии удивляет отсутствие переписки со школьными друзьями и вообще упоминаний о гимназической жизни. Видимо, это следствие того, что Ленин бойкотировался одноклассниками, как грубый и наглый любимчик гимназического начальства.

В опубликованной переписке нет также упоминаний об отце и старшем брате Александре. В подростковом воз-

расте у Ленина были конфликты с отцом на религиозной почве. Учитывая вспыльчивость и раздражительность людей, склонных к insultу, можно предположить, что Илья Николаевич умер во время или сразу после очередной ссоры с сыном, и фигура умолчания в переписке объясняется подавленным чувством вины.

Что касается старшего брата, то Александр в семье считался не от мира сего, карьерные надежды целиком связывались со средним сыном. Ленин-подросток относился к брату скептически и всячески его высмеивал. После смерти отца в январе 1886 года Николай в отсутствие старшего брата и старшей сестры стал вести себя как глава семьи, грубо обходясь с матерью. На почве этого между ним и вернувшимися из Петербурга на летние каникулы Александром и Анной возник конфликт.

Участие Александра в подготовке покушения на царя он воспринял как идиотскую выходку, поставившую под удар благополучие семьи и, прежде всего, самого Ленина. Первоначально у Николая и в мыслях не было заниматься революционной деятельностью, в школе он был примерным учеником и намеревался поступать на юридический факультет Петербургского университета – исконное место учёбы государственных карьеристов.

Из-за казни брата в мае 1887 он был вынужден поступить во второклассный Казанский университет. Как последствие «чумного поцелуя» брата Николай воспринял

и последовавшее вскоре исключение из этого учебного заведения.

Радикально настроенные студенты отнеслись к брату казнённого преувеличенно сочувственно, он был принят на равных в компании старшекурсников. На домашнего юношу, не пользовавшегося в гимназическом коллективе авторитетом, это произвело опьяняющее впечатление. Ленин под влиянием минутного настроения принял участие в студенческой стачке и был исключён с волчьим билетом.

Отрезвев, он горько раскаялся в содеянном и несколько лет упорно доказывал свою политическую благонадёжность, подавая прошения с просьбой продолжить образование, сторонясь любых нежелательных контактов. Некоторое время молодой Ленин даже пытался вести жизнь помещика, занимаясь сельским хозяйством в купленном в 1879 году имении Алакаевке.

Наконец осенью 1891 года ему удаётся получить диплом юриста и устроиться помощником присяжного поверенного в Самаре. Сдав экзамены экстерном в Петербургском университете, аутсайдер Ленин и по времени, и по «качеству» догнал сверстников, продолжавших стандартное образование. Однако вскоре выяснилось, что никаких судебных талантов у начинающего адвоката нет. Судебные дела он регулярно проигрывал, отношения с коллегами у лично антипатичного и неуживчивого молодого человека не складывались. Некоторый интерес вызывало как раз то, что Ленин

всеми силами пытался забыть, — близкое родство с «тем самым» Ульяновым. Для амбициозного карьериста такое положение дел было невыносимо, родственники вспоминают, что в это время Ленина довела до слёз чеховская «Палата № 6».

В конце концов, после очередной служебной неудачи Ленин продаёт самарское имение (тоже заброшенное и сдаваемое в аренду) и уезжает из провинции в столицу. С этого периода (осень 1893 года) и начинается его «революционная» деятельность.

В советское время «неправильное шестилетие» претерпело кардинальную идеологическую трансформацию. Реальные обстоятельства жизни молодого Ленина были объявлены несуществующими, а скудная фактическая основа заполнилась ничего не значащими обтекаемыми фразами: «участвовал в первых марксистских кружках», «поддерживал связи с революционерами», «изучал социалистическую литературу».

Поскольку данных о революционной деятельности Ленина в его ранней переписке не было, таковая благополучно «не сохранилась».

1. Инкубация (1889 – 07.1900)

От автора

Известие об аресте и казни Александра Ульянова – члена уважаемой в городе фамилии – произвело на жителей Симбирска (небольшого городка с 30-тысячным населением) впечатление разорвавшейся бомбы. Ульяновым объявили бойкот, они были вынуждены спешно, в течение месяца, уехать от позора. Местом жительства была выбрана Казань. Выбор объяснялся несколькими обстоятельствами. В Казани находился университет, в котором предполагал учиться Ленин, в Казани жили близкие родственники. Кроме того, 150-тысячная Казань по тем временам была крупным городом, в нём гораздо легче было сохранить анонимность.

В конце 1889 года Ульяновы переехали в Самару, а осенью 1893 года в Москву. Ленин в Москву не поехал и поселился в Петербурге. Там Николай устроился в качестве помощника к присяжному поверенному Волкеништейну, но заниматься адвокатской практикой не собирался. Переезд в столицу знаменовал выбор карьеры радикального публициста.

В этот момент Ленин ещё не планировал заниматься нелегальной деятельностью. Скорее его прельщала роль Михайловского: человека, страдающего пассивно из-за декларируемых убеждений, но не занимающегося подрывной деятельностью непосредственно. Именно по этому пути пошёл его сверстник и в определённой степени позитивное альтер эго Пётр Струве. Однако Ленин по обстоятельствам темперамента быстро втянулся в нелегальную деятельность. Эволюция была неизбежной, но вряд ли вполне сознательной.

Его первые литературные опыты оказались малоудачными. В общем, до конца жизни он так и не научился писать, хотя писал много, постоянно и на различные темы. Как литератор Ленин значительно уступает Бронштейну, Собельсону, Цедербауму и другим социал-демократическим публицистам. Однако он нашёл своего конька в нападках на народников, обратив на себя внимание безапелляционностью суждений, напористостью и даже руганью. Содержания в ленинской критике было ни на грош – по тому времени это было политкорректное ломание в открытую дверь, – но именно эта заурядность облегчила его вхождение в среду радикальной социал-демократической молодёжи.

В мае 1895 года Ленин впервые в жизни отправляется за границу. Поездка длилась свыше четырёх месяцев. Кроме посещения курортов, приятного времяпровождения в Швейцарии, Германии и Франции, Ленин встречается с лидерами русской социал-демократической эмиграции Плехановым

и Аксельродом. Молодой человек производит самое благоприятное впечатление, ему даются пароли и «домашние задания». Ленин воспринимает удачную аудиенцию как головокружительный успех и с азартом окунается в революционное подполье. Смысл его усилий заключается в попытках направить зарождающееся профсоюзное движение во вредительское антигосударственное русло. На этом этапе он лишь исполнитель воли Плеханова и Аксельрода. В дальнейшем забастовки планировалось использовать для оказания давления на русское правительство.

Через несколько месяцев крайне неумелой подпольной деятельности Ленина арестовывают, год содержат в предварительном заключении и весной 1897 года высылают на три года в Восточную Сибирь.

В антиленинской литературе всячески принижают выпавшие на его долю испытания. Год в тюрьме изображается чуть ли не оздоровительным курсом санатория, а сибирская ссылка – средиземноморским курортом. Тон тогдашней переписки Ленина, неизменно бодрый и шутливый, казалось бы, подкрепляет подобные спекуляции. Между тем и тюрьма, и ссылка в Сибирь – тогда далёкую колонию – были серьёзными испытаниями. Некоторые соратники Ленина сошли с ума, умерли, застрелились. Бодрое настроение ссылного Ленина объясняется не лёгкостью обстановки, а эйфорией от всеобщего внимания и благожелательных протекций. Ленин впервые приобрёл некоторую попу-

лярность. Даже свои сердечные дела он довёл до счастливой развязки благодаря тюрьме и ссылке. Сосланная в Уфимскую губернию Крупская поехала отбывать наказание в Сибирь, чтобы стать супругой пламенного революционера (в Сибирь поехала и мать Крупской). А главное, Ленин прекрасно понимал, что правительственные репрессии – неизбежный этап карьеры профессионального революционера. Сравнительно небольшой срок по нашему делу, при образцовом поведении во время следствия, да ещё учитывая повешенного брата-террориста, обеспечивал ему прочное положение в эмиграции.

Не следует переоценивать политический радикализм Ленина этого периода. По своим взглядам он был молодым левым интеллигентом, вроде Потресова, Цедербаума, даже Струве или Туган-Барановского.

В период ленинской ссылки разгорелась полемика с «экономизмом», неким течением в марксизме, якобы стремящимся сконцентрировать борьбу рабочих на узкопрофессиональных интересах. Это был ярлык, навешенный стариками из заграничной группы «Освобождение труда», боявшимся конкуренции со стороны русской молодёжи. Реально термин ничего не обозначал, например, Ленина можно упрекнуть в том же самом. Мастером навешивать талмудические ярлыки был Аксельрод, через несколько лет он подведёт такой же «идеологический базис» под политическую грызню между большевиками и меньшевиками. Ленин и Цедербаум,

отрезанные ссылкой от партийной жизни, яростно поддержали Плеханова и Аксельрода. Им было важно сохранить связь со старой эмиграцией и закрепить именно за собой имидж представителей нового революционного поколения. Благодаря этому была скомкана партийная карьера многих социал-демократических сверстников Ленина и Цедербаума. Часть из них, подобно Струве, была оттеснена к более терпимым кадетам, другие были допущены в ряды социал-демократии заведомо на вторых ролях и после предварительных покаянных процедур (Гольдендах, Пиккер). Третьи, подобно Тахтарёву, зареклись впредь ступать ногой на идеологическое поле чудес. Благодаря этому никакого «ревизионизма» в русской социал-демократии не возникло. И большевики, и меньшевики всегда были ортодоксальными «каутскими» плехановско-аксельродовского типа, то есть германскими социалистами образца 80-х годов XIX века.

Что было бы, если бы Ленин и Цедербаум не были насильственно изъяты из столичного процесса кристаллизации отечественной социал-демократии? Скорее всего, они бы поддержали сверстников против Плеханова и Аксельрода, постаравшись их возглавить. Но такой вариант развития событий указывает тот факт, что даже после возвращения из Сибири Ленин рекомендовал для работы в «Искре» Струве, чем вызвал раздражение Плеханова.

1889 год
(№ отрывка: 1)

1

В течение двух лет, прошедших по окончании мною курса гимназии, я имел полную возможность убедиться в громадной трудности, если не в невозможности, найти занятие человеку, не получившему специального образования.

(Прошение на имя министра народного просвещения от 10 ноября)

1893 год
(№ отрывка: 2)

2

Насчёт критики Н. К. Михайловского – думаю тоже, что редакция никакая не поместит – не столько по цензурным условиям, сколько по несогласию с Вами и трусости перед нахальной и зазнавшийся «шишкой».

(письмо Маслову, декабрь)

1894 год
(№№ отрывков: 3–23)

**Что такое друзья народа и как они
воюют против социал-демократов**

3

Можно судить, какие остроумные, серьёзные и приличные приёмы полемики употребляет г. Михайловский, когда он сначала перевирает Маркса, приписывая материализму в истории вздорные претензии «всё объяснить», найти «ключ ко всем историческим замкам» (претензии, сразу же, конечно, и в очень ядовитой форме отвергнутые Марксом в его «письме» по поводу статей Михайловского), затем ломается над этими, им же самим сочинёнными претензиями и, наконец, приводя точные мысли Энгельса, – точные потому, что на этот раз даётся цитата, а не пересказ, – что политическая экономия, как её понимают материалисты, «подлежит ещё созданию», что «всё, что мы от неё получили, ограничивается» историей капиталистического общества», – делает такой вывод, что «словами этими весьма суживается поле действия экономического материализма»! Какой безграничной наивностью или каким безграничным самомнени-

ем должен обладать человек, чтобы рассчитывать на то, что такие фокусы пройдут незамеченными! Сначала переврал Маркса, затем поломался над своим враньём, потом привёл точные мысли – и теперь имеет нахальство объявлять, что ими суживается поле действия экономического материализма!

Какого сорта и качества это ломанье г. Михайловского, можно видеть из следующего примера:

«Маркс нигде не обосновывает их» – т. е. основании теории экономического материализма, – говорит г. Михайловский. «Правда, Маркс вместе с Энгельсом задумал написать сочинение философско-исторического и историко-философского характера и даже написал (в 1845—1846 гг.), но оно никогда не было напечатано. Энгельс говорит: „первую часть этого сочинения составляет изложение материалистического понимания истории, которое показывает только, как недостаточны были наши познания в области экономической истории“. Таким образом – заключает г. Михайловский – основные пункты „научного социализма“ и теории экономического материализма были открыты, а вслед за тем и изложены в „Манифесте“ в такое время, когда, по собственному признанию одного из авторов, нужные для такого дела познания были у них слабы».

Не правда ли, как мила такая критика! <...> Решение Маркса и Энгельса не публиковать работы историко-философской и сосредоточить все силы на научном анализе од-

ной общественной организации характеризует только высшую степень научной добросовестности. Решение г. Михайловского поломаться над этим добавленьищем, что, дескать, Маркс и Энгельс излагали свои воззрения, сами сознаваясь в недостаточности своих познаний для выработки их, характеризует только приемы полемики, не свидетельствующие ни об уме, ни о чувстве приличия.

4

Характерно тут в высшей степени то, что как только наш субъективный философ¹ попробовал перейти от фраз к конкретным фактическим указаниям, – так и сел в лужу. И он прекрасно, по-видимому, чувствует себя в этой, не особенно чистой, позиции: сидит себе, охорашивается и брызжет кругом грязью.

5

Что особенно возмутительно во всей этой полемике г. Михайловского, так это именно его приёмы. <...> Ведь никаких определённых, ясных возражений не делается, и только рассыпаются там и сям, среди разлитого моря фраз, бессмысленные издёвки. Как же не назвать этого грязью? особенно если принять во внимание, что защита идей и тактики Интернационала легально в России не допускается?

¹ Михайловский.

Мы не станем, конечно, следить за этим ломаньем, потому что достаточно уже познакомились с этой вещью. Пускай себе кувыркается на потеху и удовольствие г. Буренина (который недаром погладил по головке г. Михайловского в «Новом Времени»), пускай себе, раскланявшись с Марксом, тявкает на него исподтишка: «полемика-де его с утопистами и идеалистами и без того односторонняя», т. е. и без повторения её доводов марксистами. Мы никак не можем иначе назвать этих выходок, как тявканьем, потому что НИ ОДНОГО буквально фактического, определённого, проверяемого возражения им не приведено против этой полемики, так что, – как ни охотно бы вступили мы в разговор на эту тему, считая эту полемику крайне важной для разрешения русских социалистических вопросов, – мы прямо-таки не в состоянии отвечать на тявканье и можем только пожать плечами: «Ай, моська, знать она сильна, коль лает на слона!»

Михайловский говорит о «конфликте между идеей исторической необходимости и значением личной деятельности»: общественные деятели заблуждаются, считая себя деятелями, тогда как они «деемые», «марионетки, подергиваемые из таинственного подполья имманентными законами исторической необходимости» – такой вывод следует, дескать, из этой идеи, которая посему и именуется «бес-

плодной» и «расплывающейся». Не всякому читателю, пожалуй, понятно, откуда взял всю эту чепуху – марионеток и т. п. – г. Михайловский. Дело в том, что это один из любимых коньков субъективного философа – идея о конфликте между детерминизмом и нравственностью, между исторической необходимостью и значением личности. Он написал об этом груды бумаги и наговорил бездну сентиментально-мещанского вздора, чтобы разрешить этот конфликт в пользу нравственности и роли личности. На самом деле, никакого тут конфликта нет: он выдуман г. Михайловским, опасавшимся (и не без основания), что детерминизм отнимет почву у столь любимой им мещанской морали. Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нисколько не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю.

8

Следует понять нелепость обвинения марксизма в гегелевской диалектике.

9

Всякий знает, что никаких собственно перспектив будущего никогда научный социализм не рисовал: он ограничи-

вался тем, что давал анализ современного буржуазного режима, изучал тенденции развития капиталистической общественной организации – и только.

10

Г-н Михайловский виляет и вертится, как уличённый гимназист: Я тут совершенно ни при чём – силится доказать он читателю – я «собственными ушами слышал и собственными глазами видел». Да, прекрасно! Мы охотно верим, что у вас под глазами нет никого, кроме пошляков и негодяев, но при чём же тут мы-то, социал-демократы? Кто же не знает, что «в настоящее время, когда» не только социалистическая, но и всякая мало-мальски самостоятельная и честная общественная деятельность вызывает политическое преследование, – на одного, действительно работающего под тем или другим знаменем – народовольчества, марксизма или, хоть скажем, конституционализма – приходится несколько десятков фразёров, прикрывающих этим именем свою либеральную трусость, и ещё, может быть, несколько прямых уже подлецов, обстраивающих свои собственные делишки? Не ясно ли, что только самая низменная пошлость способна бы была ставить в упрёк какому бы то ни было из этих направлений тот факт, что его знамя пачкает (и притом непублично и негласно) всякая шваль? Всё изложение г. Михайловского – сплошная цепь искажений, извращений и подтасовок. Выше мы видели, что те «истины», из которых ис-

ходят социал-демократы, он совершенно переврал, изложил так, как никто из марксистов нигде и никогда их не излагал и не мог излагать.

11

Масса мелких деревенских эксплуататоров представляет страшную силу, страшную особенно тем, что они давят на трудящегося враздробь, поодиночке, что они приковывают его к себе и отнимают всякую надежду на избавление, страшную тем, что эта эксплуатация при дикости деревни, порождаемой свойственными описываемой системе низкой производительностью труда и отсутствием сношений, представляет из себя не один грабёж труда, а ещё и азиатское надругательство над личностью, которое постоянно встречается в деревне. Вот если вы станете сравнивать эту **ДЕЙСТВИТЕЛЬНУЮ** деревню с нашим капитализмом, – вы поймёте тогда, почему социал-демократы считают прогрессивной работу нашего капитализма, когда он стягивает эти мелкие раздробленные рынки в один всероссийский рынок, когда он создаёт на место бездны мелких благонамеренных живоглотов кучку крупных «столпов отечества», когда он обобществляет труд и повышает его производительность, когда он разрывает это подчинение трудящегося местным кровопийцам и создает подчинение крупному КАПИТАЛУ. Это подчинение является прогрессивным по сравнению с тем – несмотря на все ужасы угнетения труда, вымирания, одича-

ния, калечения женских и детских организмов и т. п., — потому, что оно БУДИТ МЫСЛЬ РАБОЧЕГО.

12

Русские социал-демократы срывают с нашей деревни украшающие её воображаемые цветы, воюют против идеализаций и фантазий, производят ту разрушительную работу, за которую их так смертельно ненавидят «друзья народа», — не для того, чтобы масса крестьянства оставалась в положении теперешнего угнетения, вымирания и порабощения, а для того, чтобы пролетариат понял, каковы те цепи, которые сковывают повсюду трудящегося, понял, как куются эти цепи, и сумел подняться против них, чтобы сбросить их и протянуть руку за настоящим цветком.

13

Топырщатся же подобные слизняки толковать о безыдейности социал-демократов!

14

Г-н Карышев с упоением либерального кретина рассказывает случай «усовершенствований и улучшений» в крестьянском хозяйстве — «распространения в крестьянском хозяйстве улучшенных сортов семян».

15

«Друзей народа» надо изучать не тогда, когда они воюют с социал-демократами, потому что они для такого случая надевают мундир, сшитый из лохмотьев «отцовских идеалов», а в их будничной одежде, когда они обсуждают детально вопросы повседневной жизни. И тогда вы можете наблюдать этих идеологов мещанства со всем их цветом и запахом.

16

«Друзья народа» являются злейшими реакционерами, когда говорят, что естественная задача государства – охранять экономически слабого (так ДОЛЖНО БЫТЬ дело по их пошлой старушечьей морали), тогда как вся русская история и внутренняя политика свидетельствуют о том, что задача нашего государства – охранять только помещиков-крепостников и крупную буржуазию и самым зверским способом расправляться со всякой попыткой «ЭКОНОМИЧЕСКИ СЛАБЫХ» постоять за себя. И это, конечно, его ЕСТЕСТВЕННАЯ задача.

17

Хроникёр внутренней жизни в № 2 «Русского Богатства», толкуя о том, что Россия «к счастью» (sic!) отсталая страна, «сохраняющая элементы для обоснования своего экономического строя на принципе солидарности», – говорит, что поэтому она в состоянии выступить «в международных отношениях проводником экономической солидарности» и что

шансы на это увеличивает для России её неоспоримое «политическое могущество»!!

Это европейский-то жандарм, постоянный и вернейший оплот всякой реакции, доведший русский народ до такого позора, что, будучи забит у себя дома, он служил орудием для забивания народов на Западе, – этот жандарм определяется в проводники экономической солидарности! Это уже выше всякой меры! Гг. «друзья народа» за пояс заткнут всех либералов. Они не только просят правительство, не только славословят, они прямо-таки молятся на это правительство, молятся с земными поклонами, молятся с таким усердием, что вчуже жутко становится, когда слышишь, как трещат их верноподданнические лбы.

18

Г-н Кривенко заявляет, что Маркс «признавал для России возможным при желании (?!!) и соответственной деятельности избежать капиталистических перипетий и идти по другому, более целесообразному пути (sic!)».

Итак, ПО МАРКСУ, эволюция общественно-экономических отношений зависит от воли и сознания людей?? Что это такое – невежество ли безмерное, нахальство ли беспримерное?!

19

Та пора общественного развития России, когда демокра-

тизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое (как это было, например, в эпоху Чернышевского), безвозвратно канула в вечность. Теперь нет уже решительно никакой почвы для той идеи, – которая и до сих пор продолжает ещё кое-где держаться среди русских социалистов, крайне вредно отзываясь и на их теориях и на их практике, – будто в России нет глубокого, качественного различия между идеями демократов и социалистов. Совсем напротив: между этими идеями лежит целая пропасть, и русским социалистам давно бы пора понять это, понять НЕИЗБЕЖНОСТЬ и НАСТОЯТЕЛЬНУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ ПОЛНОГО и ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РАЗРЫВА с идеями демократов.

20

Вообще, русским коммунистам, последователям марксизма, более чем каким-нибудь другим, следует именовать себя СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ и никогда не забывать в своей деятельности громадной важности ДЕМОКРАТИЗМА <...> борьба рядом с радикальной демократией против абсолютизма и реакционных сословий и учреждений – прямая обязанность рабочего класса, которую и должны внушить ему социал-демократы, не упуская ни на минуту в то же время внушить ему, что борьба против всех этих учреждений необходима лишь как средство для облегчения борьбы против буржуазии, что осуществление общедемократических тре-

бований необходимо рабочему лишь как расчистка дороги, ведущей к победе над главным врагом трудящихся – чисто демократическим по своей природе учреждением, КАПИТАЛОМ, который у нас в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения.

Изложенное достаточно определяет, кажется, отношение социал-демократов к абсолютизму и политической свободе...

21

Осуществление общедемократических требований необходимо рабочему лишь как расчистка дороги, ведущей к победе над главным врагом трудящихся – чисто демократическим по своей природе учреждением, КАПИТАЛОМ, который у нас в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения.

Изложенное достаточно определяет, кажется, отношение социал-демократов к абсолютизму и политической свободе, а также отношение их к особенно усиливающемуся в последнее время течению, направленному к «объединению» и «союзу» всех фракций революционеров для завоевания политической свободы.

22

Социал-демократами на первое место непременно становится всегда практическая работа пропаганды и агитации по той причине, что теоретическая работа даёт только ответы на те запросы, которые предъявляет практическая работа.

23

Не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится – соответствие её с действительным процессом общественно-экономического развития; не может быть сектаторства, когда задача сводится к содействию организации пролетариата, когда, следовательно, роль «интеллигенции» сводится к тому, чтобы сделать ненужными особых, интеллигентных руководителей.

(не позднее августа)

1895 год
(№№ отрывков: 24–35)

**Экономическое содержание народничества
и критика его в книге г. Струве**

24

Взгляды социал-демократов не раз уже излагались с целью критики на страницах либерально-народнической печати, и это изложение до безобразия затемнило их, – даже более того: исказило, припутав не имеющее никакого отношения к ним гегельянство, «веру в обязательность для каждой страны пройти через фазу капитализма» и много другого чисто уже нововременского вздора.

25

С точки зрения Маркса и Энгельса, философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и её материал распадается между разными отраслями положительной науки.

26

Всякая бюрократия и по своему историческому проис-

хождению, и по своему современному источнику, и по своему назначению представляет из себя чисто и исключительно буржуазное учреждение, обращаться к которому с точки зрения интересов производителя только и в состоянии идеологии мелкой буржуазии.

27

Нельзя не признать справедливости утверждения Зомбарта, что «в самом марксизме от начала до конца нет ни грана этики»: в отношении теоретическом – «этическую точку зрения» он подчиняет «принципу причинности»; в отношении практическом – он сводит её к классовой борьбе.

28

Конкуренция повысивших культуру хозяев неминуемо и немедленно экспроприирует крестьянина до конца, обратит из пролетария, прикрепленного к земле, в пролетария, свободного как птица.

(начало года)

29

По «загранице» путешествую уже вторые сутки и упражняюсь в языке: я оказался совсем швах, понимаю немцев с величайшим трудом, лучше сказать, НЕ ПОНИМАЮ ВО-

ВСЕ. (Не понимаю даже самых простых слов, — до того необычно их произношение, и до того они быстро говорят.) Пристаёшь к кондуктору с каким-нибудь вопросом, — он отвечает; я не понимаю. Он повторяет громче. Я всё-таки не понимаю, и тот сердится и уходит. Несмотря на такое позорное фиаско, духом не падаю и довольно усердно коверкаю немецкий язык.

(письмо матери, 14 мая)

30

Плохую только очень по части языка: разговорную немецкую речь понимаю несравненно хуже французской. Немцы произносят так непривычно, что я не разбираю слов даже в публичной речи, тогда как во Франции я понимал почти всё в таких речах с первого же раза. Третьего дня был в театре; давали «Ткачей» Гауптмана. Несмотря на то, что я перед представлением перечитал всю драму, чтобы следить за игрой, — я не мог уловить всех фраз.

(письмо матери, 10 августа)

31

Берлинские Sehenswürdigkeiten² посещаю очень лениво: я вообще к ним довольно равнодушен и большей частью попадаю случайно. Да мне вообще шлянье по разным народным вечерам и увеселениям нравится больше, чем посеще-

² «Достопримечательности» (нем.).

ние музеев, театров, пассажей и т. п. Насчёт того, чтобы надолго остаться здесь, – я не думаю: «в гостях хорошо, а дома лучше».

(письмо матери, 29 августа)

32

Дальнейшее – самая скучная, невероятно придирчивая критика «Литературной Газеты», какой-то подстрочный комментарий «разносящего» типа. Ровно ничего интересного. <...> Вся VII глава, кроме приведённых <выше> мест, содержит только самые невероятные придирки, передразнивание, ловлю противоречий самого мелкого свойства, высмеивание всяких глупостей в «Литературной Газете» и пр. <...> В главе VIII мы имеем параграф с <...> некоторыми «радикальными», но безынтересными замечаниями Маркса.

(Конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство», август)

33

В 1870 г. Энгельс перебрался в Лондон и до 1883 г., когда скончался Маркс, продолжалась их совместная духовная жизнь, полная напряжённой работы. Плодом её были – со стороны Маркса – «Капитал», величайшее политико-экономическое произведение нашего века, со стороны Энгельса – целый ряд крупных и мелких сочинений. Маркс работал над разбором сложных явлений капиталистического хо-

зяйства. Энгельс в весьма легко написанных, нередко полемических работах освещал самые общие научные вопросы и разные явления прошлого и настоящего – в духе материалистического понимания истории и экономической теории Маркса. Из этих работ Энгельса назовём: полемическое сочинение против Дюринга (здесь разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук. Это удивительно содержательная и поучительная книга), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и т. д. <...> Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учёными и бойцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе. Энгельс всегда – и, в общем, совершенно справедливо – ставил себя позади Маркса. «При Марксе, – писал он одному старому приятелю, – я играл вторую скрипку». Его любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего были беспредельны. Этот суровый борец и строгий мыслитель имел глубоко любящую душу.

(«Фридрих Энгельс»)

34

Маркс и Энгельс сделали социалистами из ДЕМОКРАТОВ, и демократическое чувство НЕНАВИСТИ к политическому произволу было в них чрезвычайно сильно.

(то же)

35

Комнатой не очень доволен — во-первых, из-за придирчивости хозяйки; во-вторых, оказалось, что соседняя комната отделяется тоненькой перегородкой, так что всё слышно и приходится иногда убегать от балалайки, которой над ухом забавляется сосед. К счастью, это бывало до сих пор не часто. Большей частью его не бывает дома, и тогда в квартире очень тихо.

(письмо сестре Марии, 18 декабря)

1896 год

(№№ отрывков: 36–38)

36

Получил вчера припасы от тебя, и как раз перед тобой ещё кто-то принёс мне всяких снедей, так что у меня собираются целые запасы: чаем, например, с успехом мог бы открыть торговлю, но думаю, что не разрешили бы, потому что при конкуренции с здешней лавочкой победа осталась бы несомненно за мной. Хлеба я ем очень мало, стараясь соблюдать некоторую диету, – а ты принесла такое необъятное количество, что его хватит, я думаю, чуть не на неделю, и он достигнет, вероятно, не меньшей крепости, чем воскресный пирог достигал в Обломовке.

Всё необходимое у меня теперь имеется, и даже сверх необходимого. (Например, кто-то принёс сюртук, жилет и платок. Всё это, как лишнее, прямо «проследовало» в цейхгауз.) Здоровье вполне удовлетворительно. Свою минеральную воду я получаю и здесь: мне приносят её из аптеки в тот же день, как закажу. Сплю я часов по девять в сутки и вижу во сне различные главы будущей своей книги. Здорова ли мама и остальные у нас дома? Передай всем поклон.

Если случится быть ещё как-нибудь здесь, – принеси мне, пожалуйста, карандаш с графитом, вставляемым в жестяную ручку. Обыкновенные карандаши, обделанные в дерево,

здесь неудобны: ножа не полагается. Надо просить надзирателя починить, а они исполняют такие поручения не очень охотно и не без проволочек. Хорошо бы также получить стоящую (может быть, вернее: стоявшую?) у меня в ящике платяного шкафа овальную коробку с клистирной трубкой. Кажалось бы, это не невозможно и без доверенности: дать хозяйке четвертак в зубы, пускай съездит на извозчике сюда и сдаст ПОД РАСПISКУ. Но, к сожалению, ведь эта почтеннейшая матрона упряма, как Коробочка. Настоятельной пока надобности нет, так что покупать не стоит.

(письмо сестре Анне, 25 января)

37

Русская социал-демократическая партия требует прежде всего:

1. Создания Земского собора из представителей всех граждан для выработки конституции <...>

7. Предоставления каждому гражданину права преследовать всякого чиновника пред судом, без жалобы по начальству.

8. Отмены паспортов, полной свободы передвижений и переселений.

9. Свободы промыслов и занятий и уничтожения цехов <...>

Для рабочих русская социал-демократическая партия требует: <...>

3. Законодательного запрещения ночной работы и смен.

(Проект и объяснение программы социал-демократической партии, июль)

38

В России (и только в одной России из всех европейских государств) сохраняется до сих пор неограниченная власть самодержавного правительства. <...> Граждане лишены всякого права требовать отчета от чиновников, проверять их действия, обвинять пред судом. Граждане лишены даже права обсуждать государственные дела: они не смеют устраивать собрания или союзы без разрешения тех же чиновников. Чиновники являются, таким образом, в полном смысле слова безответственными; они составляют как бы особую касту, поставленную над гражданами. Безответственность и произвол чиновников и полная безгласность самого населения порождают такие вопиющие злоупотребления власти чиновников и такое нарушение прав простого народа, какое едва ли возможно в любой европейской стране.

(то же)

1897 год

(№№ отрывков: 39–46)

39

Читая Сисмонди, невольно вспоминаешь страстно-гневные выходки Прудона, доказывавшего, что мальтузианство есть проповедь супружеской практики... некоторого противоестественного порока.

(К характеристике экономического романтизма, июль)

40

Село Шушенское большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных – всё как быть следует. Стоит в степи – садов и вообще растительности нет. Окружено село... навозом, который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда почти пройти через некоторое количество навоза.

(письмо матери и сестре Марии, 2 августа)

Новый фабричный закон

41

Обязательных праздников новый закон установил 66 в году, 52 воскресенья, 8 праздников в числах (1 и 6 янва-

ря, 25 марта, 6 и 15 августа, 8 сентября, 25 и 26 декабря) и 6 праздников передвижных (пятница и суббота Страстной недели, понедельник и вторник Пасхи, Вознесение и Сошествие Святого Духа). А сколько было до сих пор на наших фабриках ОБЫЧНЫХ праздничных дней в году? <...> По Московской губернии сведения собраны были о 47 крупных фабриках, имеющих вместе свыше 20 тысяч рабочих. Оказалось, что для ручных фабрик обычное число праздников в году 97, а для механических 98. Самое меньшее число праздников в году оказалось 78: эти 78 дней празднуются во всех БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ исследованных фабриках. <...> Самое меньшее число праздников найдено было на одной фабрике с 75 праздниками. Этому ОБЫЧНОМУ на русских фабриках числу праздничных дней в году соответствовало и число праздников, установленных в заводах, подчинённых военному ведомству; именно там установлено 88 праздников в году. Почти столько же дней признается по нашим законам непроступственными (87 дней в году). Следовательно, обычное число праздников в году было до сих пор у рабочих такое же, как и у остальных граждан. Наше «христианское правительство», заботясь о здоровье рабочих, выкинуло из этих обычных праздников четвертую часть, целых 22 дня, оставив только 66 обязательных праздников. Перечислим эти откинутые правительством в новом законе обычные праздники. Из праздников в числах откинуты: 2 февраля – Сретение; 9 мая – Николин день; 29 июня – Петров день; 8 июля –

Казанской <Божьей Матери>; 20 июля – Ильин день; 29 августа – Ивана Крестителя; 14 сентября – Воздвижение; 1 октября – Покров (даже этот праздник правительство сочло излишним и необязательным. Можно быть уверенным, что из фабрикантов не найдётся ни одного, который бы решился заставить рабочих работать в этот день. Правительство и здесь опять-таки защищает интересы и прижимки худших фабрикантов); 21 ноября – Введение во храм; 6 декабря – Николин день. Итого откинута 10 праздников в числах. (Мы перечислили только те праздники, которые праздновались до сих пор на ВСЕХ фабриках. Есть и ещё много праздников, общих ДЛЯ ГРОМАДНОГО БОЛЬШИНСТВА фабрик, напр., запусы, пятница масленой недели, четверг, пятница и суббота пасхальной недели и многие другие.) Далее из передвижных праздников откинута суббота масленой недели и среда последней недели, т. е. два праздника. Всего, значит, откинута 12 праздников из САМОГО МЕНЬШЕГО числа праздников, которые давались до сих пор на отдых рабочим по господствовавшему обычаю. Правительство так любит называть себя «христианским» правительством; обращаясь к рабочим, министры и другие чиновники улашают свою речь фразами о «христианской любви» и «христианских чувствах» фабрикантов к рабочим, правительства к рабочим и т. д. Но как только вместо фраз начинается дело, так все эти лицемерные и ханжеские слова летят к чёрту. <...>

Закон указывает только обязательные праздники; но рабо-

чие имеют право требовать кроме них и других праздников. Необходимо только добиваться, чтобы все праздники были внесены в правила внутреннего распорядка.

42

Императорское правительство очень любит писать хорошие слова в законах, а затем позволять обходить эти законы, заменяя их ИНСТРУКЦИЯМИ.

43

О перерывах постановлены такие правила: во-первых, что перерывы не входят в число рабочих часов, что рабочий свободен на время перерыва; перерывы должны быть указаны в правилах внутреннего распорядка; во-вторых, что перерыв должен быть обязательно установлен только в том случае, когда рабочее время более 10 часов в сутки и что перерыв должен быть не менее одного часа. Это правило несколько не улучшает положения рабочих. Скорее напротив. Часовой перерыв крайне мал: на большинстве фабрик установлен полуторачасовой перерыв на обед и иногда ещё полчаса перерыва на завтрак.

44

Только на гнилом Западе вещи прямо и называют их име-

нем, а у нас понижение заработка, понижение жизненного уровня трудящихся, задержку введения машин, укрепление всяческой кабалы называют «преимуществом» «народного производства».

(Кустарная перепись в Пермской губернии, сентябрь)

45

Здесь тоже все нашли, что я растолстел за лето, загорел и высмотрю совсем сибиряком. Вот что значит охота и деревенская жизнь! Сразу все питерские болести побоку!

(письмо матери, 13 октября)

46

Если известное учение требует от каждого общественно-го деятеля неумолимо объективного анализа действительности и складывающихся на почве той действительности отношений между различными классами, то каким чудом можно отсюда сделать вывод, что общественный деятель не должен симпатизировать тому или другому классу, что ему это «не полагается»? Смешно даже и говорить тут о долге, ибо ни один живой человек НЕ МОЖЕТ НЕ СТАНОВИТЬСЯ НА СТОРОНУ того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчаться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений

и т. д. и т. д.

(«От какого наследства мы отказываемся?», конец года)

1898 год

(№№ отрывков: 47–54)

47

Кстати, Кржижановский стал теперь великим охотником до пения, так что мои молчаливые комнаты сильно повеселели с его приездом и опять затихли с отъездом. Но у него не имеется нот и песен. У нас ведь немало было, кажись, этой дряни (от тех времен, когда мы, бывало, тоже «кричали»). Если они теперь никому не нужны, то хорошо бы их послать ему: он был бы рад.

(Письмо матери и М. Елизарову, 17 января)

48

Об «истории» в Верхоленске я слышал: отвратительный нашёлся какой-то скандалист, напавший на Федосеева. Нет, уже лучше не желай мне товарищей в Шушу из интеллигентов! С приездом Надежды Константиновны и то целая колония будет.

(Письмо матери, 20 февраля)

49

Нехорошо это, что у Мити³ уже за два с половиной ме-

³ Дмитрий Ульянов.

сяца одутловатость какая-то успела появиться. Во-первых, соблюдает ли он диету в тюрьме? Поди, нет. А там, по-моему, это необходимо. А во-вторых, занимается ли гимнастикой? Тоже, вероятно, нет. Тоже необходимо. Я по крайней мере по своему опыту скажу, что с большим удовольствием и пользой занимался КАЖДЫЙ ДЕНЬ на сон грядущий гимнастикой. Разомнёшься, бывало, так, что согреешься даже в самые сильные холода, когда камера выстыла вся, и спишь после того куда лучше. Могу порекомендовать ему и довольно удобный гимнастический приём (хотя и смехотворный) – 50 земных поклонов. Я себе как раз такой урок назначал – и не смущался тем, что надзиратель, подсматривая в окошечко, диву даётся, откуда это вдруг такая набожность в человеке, который ни разу не пожелал побывать в предварилкинской церкви! Но только чтобы не меньше 50-ти подряд и чтобы не сгибая ног доставать рукой каждый раз об пол – так ему и написать. А то ведь эти врачи большей частью рассуждать только умеют о гигиене. <...>

Если цела моя соломенная шляпа (парижская ведь, чёрт возьми!), то пусть её привезёт. Проминский, правда, начал уже здесь делать шляпы (иногда смахивающие на... валенки!), но это для весны и осени, а не для лета. Ещё разве вот что – лайковые перчатки, если можно их купить без мерки (в этом я сомневаюсь). Никогда я их не носил, ни в Питере, ни в Париже, а в Шушушу хочу попробовать – летом от комаров.

(То же)

50

А ведь скверный город Москва, а? Сидеть там скверно, книги издавать скверно, – и почему это вы за неё держитесь? Я, право, изумился, когда Марк⁴ сообщил мне, что ты против переселения в С.-Петербург.

(Письмо матери и сестре Анне, 21 марта)

51

Новостей мало, да и то дурные. В Теси сошел с ума товарищ Ефимов (рабочий из Екатеринослава, – мания преследования), и Кржижановский отвез его в больницу. У Цедербаума в Туруханске вышла крайне грустная «история»: один из ссыльных (скандалист) поднял против него нелепо-дикие обвинения, последовал разрыв, пришлось разъехаться, Юлий живет теперь один, расхворался, развинтились нервы, не может работать. Упаси, господи, от «ссыльных колоний»! и ссыльных «историй»! Цедербаум просит отца хлопотать о его переводе куда бы то ни было в другое место.

(Письмо матери, 27 июня)

52

О Федосееве получил вчера письмо доктора. Федосеев закончил с собой выстрелом из револьвера. 6 июля его похо-

⁴ Елизаров.

ронили. Оставил письмо Глебу и ему же рукописи, а мне, дескать, велел передать, что умирает «с полной беззаветной верой в жизнь, а не от разочарования». Не ожидал я, что он так грустно кончит. Должно быть, ссыльная «история», поднятая против него одним скандалистом, страшно на него повлияла.

(Письмо сестре Анне, 28 июля)

53

Вместе с твоим письмом получил известие из Архангельска, что Гопфенгауз⁵ тоже застрелилась (31 июля), получив 29 июля известие о кончине Федосеева. Ужасно это трагическая история! И дикие клеветы какого-то негодяя Юхоцкого (ПОЛИТИЧЕСКИЙ!! ссыльный в Верхоленске) сыграли в этом финале одну из главных ролей. Федосеев был страшно поражён этим и удручён. Из-за этого он решил не брать НИ ОТ КОГО помощи и терпел страшные лишения. Говорят, дня за 2–3 до смерти он получил письмо, в котором повторяли эти клеветы. Чёрт знает что такое! Хуже всего в ссылке эти «ссылочные истории», но я никогда не думал, чтобы они могли доходить до таких размеров! Клеветник давно был открыто и решительно осуждён всеми товарищами, и я никак не думал, что Федосеев (обладавший некоторым опытом по части ссыльных историй) берёт все это так ужасно близко к сердцу.

⁵ Сожительница Федосеева.

(письмо сестре Анне, 29 августа)

54

Обратили ли Вы внимание в «Русском Богатстве» на статьи Житловского (в 2-х последних книжках) против «материализма и диалектической логики»? Преинтересны ведь — с отрицательной стороны. Я должен сознаться, что некомпетентен в поднятых автором вопросах, и меня крайне удивляет, почему это автор «Очерков по истории материализма»⁶ не высказывался в русской литературе и не высказывается решительно против неокантианства, предоставляя Струве и Булгакову полемизировать о частных вопросах этой философии, как будто бы она уже вошла в состав воззрений русских марксистов.

(Письмо Потресову, 15 сентября)

⁶ Плеханов.

1899 год

(№№ отрывков: 55–66)

55

Насчет «Наследства <народников>» я должен был согласиться с Вашим мнением, что считать его за нечто единое – плохая традиция плохих (80-х) годов. Действительно, мне, пожалуй, за историко-литературные темы браться бы не следовало...

(Письмо Потресову, 8 февраля)

56

Насчёт резкостей я теперь вообще стою за смягчение их и уменьшение их числа. Я убедился, что в печати резкости выходят неизмеримо сильнее, чем на словах или в письме, так что надо быть поумереннее в этом отношении.

(Письмо сестре Анне, 26 февраля)

57

Обычное народническое воззрение, по которому «кулак» и «хозяйственный мужик» представляют из себя не две формы одного и того же экономического явления, а ничем между собою не связанные и противоположные типы явления, – это воззрение решительно ни на чём не основано. Это – один из тех предрассудков народничества, которые никто да-

же и не пытался никогда доказать анализом точных экономических данных. Данные говорят обратное. Нанимает ли крестьянин рабочих для расширения производства, торгует ли крестьянин землей или бакалейным товаром, торгует ли он коноплёй, сеном, скотом и пр. или деньгами (ростовщик), – он представляет из себя один экономический тип, операции его сводятся, в своей основе, к одному и тому же экономическому отношению.

(«Развитие капитализма в России», март)

58

«Очерки из жизни дикой Башкирии» Ремизова – живое описание того, как «колонизаторы» сводили корабельные леса и превращали «очищенные» от «диких» башкир поля в «пшеничные фабрики». Это – такой кусочек колониальной политики, который выдержит сравнение с какими угодно подвигами немцев в какой-нибудь Африке.

(То же)

59

Булгаков меня просто взбесил: такой вздор, сплошной вздор и такая бесконечная профессорская претенциозность, что это чёрт знает что такое! Недаром его уже похвалили в «Сыне Отечества»! Посмотрим, как он кончит.

(Письмо сестре Анне, 17 апреля)

Начну с того, что меня теперь наиболее интересует и волнует, – со статей Булгакова в 1–2 и 3 книжках «Начала». Прочитав Ваш отзыв о нём, я несказанно обрадовался, что встретил сочувствие в самом существенном, – тем более обрадовался, что со стороны редакции, видимо, не очень-то доводится рассчитывать на сочувствие... Если на Вас статья Булгакова произвела «отталкивающее» впечатление и «жалкое», то меня она привела прямо-таки в исступление. До сих пор, сколько я ни читал и перечитывал Булгакова, я решительно не могу понять, как мог он написать такую сплошь вздорную и до невозможности неприличную по тону статью и как редакция сочла возможным не оградить себя хоть единым замечанием от солидарности с таким «разносом» Каутского. Я так же, как и Вы, «уверен, что публика совершенно (именно!) сбита с толку и недоумевает». Да и как же ей не недоумевать в самом деле, когда он объявляет – от лица «современной науки», что у Каутского всё неверно, произвольно, социальное чудо, «одинаково мало настоящей агрономии и настоящей экономии» и проч., причём Каутский не излагается, А ПРЯМО ИЗВРАЩАЕТСЯ, а собственных воззрений Булгакова, как сколько-нибудь связной системы, совершенно не видно. Будь у человека сколько-нибудь чувство партийности, сознание ответственности перед всеми Genossen и перед всей их программой и практической деятельностью, – он бы не решился так наезднически «наскаки-

вать» (по верному Вашему выражению), ничего сам не давая, а лишь обещая... учёный труд об «Остэльбии»!! Он чувствует себя, очевидно, свободным от всяких товарищеских обязанностей и ответственности, «свободным» и индивидуальным представителем профессорской науки. Я не забываю, конечно, что при российских условиях нельзя требовать от журнала допущения одних Genossen и исключения остальных – но ведь такой журнал, как «Начало», всё же не альманах, допускающий марксизм собственно из моды (à la «Мир божий», «Научное Обозрение» и проч.), а орган направления. Поэтому для такого журнала обязательно бы налагать некоторую узду на учёных наездников и на всех «посторонних» вообще. <...>

Вообще вся эта «новая критическая струя» в марксизме, которой увлекаются Струве и Булгаков (Струве наверное ЗА Булгакова), мне кажется крайне подозрительной: громкие фразы о «критике» против «догмы» и проч. – и ровно никаких положительных результатов критики. Впрочем, для составления статьи à la булгаковская требовалась кроме «критицизма» и симпатий к профессорской «современной науке» ещё бестактность до *pes plus ultra*.

(Письмо Потресову, 10 мая)

61

Кстати о неокантианстве. На чью сторону Вы становитесь? Я прочитал и перечитал с великим удовольствием «Очерки

по истории материализма», прочитал статьи Плеханова же в «Neue Zeit»⁷ против Бернштейна и Конрада Шмидта, прочитал восхваленного нашими кантианцами (П.Струве и Булгаков) Штаммлера («Хозяйство и право») и решительно встал на сторону мониста. Особенно меня возмутил Штаммлер, у которого я отказываюсь видеть хоть намек на что-либо свежее, содержательное... Сплошная erkenntnistheoretische Scholastik!⁸ Глупые «определения» самого дюжинного юриста, в самом худом смысле этого последнего слова, и из них не менее глупые «выводы». Перечитал я, после Штаммлера, статьи Струве и Булгакова в «Новом Слове» и нашел, что с неокантианством действительно необходимо посчитаться серьёзно. Я уже не утерпел и вклеил замечания и вылазки против него и в ответ Струве (на его статью в «Научном Обозрении». Почему и кем задерживается печатание этого ответа, – недоумеваю. Говорили, что будет в № 6 «Научного Обозрения». И там нет.) <...> Говорю: «не утерпел», ибо очень хорошо сознаю свою философскую необразованность и не намерен писать на эти темы, пока не подучусь. Теперь именно этим и занимаюсь, начавши с Гольбаха и Гельвеция и собираясь перейти к Канту. Главнейшие сочинения главнейших классиков философии я достал, но неокантианских книг не имею (выписал только Ланге). <...> По тому же вопросу крайне заинтересовала меня рецензия в № 5 «Начала»

⁷ «Новое время» (нем.)

⁸ «Теоретико-познавательная схоластика» (нем.).

на книгу Малиновского. Не понимаю, как мог я пропустить объявление о выходе этой книги. Выписал её только теперь. Я уже по первой книге Малиновского заподозрил мониста, а заглавие и содержание второй книги усиливают мои подозрения. И как же неприлично-бессодержательна и неприлично-надменна эта рецензия! Ни слова по существу и... выговор за игнорирование кантианства, хотя из слов самого рецензента видно, что Малиновский не ИГНОРИРУЕТ кантианства, а ОТВЕРГАЕТ его, стоя на иной точке зрения в философии... <...>

Что «критики»⁹ только путают публику, НЕ ДАВАЯ РОВНО НИЧЕГО, с этим я вполне согласен, а равно и с тем, что с ними (особенно по поводу Бернштейна) необходима будет серьёзная война (только будет ли, где воевать..?) Если Струве «совершенно перестанет быть Genosse», – тем хуже для него. Это будет, конечно, громадной потерей для всех Genossen, ибо он человек очень талантливый и знающий, но, разумеется, «дружба – дружбой, а служба – службой» и от этого необходимость войны не исчезнет. Вполне понимаю и разделяю Ваше «бешенство» (вызванное эпитетом «омерзительный» (sic!!!) по отношению к Плеханову <...> и очень интересуюсь его ответом на Ваше письмо, изливаю-

⁹ Здесь под словом «критики» подразумеваются «ревизионисты» (Бернштейн и пр.). В дальнейшем Ленин часто использует термин «критики» в подобном значении.

щее это бешенство. Grundliche Auseinandersetzung¹⁰ конечно нужна <...> Только тогда, наконец, Genossen будут размежеваны с «посторонними» «наездниками» и только тогда никакие личные причуды и теоретические «сногшибательные открытия» не будут создавать смуты и анархии. Виной всё тут проклятая российская дезорганизация!

(Письмо Потресову, 10 июля)

62

Очень я обрадовался, Маняша, прочитав, что ты получила, наконец, для меня Бернштейна, которого я ждал И ЖДУ С ВЕЛИКИМ НЕТЕРПЕНИЕМ. Мне уже из Якутска писали, что читают Бернштейна, а здесь всё ещё нет!! И чем больше кричат о нём, пользуются им разные тупоголовые буржуи и «молодые» (во всех смыслах) не буржуи, тем необходимее скорее ознакомиться с этим «новейшим» героем оппортунизма.

(Письмо сестре Марии, 4 сентября)

63

Мы не видим, правда, в этом пункте ничего устарелого или неправильного: напротив, мы полагаем, что средства должны быть именно те, которые указаны группой «Освобождение труда» (агитация, – революционная организация, – переход «в удобный момент» к решительному на-

¹⁰ «Коренное размежевание» (нем.)

падению, не отказывающемуся, В ПРИНЦИПЕ, и от террора), но мы думаем, что в программе РАБОЧЕЙ ПАРТИИ не место указаниям на средства деятельности, которые были необходимы в программе заграничной группы революционеров в 1885 году. Программа должна оставить вопрос о средствах открытым, предоставив выбор средств борющимся организациям и съездам партии, устанавливающим ТАКТИКУ партии. Но вопросы ТАКТИКИ вряд ли могут быть вводимы в программу (за исключением наиболее существенных и ПРИНЦИПИАЛЬНЫХ вопросов, вроде вопроса об отношении к другим борцам против абсолютизма). Вопросы тактики будут, по мере их возникновения, обсуждаться в газете партии и окончательно разрешаться на её съездах. Сюда же относится, по нашему мнению, и вопрос о терроре: обсуждение этого вопроса – и, конечно, обсуждение не с принципиальной, а с тактической стороны – непременно должны поднять социал-демократы, ибо рост движения сам собой, стихийно приводит к учащающимся случаям убийства шпионов, к усилению страстного возмущения в рядах рабочих и социалистов, которые видят, что всё большая и большая часть их товарищей замучивается насмерть в одиночных тюрьмах и в местах ссылки. Чтобы не оставлять места недомолвкам, оговоримся теперь же, что, по нашему лично мнению, террор является В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НЕцелесообразным средством борьбы, что партия (КАК ПАРТИЯ) должна отвергнуть его (впредь до изменения условий, кото-

рое могло бы вызвать и перемену тактики) и сосредоточить **ВСЕ СВОИ СИЛЫ** на укреплении организации и правильной поставки литературы. Подробнее об этом говорить здесь не место.

(«Проект программы нашей партии»)

64

Рабочий класс предпочел бы, конечно, **МИРНО** взять в свои руки власть, но **ОТКАЗЫВАТЬСЯ** от революционного захвата власти было бы со стороны пролетариата, и с теоретической и с практической-политической точки зрения, **БЕЗРАССУДСТВОМ** и означало бы лишь позорную уступку пред буржуазией и всеми имущими классами. Очень вероятно – даже наиболее вероятно – что буржуазия не сделает мирной уступки пролетариату, а прибегнет в решительный момент к защите своих привилегий насилием. Тогда рабочему классу не останется другого пути для осуществления своей цели, кроме революции. Вот почему программа «рабочего социализма» и говорит вообще о завоевании политической власти, **НЕ ОПРЕДЕЛЯЯ** способа этого завоевания, ибо выбор этого способа зависит от будущего, которое с точностью мы определять не можем. Но ограничивать деятельность пролетариата во всяком случае одной только мирной «демократизацией», повторяем, значит совершенно произвольно суживать и опошлять понятие рабочего социализма.

(«Попятное направление в русской социал-демократии»)

В либеральных и радикальных салонах буржуазного «общества» социал-демократы могли слышать нередко сожаления о том, что революционеры оставили террор: люди, дрожавшие больше всего за свою шкуру и не оказавшие в решительный момент поддержки тем героям, которые наносили удары самодержавию, эти люди лицемерно обвиняли социал-демократов в политическом индифферентизме и жаждали возрождения партии, которая бы таскала для них каштаны из огня. Естественно, что социал-демократы проникались ненавистью к подобным людям и их фразам и уходили в более мелкую, но зато и более серьёзную работу пропаганды среди фабрично-заводского пролетариата.

(То же)

Взгляните на те промыслы, в которых рабочие ещё не добились себе защиты закона и в которых рабочие не могут оказывать сопротивления капиталистам, – и вы увидите безмерно длинный рабочий день, доходящий до 17–19 часов, вы увидите надрывающихся за работой детей с 5–6-летнего возраста, вы увидите поколение постоянно голодающих и вымирающих мало-помалу с голоду рабочих. Пример: те рабочие, которые работают у себя по домам на капиталистов; да всякий рабочий припомнит ещё много и много дру-

гих примеров!
(*О стачках*)

1900 год

(№ отрывка: 67)

67

Окончив в настоящем году срок гласного надзора, я вынужден был избрать себе для жительства из немногих разрешённых мне городов город Псков, ибо только там я нашёл возможным продолжить свой стаж, числясь в сословии присяжных поверенных, подведомственных С.-Петербургскому совету присяжных поверенных. В других городах я бы не имел никакой возможности приписаться к какому-либо присяжному поверенному и быть принятым в сословие местным окружным судом, а это равнялось бы для меня потере всякой надежды на адвокатскую карьеру. Будучи вынужденным поселиться в городе Пскове, я позволяю себе повторить ходатайство моей жены и моей тёщи о разрешении моей жене, Надежде Константиновне Ульяновой (урождённой Крупской), отбывать оставшуюся ещё ей треть назначенного ей срока гласного надзора не в Уфимской губернии, а в городе Пскове. В настоящее время жена моя поселилась уже в Уфимской губернии, куда я не имею даже права въезда, ибо эта губерния принадлежит к числу изъятых; далее, в этой губернии пособия лицам, отбывающим гласный надзор, не выдаются, а профессиональная (педагогическая) деятельность для моей жены теперь закрыта, — следовательно, мне придётся-

ся содержать её из своего заработка, а я могу рассчитывать теперь на самый скудный заработок (да и то не сразу, а через некоторое время) вследствие почти полной потери мною всех прежних связей и трудности начать самостоятельную юридическую практику. Поэтому необходимость содержать в другом городе жену и тещу (здоровье которой, вследствие её престарелого возраста, сильно пострадало от жизни в Сибири, куда ей пришлось ехать вместе с дочерью) ставит меня в безвыходное положение и заставляет заключать неоплатные долги. Наконец, в течение уже многих лет я страдаю катаром кишок, который ещё усилился вследствие жизни в Сибири, и теперь я крайне нуждаюсь в правильной семейной жизни.

(подпись: Потомственный дворянин Владимир Ульянов)
(Прошение директору департамента полиции, 23 марта)

2. Выбор цели (07.1900 – 07.1903)

От автора

В 1900 году Ленин возвращается в Европейскую Россию, некоторое время живёт в Пскове, совершает ряд личных и деловых поездок по российским городам и в конце июля уезжает в Швейцарию. Проведя переговоры с Плехановым, перебирается в Мюнхен. Здесь он вместе с Цедербаумом и Потресовым издаёт социал-демократическую газету «Искра». В редакцию входят также «старики» Плеханов, Аксельрод и Засулич. С самого начала между старой и молодой частью редакции устанавливаются неприязненные отношения, до поры до времени сглаживаемые общей задачей. В эмиграции есть другой центр кристаллизации российских социал-демократов – группа «Рабочее дело». Все усилия «Искры» направлены на оттирание конкурентов от зарубежных финансовых источников. На фоне «рабочедельской опасности» искровцам удаётся сохранить единство.

В апреле 1902 года Ленин уезжает в Лондон, так как германское правительство запретило издавать на своей территории антирусскую газету.

Здесь следует остановиться на «проблеме локализации». Дело в том, что Ленин постоянно переезжал с места на место, у него никогда не было собственного жилья. Кроме того, из временного пристанища он постоянно совершал поездки, иногда весьма продолжительные. Подобная непоседливость объясняется не только служебной необходимостью, но и природными чертами характера. До революции вполне оседло Ленин жил только в Симбирске. Если принять за точку отсчёта относительно постоянное место жительства Ленина, то первая эмиграция распадается на мюнхенский период (август 1900 – апрель 1902), лондонский (апрель 1902 – апрель 1903) и женеvский (май 1903 – ноябрь 1905).

Живя в Лондоне, Ленин в феврале 1903 года выезжает в Париж, где читает лекции в так называемой «Русской высшей школе общественных наук». Из числа слушателей и преподавателей РВШОН вскоре было сформировано руководство всех оппозиционных партий России, её учредителем был глава русского масонства М. М. Ковалевский.

Внешне 1900–1903 годы – это продолжение периода «интеллигентного Ленина», в число его друзей и соратников входят такие люди, как Цедербаум, Плеханов или Потресов, в РВШОН он читает лекции наряду с Милюковым или Черновым. Но ожесточённая борьба с эмигрантскими группировками и до поры до времени скрытое, но всё увеличивающееся соперничество внутри искровцев быстро формируют

Ленина следующего периода: расчётливого цепкого политика и одиозного скандалиста. Кроме того, в этот период формируется «Ленин-теоретик». Если в период ссылки он искренне считал себя рядовым марксистом, то теперь, ведя с Плехановым ожесточённые, хотя и скрытые от посторонних идеологические споры по поводу программы партии, Ленин начинает пробовать себя в роли партийного идеолога.

Втягивание с головой в эмигрантские кружковые дразги отдаляет его от русской интеллигенции. В этот период происходит размежевание между «легальными марксистами», в своей массе имеющими высшее образование, и «ортодоксами», недоучившимися студентами, а зачастую и просто необразованными людьми. Струве, Бердяев, Булгаков или Туган-Барановский тоже занимались в этот период политической деятельностью, по русским условиям иногда весьма грязной, однако это всё-таки не демагоги и не политиканы, а ученые и философы. Poleмика между ними и социал-демократами была встречей двух культур: с одной стороны – аргументы и стремление установить истину, с другой – ругань, заушение, навешивание политических ярлыков. Уже к периоду основания РСДРП с «социал-демократами» русским образованным людям было всё ясно. Произошло размежевание не партийное, а культурное.

Ленин по своему происхождению и воспитанию принадлежал к русскому образованному классу, но сознательно сделал выбор в пользу полуазиатских интеллигентов колони-

ального типа. Возможно, им двигали карьерные соображения («молодец среди овец»), но в какой-то степени и патологические, хулиганские черты характера. К концу этого периода закрепляется непередаваемый ленинский стиль ведения полемики. Примерно такой (в шутку я взял в качестве объекта ленинской критики предмет его обожания):

«Карл Маркс был типичным интеллигентским лежебокой, публичным мужчиной, живущим за счёт богатенького „друга“. Извольте полюбоваться на эту слюнявую размазню, всю жизнь прятавшуюся за женину юбку от звонких пощёчин настоящих рабочих лидеров. Если бы сей субъект хотя бы несколько лет поработал у станка, пообтёрся в пролетарской среде, то сразу бы забыл свою заумную галиматью, призванную развращать сознательных рабочих. Ублажать языкоблудствующих толстосумов, играя в детские бирюльки рабочей партии, отвлекающей пролетариат от настоящей задачи повышения заработной платы, – задача для политического шута. Господин Маркс десятилетия канканировал перед аплодирующей почтенной публикой, взяв себе свою „науку“ и охорашиваясь в ней, как свинья в помойной луже».

Читатель найдёт в этом издании массу ленинских высказываний подобного сорта. Вначале, в 1890-х годах, это были отдельные срывы и взвизги. В 1900-х годах подобные высказывания стали демагогической системой

1900 год

(№№ отрывков: 68–74)

68

Беру уроки немецкого языка у одного здешнего немца, по 50 коп. за урок. Переводим с русского, немного говорим – не очень-то хорошо идёт дело, и я подумываю уже не бросить ли; – пока, впрочем, посмотрю ещё.

(Письмо матери, 19 апреля)

69

«Как чуть не потухла „Искра“?»

Приехал я сначала в Цюрих, приехал один и не видевшись раньше с Потресовым. В Цюрихе Аксельрод встретил меня с распростертыми объятиями, и я провел два дня в очень задушевной беседе. Беседа была как между давно не видавшимися друзьями: обо всем и о многом прочем, без порядка, совершенно не делового характера. По деловым вопросам Аксельрод вообще мало что mitsprechen kann¹¹; заметно было, что он тянет сторону Плеханова, заметно по тому, как он настаивал на устройстве типографии для журнала в Женеве. Вообще же Аксельрод очень «льстил» (извиняюсь за выражение), говорил, что для них ВСЁ связано с нашим пред-

¹¹ «Может сказать» (нем.).

приятием, что это для них возрождение, что «мы» теперь получим возможность и против крайностей Плеханова спорить – это последнее я особенно заметил, да и вся последующая «гистория» показала, что это особенно замечательные слова были.

Приезжаю в Женеву. Потресов предупреждает, что надо быть очень осторожным с Плехановым, который страшно возбуждён расколом и подозрителен. Беседы с этим последним действительно сразу показали, что он действительно подозрителен, мнителен и *rechthaberisch* до *nes plus ultra*¹². Я старался соблюдать осторожность, обходя «больные» пункты, но это постоянное держание себя настороже не могло, конечно, не отражаться крайне тяжело на настроении. От времени до времени бывали и маленькие «трения» в виде пылких реплик Плеханова на всякое замечание, способное хоть немного охладить или утишить разожжённые (расколом) страсти. Были «трения» и по вопросам тактики журнала: Плеханов проявлял всегда абсолютную нетерпимость, неспособность и нежелание вникать в чужие аргументы и притом неискренность, именно неискренность. Наши заявления, что мы обязаны быть ЕДИНОВЕЗНО ВОЗМОЖНО снисходительны к Струве, ибо МЫ САМИ не без вины в его эволюции: мы сами, и ПЛЕХАНОВ В ТОМ ЧИСЛЕ, не восстали тогда, когда надо было восстать (1895, 1897). Плеханов абсолютно не хотел признать своей, хотя бы малейшей,

¹² «Всегда считает себя абсолютно правым».

вины, отделяваясь явно негодными аргументами, ОТСТРАНЯЮЩИМИ, а не разъясняющими вопрос. В товарищеской беседе между будущими соредакторами эта... дипломатичность поражала крайне неприятно: зачем обманывать себя, говоря, что в 1895 г. ему, Плеханову, будто бы было «приказано» (??) «не стрелять» (в Струве), а он привык делать, что приказано (похоже на то!). Зачем обманывать себя, уверяя, что в 1897 г. (когда Струве писал в «Новом Слове» о своей цели опровергнуть одно из основных положений марксизма) он, Плеханов, не выступал против, ибо абсолютно не понимает (и никогда не поймет) полемики в одном журнале между сотрудниками. Эта неискренность страшно раздражала тем более, что Плеханов старался в спорах представить дело так, будто мы не хотим беспощадной войны со Струве, будто мы хотим «всё примирить» и проч. Горячие споры шли и о полемике на страницах журнала вообще: Плеханов был против этого и слушать не хотел наших аргументов. К «союзникам» он проявлял ненависть, доходившую до неприличия (заподозривание в шпионстве, обвинение в гешефтмахерстве, в прохвостничестве, заявления, что он бы «расстрелял», не колеблясь, подобных «изменников» и т. п.). Самые отдалённые намеки на то, что и он впал в крайности (напр., мой намек на опубликование частных писем и на неосторожность этого приёма), приводили Плеханова прямо в отчаянное возбуждение и заметное раздражение. <...>

Так шло дело до съезда всей группы «Освобождение тру-

да». Наконец, приехал Аксельрод, и устроился съезд. По вопросу об отношении нашем к Еврейскому союзу (Бунду) Плеханов проявляет феноменальную нетерпимость, объявляя его прямо не социал-демократической организацией, а просто эксплуататорской, эксплуатирующей русских, говоря, что наша цель – вышибить этот Бунд из партии, что евреи – сплошь шовинисты и националисты, что русская партия должна быть русской, а не давать себя «в пленение» «колену гадову» и др. Никакие наши возражения против этих неприличных речей ни к чему не привели и Плеханов остался всецело при своём, говоря, что у нас просто недостаёт знаний еврейства, жизненного опыта в ведении дел с евреями. Никакой резолюции по этому вопросу принято не было. Читали вместе на съезде «заявление»: Плеханов держал себя странно, молчал, никаких изменений не предложил, не восстал против того, что там допускается полемика, вообще точно отстранялся, именно отстранился, не желал участвовать и только вскользь, мимоходом, бросил ядовитое и злое замечание, что он-то бы (они-то бы, т. е. группа «Освобождение труда», в коей он диктатор) уж, конечно, не такое заявление написал. Вскользь брошенное, кстати прибавленное к какой-то фразе иного содержания, это замечание Плеханова меня особенно неприятно поразило: идёт совещание соредакторов, и вот один из соредакторов (которого ДВА раза просили дать свой проект заявления или проект исправления нашего заявления) не предлагает никаких

изменений, а только саркастически замечает, что он-то бы уж, конечно, не так писал (не так робко, скромно, оппортунистически – хотел он сказать). Это уже ясно показывало, что нормальных отношений между ним и нами не существует. Далее – обхожу менее важные вопросы съезда – ставится вопрос об отношении к Струве и Туган-Барановскому. Мы стоим за УСЛОВНОЕ приглашение (нас неизбежно толкала на это резкость Плеханова: мы хотели этим показать, что желаем иного отношения. Невероятная резкость Плеханова просто как-то инстинктивно толкает на протест, на защиту его противников. Засулич очень тонко заметила, что Плеханов всегда полемизирует так, что вызывает в читателе сочувствие к своему противнику). Плеханов очень холодно и сухо заявляет о своем полном несогласии и демонстративно молчит в течение всех наших довольно долгих разговоров с Аксельродом и Засулич, которые не прочь и согласиться с нами. Всё утро это проходит под какой-то крайне тяжелой атмосферой: дело безусловно принимало такой вид, что Плеханов ставит ультиматум – или он или приглашать этих «прохвостов». Видя это, мы оба с Потресовым решили уступить и с самого начала вечернего заседания заявили, что «по настоянию Плеханова» отказываемся. Встречено это заявление было молчанием (точно это и само собою подразумевалось, что мы не можем не уступить!). Нас порядочно раздражила эта «атмосфера ультиматумов» (как формулировал позже Потресов) – желание Плеханова властво-

вать неограниченно проявлялось очевидно. Раньше, когда мы частным образом беседовали о Струве (Плеханов, Потресов, Засулич и я, в лесу, гуляя вечером), Плеханов заявил после горячего спора, кладя мне руку на плечо: «я ведь, господа, не ставлю условий, там обсудим всё это на съезде сообщая и решим вместе». Тогда это меня очень тронуло. Но оказалось, что на съезде вышло как раз обратное: на съезде Плеханов отстранился от товарищеского обсуждения, сердито молчал и своим молчанием явно «СТАВИЛ УСЛОВИЕ». Для меня это было резким проявлением неискренности (хотя я сразу и не сформулировал ещё так ясно своих впечатлений), а Потресов прямо заявил: «я ему не забуду этой уступки!». Наступает суббота. Я не помню уже точно, о чём говорили в этот день, но вечером, когда мы шли все вместе, разгорелся новый конфликт. Плеханов говорил, что надо заказать одному лицу (которое ещё не выступало в литературе, но в коем Плеханов хочет видеть философский талант. Я этого лица не знаю; известно оно своим слепым преклонением пред Плехановым¹³) статью на философскую тему, и вот Плеханов говорит: я ему посоветую начать статью замечанием против Каутского – хорош-де гусь, который уже «критиком» сделался, пропускает в «Neue Zeit» философские статьи «критиков» и не даёт полного простора «марксистам» (сиречь Плеханову). Услышав о проекте такой резкой выходки против Каутского (приглашённого уже в сотрудни-

¹³ Любовь Исааковна Аксельрод.

ки журнала), Потресов возмутился и горячо восстал против этого, находя это неуместным. Плеханов надулся и озлобился, я присоединился к Потресову. Аксельрод и Засулич молчали. Через полчаса Плеханов уехал (мы шли его провожать на пароход), причем последнее время он сидел молча, чернее тучи. Когда он ушёл, у нас всех сразу стало как-то легче на душе и пошла беседа «по-хорошему». На другой день, в воскресенье (сегодня 2 сентября, воскресенье. Значит, это было ТОЛЬКО неделю тому назад!!! А мне кажется, что это было с год тому назад! Настолько уже это отошло далеко!), собрание назначено не у нас, на даче, а у Плеханова. Приезжаем мы туда, – Потресов приехал сначала, я после. Плеханов высылает Аксельрода и Засулич сказать Потресову, что он, Плеханов, отказывается от соредакторства, а хочет быть простым сотрудником: Аксельрод ушел, Засулич совсем растерянно, сама не своя, бормочет Потресову: «Жорж недоволен, не хочет»... Вхожу я. Мне отпирает Плеханов и подаёт руку с несколько странной улыбкой, затем уходит. Я вхожу в комнату, где сидят Засулич и Потресов со странными лицами. Ну, что же, господа? – говорю я. Входит Плеханов и зовёт нас в свою комнату. Там он заявляет, что лучше он будет сотрудником, простым сотрудником, ибо иначе будут только трения, что он смотрит на дело, видимо, иначе, чем мы, что он понимает и уважает нашу, партийную, точку зрения, но встать на неё не может. Пусть редакторами будем мы, а он сотрудником. Мы совершенно опешили,

выслушав это, прямо-таки опешили и стали отказываться. Тогда Плеханов говорит: ну, если вместе, то как же мы голосовать будем; сколько голосов? – Шесть. – Шесть неудобно. – «Ну, пускай у Плеханова будет 2 голоса, – вступается Засулич, – а то он всегда один будет, – два голоса по вопросам тактики». Мы соглашаемся. Тогда Плеханов берёт в руки бразды правления и начинает в тоне редактора распределять отделы и статьи для журнала, раздавая эти отделы то тому, то другому из присутствующих – тоном, не допускающим возражений. Мы сидим все, как в воду опущенные, безучастно со всем соглашаясь и не будучи ещё в состоянии переварить происшедшее. Мы чувствуем, что оказались в дураках, что наши замечания становятся всё более робкими, что Плеханов «отодвигает» их (не опровергает, а отодвигает) всё легче и всё небрежнее, что «новая система» de facto всецело равняется полнейшему господству Плеханова и что Плеханов, отлично понимая это, не стесняется господствовать всю и не очень-то церемонится с нами. Мы сознавали, что одурачены окончательно и разбиты наголову, но ещё не реализовали себе вполне своего положения. Зато, как только мы остались одни, как только мы сошли с парохода и пошли к себе на дачу, – нас обоих сразу прорвало, и мы разразились взбешенными и озлобленнейшими тирадами против Плеханова.

Но, прежде чем излагать содержание этих тирад и то, к чему они привели, я сделаю сначала маленькое отступление

и вернусь назад. Почему нас так возмутила идея полного господства Плеханова (независимо от ФОРМЫ его господства)? Раньше мы всегда думали так: редакторами будем мы, а они – ближайшими участниками. Я предлагал так формально и ставить с самого начала (ещё с России), Потресов предлагал не ставить формально, а действовать лучше «по-хорошему» (что сойдет-де на то же), – я соглашался. Но оба мы были согласны, что редакторами должны быть мы как потому, что «старики» крайне нетерпимы, так и потому, что они не смогут аккуратно вести черную и тяжёлую редакторскую работу: только эти соображения для нас и решали дело, идейное же их руководство мы вполне охотно признавали. Разговоры мои в Женеве с ближайшими товарищами и сторонниками Плеханова из молодых (члены группы «Социал-демократ», старинные сторонники Плеханова, работники, не рабочие, а работники, простые, деловые люди, всецело преданные Плеханову), разговоры эти вполне укрепили меня (и Потресова) в мысли, что именно так должны мы ставить дело: эти сторонники сами заявляли нам, без обиняков, что редакция желательна в Германии, ИБО ЭТО СДЕЛАЕТ НАС НЕЗАВИСИМЫЕ ОТ ПЛЕХАНОВА, что если старики будут держать в руках фактическую редакторскую работу, это будет равносильно страшным проволочкам, а то и провалу дела. И Потресов по тем же соображениям стоял БЕЗУСЛОВНО за Германию.

Я остановился, в своём описании того, как чуть было

не потухла «Искра», на нашем возвращении домой вечером в воскресенье 26 августа нового стиля. Как только мы остались одни, сойдя с парохода, мы прямо-таки разразились потоком выражений негодования. Нас точно прорвало, тяжёлая атмосфера разразилась грозой. Мы ходили до позднего вечера из конца в конец нашей деревеньки, ночь была довольно тёмная, кругом ходили грозы и блистали молнии. Мы ходили и возмущались. Помнится, начал Потресов заявлением, что личные отношения к Плеханову он считает теперь раз навсегда прерванными и никогда не возобновит их: деловые отношения останутся, – лично я с ним fertig¹⁴. Его обращение оскорбительно – до такой степени, что заставляет нас подозревать его в очень «нечистых» мыслях по отношению к нам (т.е., что он мысленно приравнивает нас к Streber'ам¹⁵). Он нас третирует и т. д. Я поддерживал всецело эти обвинения. Мою «влюблённость» в Плеханова тоже как рукой сняло, и мне было обидно и горько до невероятной степени. Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением, veneration¹⁶, ни перед кем я не держал себя с таким «смирением» – и никогда не испытывал такого грубого «пинка». А на деле вышло именно так, что мы получили пинок: нас припугнули, как детей, припугнули тем, что взрос-

¹⁴ «Покончил» (нем.).

¹⁵ «Карьеристам» (нем.).

¹⁶ «Уважением».

лые нас покинут и оставят одних, и, когда мы струсили (какой позор!), нас с невероятной бесцеремонностью отодвинули. Мы сознали теперь совершенно ясно, что утреннее заявление Плеханова об отказе его от соредакторства было простой ловушкой, рассчитанным шахматным ходом, западнёй для наивных «пижонов»: это не могло подлежать никакому сомнению, ибо если бы Плеханов искренне боялся соредакторства, боялся затормозить дело, боялся породить лишние трения между вами, — он бы никоим образом не мог, мину-ту спустя, обнаружить (и грубо обнаружить), что его СОредакторство совершенно равносильно его ЕДИНОредакторству. Ну, а раз человек, с которым мы хотим вести близкое общее дело, становясь в интимнейшие с ним отношения, раз такой человек пускает в ход по отношению к товарищам шахматный ход, — тут уже нечего сомневаться в том, что это человек нехороший, именно нехороший, что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия, что он — человек неискренний. Это открытие — это было для нас настоящим открытием! — поразило нас как громом потому, что мы оба были до этого момента влюблены в Плеханова и, как любимому человеку, прощали ему всё, закрывали глаза на все недостатки, уверяли себя всеми силами, что этих недостатков нет, что это — мелочи, что обращают внимание на эти мелочи только люди, недостаточно ценящие принципы. И вот, нам самим пришлось наглядно убедиться, что эти «мелочные» недостатки способны отталкивать са-

мых преданных друзей, что никакое убеждение в теоретической правоте неспособно заставить забыть его ОТТАЛКИВАЮЩИЕ качества. Возмущение наше было бесконечно велико: идеал был разбит, и мы с наслаждением попирали его ногами, как свергнутый кумир: самым резким обвинениям не было конца. Так нельзя! решили мы. Мы не хотим и не будем, НЕ МОЖЕМ работать вместе при таких условиях. Прощай, журнал! Мы бросаем всё и едем в Россию, а там наладим дело заново и ограничимся газетой. Быть пешками в руках этого человека мы не хотим; товарищеских отношений он не допускает, не понимает. Брать Н А СЕБЯ редакторство мы не решаемся, да притом это было бы теперь просто противно, это выходило бы именно так, как будто бы мы гнались только за редакторскими местечками, как будто бы мы были Streber'ами, карьеристами, как будто бы и в нас говорило такое же тщеславие, только калибром пониже... Трудно описать с достаточной точностью наше состояние в этот вечер: такое это было сложное, тяжёлое, мутное состояние духа! Это была настоящая драма, целый разрыв с тем, с чем носился, как с любимым детищем, долгие годы, с чем неразрывно связывал всю свою жизненную работу. И всё оттого, что мы были раньше влюблены в Плеханова: не будь этой влюбленности, относись мы к нему хладнокровнее, ровнее, смотри мы на него немного более со стороны, – мы иначе бы повели себя с ним и не испытали бы такого, в буквальном смысле слова, краха, такой «нравственной бани», по совер-

шенно верному выражению Потресова. Это был самый резкий жизненный урок, обидно-резкий, обидно-грубый. Младшие товарищи «ухаживали» за старшим из громадной любви к нему, – а он вдруг вносит в эту любовь атмосферу интриги и заставляет их почувствовать себя не младшими братьями, а дурачками, которых водят за нос, пешками, которые можно двигать по произволу, а то так даже и неумелыми Streber'ами, которых надо посильнее припугнуть и придавить. И влюблённая юность получает от предмета своей любви горькое наставление: надо ко всем людям относиться «без сентиментальности», надо держать камень за пазухой. Бесконечное количество таких горьких слов говорили мы в тот вечер. Внезапность краха вызывала, естественно, немало и преувеличений, но в основе своей эти горькие слова были верны. Ослеплённые своей влюблённостью, мы держали себя в сущности как РАБЫ, а быть рабом – недостойная вещь, и обида этого сознания во сто крат увеличивалась ещё тем, что нам открыл глаза «он» самолично на нашей шкуре...

Мы пошли, наконец, по своим комнатам спать с твёрдым решением завтра же высказать Плеханову наше возмущение, отказаться от журнала и уехать, оставив одну газету, а журнальный материал издавать брошюрами: дело от этого не пострадает, мол, а мы избавимся от ближайших отношений к «этому человеку».

На другой день просыпаюсь раньше обыкновенного: ме-

ня будят шаги по лестнице и голос Аксельрода, который стучится в комнату Потресова. Я слышу, как Потресов откликается, отворяет дверь – слышу это и думаю про себя: хватит ли духу у Потресова сказать все сразу? а лучше сразу сказать, необходимо сразу, не тянуть дела. Умывшись и одевшись, вхожу к Потресову, который умывается. Аксельрод сидит на кресле с несколько натянутым лицом. «Вот, Ульянов, – обращается ко мне Потресов, – я сказал Аксельроду о нашем решении ехать в Россию, о нашем убеждении, что так вести дело нельзя». Я вполне присоединяюсь, конечно, и поддерживаю Потресова. Аксельроду мы, не стесняясь, рассказываем всё, настолько не стесняясь, что Потресов даже говорит, что мы подозреваем, что Плеханов считает нас Streber'ами. Аксельрод вообще полусочувствует нам, горько качая головой и являя вид до последней степени расстроенный, растерянный, смущённый, но тут энергично протестует и кричит, что это-то уж неправда, что у Плеханова есть разные недостатки, но этого-то нет, что тут уже не он несправедлив к нам, а мы – к нему, что до сих пор он готов был сказать Плеханову: «видишь, что ты наделал – расхлебывай сам, я умываю руки», а теперь он не решается, ибо видит и у нас несправедливое отношение. Его уверения, конечно, произвели на нас мало впечатления, и бедный Аксельрод имел совсем жалкий вид, убеждаясь, что наше решение – твердо.

Мы вышли вместе и пошли предупреждать Засулич. Надо было ждать, что она примет известие о «разрыве» (ведь дело

принимало именно вид разрыва) особенно тяжело. Я боюсь даже – говорил накануне Потресов – совершенно серьёзно боюсь, что она покончит с собой...

Никогда не забуду я того настроения духа, с которым выходили мы втроём: «мы точно за покойником идём», сказал я про себя. И действительно, мы шли, как за покойником, молча, опуская глаза, подавленные до последней степени нелепостью, дикостью, бессмысленностью утраты. Точно проклятье какое-то! Всё налаживалось к лучшему – налаживалось после таких долгих невзгод и неудач, – и вдруг налетел вихрь – и конец, и всё опять рушится. Просто как-то не верилось самому себе (точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого человека!) – неужели это я, ярый поклонник Плеханова, говорю о нём теперь с такой злобой и иду, с сжатыми губами и с чертовским холодом на душе, говорить ему холодные и резкие вещи, объявлять ему почти что о «разрыве отношений»? Неужели это не дурной сон, а действительность?

Это впечатление не проходило и во время разговора с Засулич. Она не проявляла особенно резко возбуждения, но видно было, что угнетена была страшно, и упрашивала, молила почти что, нельзя ли нам всё же отказаться от нашего решения, нельзя ли попробовать, может быть, на деле не так страшно, за работой наладятся отношения, за работой не так видны будут отталкивающие черты его характера... Это бы-

ло до последней степени тяжело – слушать эти искренние просьбы человека, слабого пред Плехановым, но человека безусловно искреннего и страстно преданного делу, человека, с «героизмом раба» (выражение Потресова) несущего ярмо плехановщины. До такой степени тяжело было, что ей-богу временами мне казалось, что я расплачусь... Когда идёшь за покойником, – расплакаться всего легче именно в том случае, если начинают говорить слова сожаления, отчаяния...

Ушли мы от Аксельрода и Засулич. Ушли, пообедали, отправили в Германию письма, что мы туда едем, чтобы МАШИНУ ПРИОСТАНОВИЛИ, даже телеграмму об этом отправили (ещё ДО разговора с Плехановым!!), и ни у одного из нас не шевельнулось сомнение в нужности того, что мы делали.

После обеда идём опять в назначенный час к Аксельроду и Засулич, у коих уже должен был быть Плеханов. Подходим, они все трое выходят. Здравуемся молча – впрочем, Плеханов старается вести сторонний разговор (мы просили Аксельрода и Засулич предупредить его, так что он уже всё знает) – возвращаемся в комнату и садимся. Потресов начинает говорить – сдержанно, сухо и кратко, что мы отчаялись в возможности вести дело при таких отношениях, КАКИЕ определились вчера, что решили уехать в Россию посоветоваться с тамошними товарищами, ибо на себя уже не берем решения, что от журнала приходится пока отказаться. Плеханов очень спокоен, сдержан, очевидно, вполне и без-

условно владеет собой, ни следа нервности Павла Борисовича или Веры Ивановны (бывал и не в таких передрыгах! думаем мы со злостью, глядя на него!). Он допрашивает, в чем же собственно дело. «Мы находимся в атмосфере ультиматумов», – говорит Потресов и развивает несколько эту мысль. «Что же вы боялись, что ли, что я после первого номера стачку вам устрою перед вторым?» – спрашивает Плеханов, наседа на нас. Он думал, что мы этого не решимся сказать. Но я тоже холодно и спокойно отвечаю: «отличается ли это от того, что сказал Потресов? Ведь он это самое и сказал». Плеханова, видимо, немного коробит. Он не ожидал такого тона, такой сухости и прямоты обвинений. – «Ну, решили ехать, так что ж тут толковать, – говорит он, – мне тут нечего сказать, мое положение очень странное: у вас всё впечатления да впечатления, больше ничего: получились у вас такие впечатления, что я дурной человек. Ну, что же я могу с этим поделать?» – Наша вина может быть в том, – говорю я, желая отвести беседу от этой «невозможной» темы, – что мы чересчур размахнулись, не разведав брода. – «Нет, уж если говорить откровенно, – отвечает Плеханов, – ваша вина в том, что вы (может быть, в этом сказалась и нервность Потресова) придали чрезмерное значение таким впечатлениям, которым придавать значение вовсе не следовало». Мы молчим и затем говорим, что вот-де брошюрами можно пока ограничиться. Плеханов сердится: «я о брошюрах не думал и не думаю. НА МЕНЯ НЕ РАССЧИТЫВАЙТЕ. Если вы уезжаете,

то я ведь сидеть сложа руки не стану и могу вступить до вашего возвращения в иное предприятие».

Ничто так не уронило Плеханова в моих глазах, как это его заявление, когда я вспоминал его потом и обдумывал его всесторонне. Это была такая грубая угроза, так плохо рассчитанное запугивание, что оно могло только «доконать» Плеханова, обнаружив его «политику» по отношению к нам: достаточно-де будет их хорошенько припугнуть...

Но на угрозу мы не обратили НИ МАЛЕЙШЕГО ВНИМАНИЯ. Я только сжал молча губы: хорошо, мол, ты так — ну *a la guerre comme a la guerre*, но дурак же ты, если не видишь, что мы теперь уже не те, что мы за одну ночь совсем переродились.

И вот, увидав, что угроза не действует, Плеханов пробует другой манёвр. Как же не назвать в самом деле манёвром, когда он стал через несколько минут, тут же, говорить о том, что разрыв с нами равносильен для него полному отказу от политической деятельности, что он отказывается от неё и уйдёт в научную, чисто научную литературу, ибо если-де он уж с нами не может работать, то, значит, ни с кем не может... Не действует запугивание, так, может быть, поможет лесть.. Но ПОСЛЕ запугивания это могло произвести только отталкивающее впечатление... Разговор был короткий, дело не клеилось; Плеханов перевёл, видя это, беседу на жестокость русских в Китае, но говорил почти что он один, и мы вскоре разошлись.

Беседа с Аксельродом и Засулич, после ухода Плеханова, не представляла уже из себя ничего интересного и существенного: Аксельрод извивался, стараясь доказать нам, что Плеханов тоже убит, что теперь на нашей душе грех будет, если мы так уедем, и пр. и пр. Засулич в интимной беседе с Потресовым признавалась, что «Жорж» всегда был такой, призналась в своем «героизме раба», призналась, что «это для него урок будет», если мы уедем.

Остаток вечера провели пусто, тяжело.

На другой день, вторник 28 августа н. ст., надо уезжать в Женеву и оттуда в Германию. Рано утром будит меня (обыкновенно поздно встающий) Потресов. Я удивляюсь: он говорит, что спал плохо и что придумал последнюю возможную комбинацию, чтобы хоть кое-как наладить дело, чтобы из-за порчи ЛИЧНЫХ отношений не дать погибнуть серьёзному ПАРТИЙНОМУ предприятию. Издадим СБОРНИК, – благо материал уже намечен, связи с типографией налажены. Издадим сборник пока при теперешних неопределенных редакторских отношениях, а там увидим: от сборника одинаково лёгок переход и к журналу и к брошюрам. Если же Плеханов заупрямится, – тогда чёрт с ним, мы будем знать, что сделали всё, что могли... Решено.

Идем сообщать Павлу Борисовичу и Вере Ивановне и встречаем их: они шли к нам. Они, конечно, охотно соглашались, и Аксельрод берёт на себя поручение переговорить с Плехановым и побудить его согласиться.

Приезжаем в Женеву и ведём ПОСЛЕДНЮЮ БЕСЕДУ с Плехановым. Он берёт тон такой, будто вышло лишь печальное недоразумение на почве нервности: участливо спрашивает Потресова о его здоровье и почти обнимает его – тот чуть не отскакивает. Плеханов соглашается на сборник: мы говорим, что по вопросу об организации редакторского дела возможны три комбинации (1. мы редакторы, он – сотрудник; 2. мы все соредакторы; 3. он – редактор, мы – сотрудники), что мы обсудим в России все эти три комбинации, выработаем проект и привезем сюда. Плеханов заявляет, что он решительно отказывается от 3-ей комбинации, решительно настаивает на совершенном исключении ЭТОЙ комбинации, на первые же ОБЕ комбинации СОГЛАШАЕТСЯ. Так и порешили: пока, ВПРЕДЬ ДО ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ нами проекта нового редакторского режима, оставляем старый порядок (соредакторы все шесть, причем 2 голоса у Плеханова).

Плеханов выражает затем желание разузнать хорошенько, в чём же собственно дело-то было, чем мы недовольны. Я замечаю, что, может быть, лучше будет, если мы больше внимания уделим тому, что будет, а не тому, что было. Но Плеханов настаивает, что надо же выяснить, разобраться. Завязывается беседа, в которой участвуем почти только Плеханов и я – Потресов и Аксельрод молчат. Беседа ведётся довольно спокойно, даже вполне спокойно. Плеханов говорит, что он заметил, будто Потресов был раздражён отказом его

насчёт Струве, – я замечаю, что он, напротив, ставил нам условия – вопреки своему прежнему заявлению в лесу, что он условий не ставит. Плеханов защищается: я-де молчал не потому, что ставил условия, а потому, что для меня вопрос был ясен. Я говорю о необходимости допускать полемику, о необходимости между нами голосований – Плеханов допускает последнее, но говорит: по частным вопросам, конечно, голосование, по основным – невозможно. Я возражаю, что именно разграничение основных и частных вопросов будет не всегда легко, что именно об этом разграничении необходимо будет голосовать между соредакторами. Плеханов упирается, говорит, что это уже дело совести, что различие между основными и частными вопросами дело ясное, что тут голосовать нечего. Так на этом споре – допустимо ли голосование между соредакторами по вопросу о разграничении основных и частных вопросов – мы и застряли, не двигаясь ни шагу дальше. Плеханов проявил всю свою ловкость, весь блеск своих примеров, сравнений, шуток и цитат, невольно заставлявших смеяться, но этот вопрос так-таки и замаял, не сказав прямо: нет. У меня получилось убеждение, что он именно не мог уступить здесь, по этому пункту, не мог отказаться от своего «индивидуализма» и от своих «ультиматумов», ибо он по подобным вопросам не стал бы голосовать, а стал бы именно ставить ультиматумы.

В тот же день вечером я уехал, не видавшись больше

ни с кем из группы «Освобождение труда». Мы решили не говорить о происшедшем никому, кроме самых близких лиц, – решили соблюсти аппарансы – не дать торжествовать противникам. По внешности – как будто бы ничего не произошло, вся машина должна продолжать идти, как и шла, – только внутри порвалась какая-то струна, и вместо прекрасных личных отношений наступили деловые, сухие, с постоянным расчётом: по формуле *`si vis pacem, para bellum*. <...>

По мере того, как мы отходили подальше от происшедшей истории, мы стали относиться к ней спокойнее и приходить к убеждению, что дело бросать совсем не резон, что бояться нам взяться за редакторство (СБОРНИКА) пока нечего, а взяться необходимо именно нам, ибо иначе нет абсолютно никакой возможности заставить правильно работать машину и не дать делу погибнуть от дезорганизаторских «качеств» Плеханова.

По приезде в Нюрнберг, 4 или 5 сентября, мы уже выработали проект ФОРМАЛЬНЫХ отношений между нами (я начал писать этот проект ещё дорогой, в вагоне ж. д.), и проект этот делал нас – редакторами, их – сотрудниками с правом голоса по всем редакционным вопросам. Этот проект и решено было обсудить совместно с Цедербаумом, а затем преподнести им.

Искра начала ПОДАВАТЬ НАДЕЖДУ опять разгореться.
(сентябрь)

70

Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определённо размежеваться.

(Заявление редакции «Искры», сентябрь)

71

Если называть вещи их настоящим именем, то надо сказать, что европейские правительства (и русское едва ли не первое из них) уже начали раздел Китая. Но они начали раздел не открыто, а исподтишка, как воры. Они принялись обкрадывать Китай, как крадут с мертвеца, а когда этот мнимый мертвец попробовал оказать сопротивление, — они бросились на него, как дикие звери, выжигая целые деревни, топя в Амуре, расстреливая и поднимая на штыки безоружных жителей, их жён и детей. И все эти христианские подвиги сопровождаются криками против дикарей-китайцев, дерзающих поднять руку на цивилизованных европейцев.

(«Китайская война», октябрь)

72

Конечно, борьба в литературе породит несколько новых обид, нанесёт немало пинков, но мы не такие уже недотроги,

чтобы нам пинков бояться! Желать борьбы без пинков, раз-
ногласий без борьбы – было бы институтской наивностью.

(Письмо Якубовой, 26 октября)

73

Мне хотелось бы записать свои впечатления от сегодняшней беседы со Струве. Это было знаменательное и «историческое» в своем роде собрание (Потресов, Засулич, Струве + его жена + я), по крайней мере историческое в моей жизни, подводящее итог целой – если по эпохе, то странице жизни и определяющее надолго поведение и жизненный путь.

По первоначальной передаче дела Потресовым я понимал так, что Струве идёт к нам и хочет делать шаги с своей стороны – оказалось, как раз наоборот. Произошла эта странная ошибка оттого, вероятно, что Потресову очень уже хотелось того, чем «манил» Струве, именно политического материала, корреспонденций etc., а «чего хочется, тому верится», и Потресов верил в возможность того, чем манил Струве, хотел верить в искренность Струве, в возможность приличного *modus vivendi* с ним.

И именно это собрание окончательно и бесповоротно опровергло такую веру. Струве показал себя с совершенно новой стороны, показал себя «политиком» чистой воды, политиком в худшем смысле слова, политиканом, пройдохой, торгашом и нахалом. Он приехал С ПОЛНОЙ УВЕРЕННОСТЬЮ В НАШЕМ БЕССИЛИИ – так формулировал сам По-

тресов результаты переговоров, и это формулирование было совершенно верно. Струве явился с верой в наше бессилие, явился предлагать нам условия сдачи, и он проделал это в отменно-умелой форме, не сказав ни одного резкого словечка, но обнаружив тем не менее, какая грубая, торгашеская натура дюжинного либерала кроется под этой изящной, цивилизованной оболочкой самоновейшего «критика».

На мои запросы (с которых началась деловая часть вечера), почему он, Струве, не хочет идти просто в сотрудники, он отвечал с полной решительностью, что для него это психологически невозможно работать на журнал, в котором его «разделявают под орех» (буквальное его выражение), что не думаем же мы, что мы будем его ругать, а он нам будет «политические статьи писать» (буквально!), что о сотрудничестве могла бы идти речь только при условии полной равноправности (т.е. равноправности, очевидно, критиков и ортодоксальных), что после заявления¹⁷ его товарищ и друг¹⁸ не захотел даже ехать на свидание с Потресовым, что его, Струве, отношение определяется не столько заявлением, и даже вовсе не заявлением, а тем, что раньше он хотел ограничиться ролью «благожелательного пособничества», а теперь он не намерен ограничиться этим, а хочет быть и редактором (Струве почти так и сказал!!). Всё это выпалил Струве не сразу, переговоры о его сотрудничестве

¹⁷ Заявление редакции «Искры» о борьбе с оппортунизмом, см. № [70](#).

¹⁸ Туган-Барановский.

тянулись изрядно долго (слишком долго, по мнению Потресова и Засулич), но из них мне с полной ясностью вырисовалось, что с этим джентльменом каши не сварить. <...> В заключение – сговорились отложить решение, – на Струве заседали ещё Потресов и Засулич, требовали от НЕГО объяснений, спорили, я больше молчал, смеялся (так, что Струве ясно это видел), и разговор быстро пришёл к концу.

(Раскол в Заграничном союзе русских социал-демократов, ноябрь)

74

Я ездил на днях в Вену и с удовольствием прокатился после нескольких недель сидения. Но только неприятная зима – без снега. В сущности, даже и зимы-то никакой нет, а так, какая-то дрянненькая осень, мокроть стоит. Хорошо, что не холодно, и я вполне обхожусь без зимнего пальто, но неприятно как-то без снега. Надоедает слякоть, и с удовольствием вспоминаешь о настоящей русской зиме, о санном пути, о морозном чистом воздухе. Я провожу первую зиму за границей, первую совсем непохожую на зиму, и не могу сказать, чтобы очень доволен был, хотя иногда перепадают великолепные деньки вроде тех, что бывают у нас хорошей поздней осенью.

(Письмо матери, 26 декабря)

1901 год

(№№ отрывков: 75–103)

75

«Фельдфебеля в Вольтеры дать!» – эта формула несколько не устарела. Напротив, XX веку суждено увидеть её настоящее осуществление.

(Отдача в солдаты 183-х студентов, 1 января)

76

Праздновался юбилей паскудной газеты «Южный край», травящей всякое стремление к свету и свободе, восхваляющей все зверства нашего правительства. Перед редакцией собралась толпа, которая торжественно предавала разодранию номера «Южного края», привязывала их к хвостам лошадей, обёртывала в них собак, бросала камни и пузырьки с сернистым водородом в окна с кликами: «долой продажную прессу!». Вот какого чествования поистине заслуживают не только редакции продажных газет, но и все наши правительственные учреждения.

(То же)

77

Согласились бы Вы взять на себя в ближайшем будущем постоянную функцию по перевозке <«Искры»>, – то есть

жить около границы, ездить, сноситься с контрабандистами.
<...> Нет ли у Вас на примете товарища, способного на эту роль и знающего по-еврейски?

(Письмо Ногину, 24 января)

78

Сейчас получил письмо, дорогой Георгий Валентинович, только что вернувшись с «окончательного» разговора с Иудой¹⁹. Дело слажено, и я страшно недоволен тем, как слажено. <...> Выпускать он хотел бы ЕЖЕМЕСЯЧНО по ПЯТИ листов – сиречь букв около 200 тысяч, – как раз столько, сколько в 2-х листах «Искры». Что он может ДОСТАВЛЯТЬ настолько материала, в этом трудно усомниться, ибо он человек обеспеченный, пишущий много, имеющий хорошие связи. Дело ясное: конкуренция направляется не столько против «Зари», сколько против «Искры»: то же преобладание политического материала, тот же газетный характер – обозрение текущих событий, коротенькие статьи (Иуда с очень верным тактом придает громадное значение частому выходу тоненьких книжек с маленькими статьями). Нас будут наваливать материалом сего рода, мы будем бегать по исполнению поручений Иуды, который своим хозяйничаньем в «Современном Обозрении» (дело очевидное, что хозяин, и хозяин полный, будет там он, ибо у него деньги и 99% матери-

¹⁹ Струве. (Псевдоним оставлен, так как в данном контексте носит содержательную окраску.)

алов – мы разве изредка мало-мало что в состоянии будем дать туда) сделает великолепную либеральную карьеру и попытку оттереть не только тяжеловесную «Зарю», но и «Искру». Мы будем бегать, хлопотать, корректировать, переводить, а его сиятельство г. Иуда будет главным редактором наиболее влиятельного (в широком так называемом «общественном» мнении) журнальчика. А «романтическое» утешение можно предоставить этим «правоверным»: пусть называется «Приложение к социал-демократическому журналу „Заря“», пусть утешаются словечками, а я пока заберу в руки самое дело. Спрашивается, неужели пресловутая «гегемония» социал-демократии не окажется при этом простым лицемерием? В чем она выразится, кроме словечка: «Приложение к социал-демократическому»? Что материалом он нас задавит, – это несомненно, ибо мы и для «Зари»-то с «Искрой» не успеваем писать.

Одно из двух: или «Современное Обозрение» есть ПРИЛОЖЕНИЕ к ЖУРНАЛУ «Заря» – (как условлено) – тогда оно должно выходить не чаще «Зари», с ПОЛНОЙ свободой утилизации материала для «Искры». Или мы продаём право нашего первородства за чечевичную похлёбку и оказываемся водимыми за нос Иудой, кормящим нас словечками. Если нам суждено и возможно добиться действительной гегемонии, то исключительно при помощи политической газеты (подкреплённой научным органом), и когда нам с возмутительной наглостью заявляют, что политический отдел нашей

газеты не должен конкурировать с политическим предприятием гг. либералов, то наша жалкая роль ясна, как божий день!

(Письмо Плеханову, 30 января)

79

Можно жить около отхожего места, привыкнуть, не замечать, обжиться, но стоит только приняться его чистить – и вонь непременно восчувствуют тогда все обитатели не только данной, но и соседних квартир.

(«Бей, но не до смерти», февраль)

80

Ни в одной стране нет такого обилия законов, как в России. У нас на всё есть законы.

(то же)

81

Тяжеловесность механизма, чрезмерная централизация, необходимость самому правительству сунуть во всё свой нос – всё это явления общие, распространяющиеся на всю нашу общественную жизнь.

(«Объективная статистика», февраль)

82

Мы будем стараться всегда и по всяким поводам разъ-

яснять крестьянам, что люди, говорящие им об опеке или помощи от современного государства, – либо дурачки, либо шарлатаны и худшие враги их, что крестьянству нужно прежде всего избавление от произвола и гнёта власти чиновников, нужно прежде всего признание их полной и безусловной равноправности во всех отношениях со всеми другими сословиями, полной свободы передвижения и переселения, свободы распоряжения землёй, свободы распоряжения всеми мирскими делами и мирскими доходами.

(«Рабочая партия и крестьянство», февраль)

83

С тем, чтобы возбуждающим требованием должно было служить государственное страхование от безработицы, – я не могу согласиться. Я сомневаюсь, чтобы это было верно принципиально: в классовом государстве страхование от безработицы вряд ли может быть чем иным, кроме как одурачением. Тактически это у нас в России особенно неудобно, ибо наше государство ЛЮБИТ эксперименты «огосударствления», любит рекламировать их «общую пользу», и мы должны решительно быть против расширения функций ТЕПЕРЕШНЕГО государства и за – большой простор общественной самодеятельности.

(Письмо Ногину, 5 февраля)

84

На днях кончился здесь карнавал. Я первый раз видел последний день карнавала за границей – процессии ряженных на улице, повальное дурачество, тучи конфетти (мелкие кусочки цветной бумаги), бросаемых в лицо, бумажные змейки и пр. и пр. Умеют здесь публично, на улицах веселиться! <...>

Вот что попросил бы Маняшу прислать мне с ней: коробочку «моих» перьев. Представь себе: здесь не нашел нигде. Глупый народ – чехи и немчура. Английских перьев нет, только «своего» изделия, дрянь страшная. <...>

Бываете ли в театре? Что это за новая пьеса Чехова «Три сестры»? Видели ли её и как нашли? Я читал отзыв в газетах. Превосходно играют в «Художественно-Общедоступном» – до сих пор вспоминаю с удовольствием своё посещение в прошлом году.

(Письмо матери, 20 февраля)

85

Был я здесь, между прочим, в Музее изобразительных искусств и даже в театре смотрел венскую оперетку! Мало понравилось!

(Письмо матери, 4 марта)

С чего начать?

Работать над созданием боевой организации и ведением политической агитации обязательно при какой угодно «серой, мирной» обстановке, в период какого угодно «упадка революционного духа» — более того: именно при такой обстановке и в такие периоды особенно необходима указанная работа, ибо в моменты взрывов и вспышек поздно уже создавать организацию; она должна быть наготове, чтобы сразу развернуть свою деятельность.

87

Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях. Но суть дела именно в том, что террор выдвигается в настоящее время отнюдь не как одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения. Да при отсутствии центральной и слабости местных революционных организаций террор и не может быть ничем иным. Вот поэтому-то мы решительно объявляем такое средство борьбы при данных обстоятельствах несвоевременным, нецелесообразным, отвлекающим наиболее активных борцов от их настоящей, наиболее важной в интересах всего движения задачи, дезорганизуя не правительствен-

ные, а революционные силы. Вспомним последние события: на наших глазах широкие массы городских рабочих и городского «простолюда» рвутся к борьбе, а у революционеров не оказывается штаба руководителей и организаторов. Не грозит ли при таких условиях уход самых энергичных революционеров в террор ослаблением тех боевых отрядов, на которые только и можно возлагать серьёзные надежды?

88

Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении её можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом. При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация, занятая не только местной, но и регулярной общей работой, приучающей своих членов внимательно следить за политическими событиями, оценивать их значение и их влияние на разные слои населения, вырабатывать целесообразные способы воздействия на эти события со стороны революционной партии.

(май)

89

Советую ещё распределить правильно занятия по имеющимся книгам так, чтобы разнообразить их: я очень хорошо помню, что перемена чтения или работы – с перевода на чтение, с письма на гимнастику, с серьёзного чтения на беллетристику – чрезвычайно много помогает. Иногда ухудшение настроения – довольно-таки изменчивого в тюрьме – зависит просто от утомления однообразными впечатлениями или однообразной работой, и достаточно бывает переменить её, чтобы войти в норму и совладать с нервами. После обеда, вечером для отдыха я, помню, regelmässig²⁰ брался за беллетристику и нигде не смаковал её так, как в тюрьме. А главное – не забывай ежедневной, обязательной гимнастики, заставляй себя проделать по несколько десятков (без уступки!) всяких движений! Это очень важно.

(Письмо сестре Марии, 19 мая)

90

РЕАЛЬНОЕ политическое воспитание рабочим массам может дать только всестороннее участие их в революционном движении вплоть до открытой уличной борьбы, вплоть

²⁰ «Регулярно» (нем.).

до гражданской войны с защитниками политического и экономического рабства.

(«Гонители земства и аннибалы либерализма», июнь)

91

Струве восклицает: «С глубокой скорбью мы предвидим те ужасные жертвы и людьми и культурными силами, которых будет стоить эта безумная агрессивно-консервативная политика <правительства>, не имеющая ни политического смысла, ни тени нравственного оправдания». Какую бездонную пропасть доктринёрства и елейности приоткрывает такой конец рассуждения о революционном взрыве! У автора нет ни капельки понимания того, какое бы это имело гигантское историческое значение, если бы народ в России хоть раз хорошенько проучил правительство. Вместо того, чтобы указывая на «ужасные жертвы», принесённые и приносимые народом абсолютизму, будить ненависть и возмущение, разжигать готовность и страсть к борьбе, – вместо этого вы ссылаетесь на БУДУЩИЕ жертвы, чтобы отпугнуть от борьбы. Эх, господа!

(То же)

92

Когда рабочие вышли все на улицу, остановив движение конки, началась уже настоящая баталия. Рабочие бились, видимо, изо всех сил, ибо им удалось ДВАЖДЫ отбить нападе-

ние полиции, жандармов, конной стражи и вооружённой команды завода – и это несмотря на то, что единственным оружием рабочих были камни. Правда, «несколько выстрелов» раздалось и из толпы, – если верить полицейскому сообщению, – но ранен этими выстрелами никто не был. Зато камни летели «ГРАДОМ», причём рабочие проявляли не только упорство сопротивления, но и находчивость, умение сразу приспособиться к условиям и выбрать лучшую форму борьбы. Они заняли соседние дворы и осыпали царских башибузуков камнями ИЗ-ЗА ЗАБОРОВ, так что даже после трёх залпов, которыми был убит один (будто бы только один?) рабочий и ранено восемь (?) (один умер на другой день), даже после этого, несмотря на бегство толпы, сражение ещё продолжалось, и вытребованные роты омского пехотного полка должны были «очищать от рабочих» соседние дворы. <...>

В последнее время много говорили о том, что уличная борьба против современного войска невозможна и безнадежна; особенно настаивали на этом те «критические» умники, которые выдавали старый хлам буржуазной учёности за новые выводы беспристрастной науки, извращая при этом слова Энгельса, говорившего, и притом с оговорками, только о временной тактике немецких социал-демократов. Мы видим даже на примере отдельной схватки, что все эти толки совершенно вздорны. Уличная борьба возможна, безнадежно не положение борцов, а положение правительства, если ему придётся иметь дело с населением не одного только за-

вода. Рабочие при схватке 7-го мая не имели ничего, кроме камней, – и уж, конечно, не запрещение же градоначальника помешает им в следующий раз запастись другим оружием. Рабочие были не подготовлены, и их было только три с половиной тысячи, и тем не менее они отбивали несколько сотен конной стражи, жандармерии, городских и пехоты. Вспомните, легко ли удался полиции штурм ОДНОГО дома номер 63 по Шлиссельбургскому тракту! Подумайте, легко ли будет «ОЧИСТИТЬ ОТ РАБОЧИХ» не два-три двора и дома, а целые рабочие кварталы Петербурга!

(«Новое побоище», июнь)

93

Из России пишут, что публика страшно увлекается БЕРДЯЕВЫМ. Вот кого надо бы разнести НЕ ТОЛЬКО в специально-философской области!

(Письмо Плеханову, 30 июля)

94

Члены боевой социалистической партии должны и в учёных своих трудах не упускать из виду читателя-рабочего, должны стараться писать ПРОСТО, без тех ненужных ухищрений слога, без тех внешних признаков «учёности», которые так пленяют декадентов и титулованных представителей официальной науки.

(«Аграрный вопрос и „критики Маркса“», сентябрь)

Рациональная утилизация столь важных для земледелия городских нечистот вообще и человеческих экскрементов в частности требует уничтожения противоположности между городом и деревней.

(То же)

Сельский рабочий зарабатывает 50 коп. в день; хозяйственный мужичок, держащий подёнщиков, – 1 рубль в день; заводский рабочий в столице – 2 рубля в день; мелкий хозяин провинциальной мастерской – 1 ½ рубля в день. Всякий сколько-нибудь сознательный рабочий без малейшего труда разберётся в том, к каким классам принадлежат представители этих различных «слоёв», каким направлением должна отличаться общественная деятельность этих «слоёв». А для представителя университетской науки или для современного «критика» это – такая премудрость, которой они никак вместить не в состоянии.

(То же)

Какую удивительную заботливость о голодающих проявляет наше правительство! Какой длиннейший циркуляр выпустил министр внутренних дел к губернаторам пострадав-

ших губерний! Это целое литературное произведение объёмом больше обыкновенного печатного листа, изъясняющее устами г. Сипягина всю политику правительства в продовольственном деле. Опубликованием этого произведения рассчитывали, очевидно, произвести впечатление на «общество»: вот, дескать, как мы попечительны, как мы торопимся с мерами помощи, как мы заранее предусматриваем и организацию продовольственных учреждений, и все виды и стороны их деятельности. И нельзя не сознаться, что циркуляр министерства внутренних дел действительно производит впечатление и не только своей величиной, но также (если иметь терпение дочитать до конца) и своим содержанием.

<...>

Мы сказали: если иметь терпение дочитать циркуляр г. Сипягина до конца. Терпения на это надо не мало, ибо на три четверти... – какое! на девять десятых – циркуляр наполнен обычным казённым пустословием. Разжёвывание вещей давным-давно известных и сотни раз повторённых даже в «Своде законов», хождение кругом да около, расписывание подробностей китайского церемониала сношений между мандаринами, великолепный канцелярский стиль с периодами в 36 строк и с «речениями», от которых больно становится за родную русскую речь, – когда вчитываешься в эту прелесть, чувствуешь себя точно в русском полицейском участке, в котором от стен отдаёт затхлостью, отовсюду несёт какой-то специфической вонюю, чиновники уже по одному сво-

ему виду и обращению – олицетворение самой невыносимой волокиты, а виднеющиеся в окно надворные постройки живо напоминают о застенке. <...>

Наши законы пекутся, как блины, в петербургских департаментах, без серьёзного обсуждения людьми, действительно сведущими и способными высказать самостоятельное мнение, без серьёзного намерения создать лучше удовлетворяющий своей цели порядок, просто по честолюбию какого-нибудь пройдохи-министра, желающего отличиться и поскорее выказать свою благонамеренность. <...>

Считаются не нуждающимися, у кого приходится не менее 48 пудов хлеба в год на семью (считая по 12 пудов на трёх взрослых и по 6 пудов на двух детей). Это расчёт самого прижимистого кулака: в обыкновенный год даже беднейшие крестьяне потребляют хлеба не по 48, а по 80 пудов в год на семью в 6–5 человек, как это известно из описаний крестьянского хозяйства; средний же крестьянин потребляет в обыкновенный год 110 пудов хлеба на семью в 5 человек. <...>

Г-н Сипягин кричит, что голодом «охотно пользуются неблагонадёжные в политическом смысле лица для своих преступных целей под личиной помощи ближнему», а вслед за ним вся реакционная печать повторяет этот крик. Какой ужас! Пользоваться народной нуждой для «политики»! На самом деле ужасно, наоборот, то, что в России всякая деятельность, даже самая далёкая от политики, филантро-

пическая (благотворительная) деятельность неизбежно ведёт к столкновению независимых людей с полицейским произволом и с мерами «пресечения», «запрещения», «ограничения» и проч. и проч. Ужасно то, что правительство прикрывает соображениями высшей политики своё иудушкино стремление – отнять кусок у голодающего, урезать впятеро размер пособий, запретить всем, кроме полицейских чинов, подступаться к умирающим от голода!

(«Борьба с голодающими», октябрь)

98

Опять голод! Не одно только разорение, а прямое вымирание русского крестьянства идёт в последнее десятилетие с поразительной быстротой, и, вероятно, не одна война, как бы продолжительна и упорна она ни была, не уносила такой массы жертв. <...> Если в 1891—1892 гг. правительство было застигнуто врасплох и порядочно-таки растерялось сначала, то теперь оно уже богато опытом и твёрдо знает куда (и как) идти. «В этот момент, – писала „Искра“ в июле, – на страну надвигается чёрная туча народного бедствия, и правительство готовится снова разыграть свою гнусную роль бездушной силы, отводящей кусок хлеба от голодного населения, карающей всякое не входящее в виды начальства „оказательство“ заботы о голодных людях».

(«Голод», октябрь)

Давно уже сказано, что всякий дурак сумеет управлять посредством осадного положения.

(То же)

100

До массовых жертв голода и кризисов хозяевам капиталистического государства так же мало дела, как мало дела паровозу до тех, кого он давит на своём ходу. Мёртвые тела тормозят колёса, поезд останавливается, он может даже (при чересчур энергичных машинистах) сойти при этом с рельсов, но он во всяком случае продолжает, после тех или иных задержек, свой путь.

(«Отношение к кризису и к голоду», октябрь)

101

Это опровержение уже совсем бесподобно! Случайно сказал в непринуждённом обмене мнений! Это-то и интересно, потому что все мы слишком хорошо знаем, какую цену имеют слова официальных лиц, официально ими изрекаемые.

(«Две предводительские речи», октябрь)

102

За первым насилием последовал бесчисленный ряд других: запрещали одну за другой финляндские газеты, отменили свободу собраний, наводнили Финляндию сворами рус-

ских шпионов и гнуснейших провокаторов, которые возбуждали к восстанию, и т. д. и т. д. <...> это насилие клятвопреступника с шайкой башибузуков, которая называется царским правительством. Двум с половиной миллионам финляндцев нечего, конечно, и думать о восстании, но всем нам, русским гражданам, надо думать о том позоре, какой на нас падает. Мы всё ещё до такой степени рабы, что нами пользуются для обращения в рабство других племён.

(«Протест финляндского народа», ноябрь)

103

Журнальчик «Свобода» совсем плохой. Автор его²¹ – журнал производит именно такое впечатление, как будто бы он весь от начала до конца был писан одним лицом – претендует на популярное писание «для рабочих». Но это не популярность, а дурного тона популярничанье. Словечка нет простого, всё с ужимкой... Без выкрутас, без «народных» сравнений и «народных» словечек – вроде «ихний» – автор не скажет ни одной фразы. И этим уродливым языком разжёвываются без новых данных, без новых примеров, без новой обработки избитые социалистические мысли, умышленно вульгаризируемые. Популяризация, сказали бы мы автору, очень далека от вульгаризации, от популярничанья. Популярный писатель подводит читателя к глубокой мысли, к глубокому учению, исходя из самых простых и общеиз-

²¹ Е.Зеленский.

вестных данных, указывая при помощи несложных рассуждений или удачно выбранных примеров главные ВЫВОДЫ из этих данных, наталкивая думающего читателя на дальнейшие и дальнейшие вопросы. Популярный писатель не предполагает не думающего, не желающего или не умеющего думать читателя, – напротив, он предполагает в неразвитом читателе серьёзное намерение работать головой и ПОМОГАЕТ ему делать эту серьёзную и трудную работу, ВЕДЁТ его, помогая ему делать первые шаги и УЧА идти дальше самостоятельно. Вульгарный писатель предполагает читателя не думающего и думать не способного, он не наталкивает его на первые начала серьёзной науки, а в уродливо-упрощённом, посолённом шуточками и прибауточками виде, преподносит ему «готовыми» ВСЕ выводы известного учения, так что читателю даже и жевать не приходится, а только проглотить эту кашу.

(О журнале «Свобода»)

1902 год

(№№ отрывков: 104–144)

104²²

Плеханов: «большинство населения состоит из ПРОЛЕТАРИЕВ, не имеющих ничего, кроме своей рабочей силы, и не могущих существовать иначе, как путём её продажи».

Ленин: Пролетариат имеет некоторые предметы потребления (а частью и средства производства). <...>

Плеханов: «пролетариат должен иметь в своих руках ПОЛИТИЧЕСКУЮ ВЛАСТЬ, которая сделает его господином положения и позволит ему беспощадно раздавить все те препятствия, которые встретятся ему на пути к его великой цели. В этом смысле ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА составляет необходимое ПОЛИТИЧЕСКОЕ условие СОЦИАЛЬНОЙ революции.

Ленин: «Господин положения», «беспощадно раздавить», «Диктатура»??? (Довольно с нас социальной революции.) <...>

Плеханов: «...в интересах ограждения рабочего класса и повышения его боевой способности РСДРП требует <...> 8) запрещения выдачи заработной платы товарами»

Ленин: «В интересах охраны рабочего класса от физиче-

²² Пометки Ленина в плехановском проекте программы РСДРП.

ского и нравственного вырождения, а также в интересах повышения его способности к борьбе за своё освобождение» 8) (добавить) «установления законом еженедельного срока расплаты по всем договорам о найме рабочих».

(Замечания на первый проект программы РСДРП, январь)

Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения

105

Уже одно это отсутствие открытой партийной связи и партийной традиции составляет такое кардинальное отличие России от Германии, которое должно бы было предостеречь всякого разумного социалиста от слепого подражания. Вот образец того, до чего доходит «свобода критики» в России. Русский критик, г. Булгаков, делает такой выговор австрийскому критику, Герцу: «При всей независимости своих выводов, Герц в этом пункте (о кооперациях), по-видимому, всё-таки остаётся слишком связан мнениями своей партии и, расходясь в подробностях, не решается расстаться с общим принципом». Подданный поработщённого политически государства, в котором 999/1000 населения до мозга костей возвращены политическим холопством и полным непониманием партийной чести и партийной связи, — высокомерно выговаривает гражданину конституционного государства за чрез-

мерную «связанность мнениями партии»! Только и остаётся нелегальным организациям нашим, как приняться за составление резолюций о свободе критики...

106

Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции.

107

Революционная опытность и организаторская ловкость — вещи наживные. Была бы только охота вырабатывать в себе требуемые качества!

108

И самый серый рабочий поймёт ИЛИ ПОЧУВСТВУЕТ, что над студентом или сектантом, мужиком и писателем ругается и бесчинствует та самая тёмная сила, которая так гнетёт и давит его на каждом шагу его жизни, а, почувствовав это, он захочет, неудержимо захочет отозваться и сам, он сумеет тогда — сегодня устроить кошачий концерт цензорам, завтра демонстрировать пред домом усмирившего крестьянский бунт губернатора, послезавтра проучить тех жандармов в рясе, что делают работу святой инквизиции и т. д. Мы ещё очень мало, почти ничего не сделали для того, чтобы БРОСАТЬ в рабочие массы всесторонние и свежие обличения.

Отвечать на нападения мы привыкли не защитой, а контр-нападением.

110

Полиция, естественно, почти всегда знала всех главных деятелей местного движения, «зарекомендовавших» себя ещё со студенческой скамьи, и только выжидала самого удобного для неё момента облавы, нарочно давая кружку достаточно разрастись и развернуться, чтобы иметь осязательный *corpus delicti*²³ и нарочно оставляя всегда несколько известных ей лиц «на разводку» (как гласит техническое выражение, употребляемое, насколько мне известно, и нашим братом, и жандармами). Такую войну нельзя не сравнить с походом вооружённых дубинами шаек крестьян против современного войска.

111

Правда, на стоячей воде «экономической борьбы с хозьяевами и с правительством» образовалась у нас, к несчастью, плесень, появились люди, которые становятся на колени и молятся на стихийность, благоговейно созерцая (по выражению Плеханова) «заднюю» русского пролетариата.

²³ «Состав преступления».

Попробую начать, для наглядности, с примера. Возьмите немцев. Надеюсь, вы не станете отрицать, что у них организация охватывает толпу, всё идет от толпы, рабочее движение научилось ходить своими ногами? А между тем как умеет эта миллионная толпа ценить «десяток» своих испытанных политических вождей, как крепко держится она за них! В парламенте бывало не раз, что депутаты враждебных партий дразнили социалистов: «Хороши демократы! на словах только у вас движение рабочего класса, — а на деле выступает все та же компания вожаков. Все тот же Бебель, все тот же Либкнехт из года в год, из десятилетия в десятилетие. Да ваши якобы выборные делегаты от рабочих более несменяемы, чем назначаемые императором чиновники!» Но немцы встречали только презрительной усмешкой эти демагогические попытки противопоставить «вожакам» «толпу», разжечь в последней дурные и тщеславные инстинкты, отнять у движения его прочность и его устойчивость посредством подрыва доверия массы к «десятку умников». У немцев достаточно уже развита политическая мысль, достаточно накоплено политического опыта, чтобы понимать, что без «десятка» талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса. Немцы видывали и в своей среде демаго-

гов, которые льстили «сотням дураков», превознося их над «десятками умников», льстили «мускулистому кулаку» массы, возбуждая её (подобно Мосту или Гассельману) на необдуманно «революционные» действия и поселяя недоверие к выдержанным и стойким вождям.

113

Десяток умников выловить гораздо труднее, чем сотню дураков. И я буду защищать это положение, сколько бы вы ни науськивали на меня толпу за мой «антидемократизм» и т. п. Под «умниками» в отношении организационном надо разумеать только, как я уже не раз указывал, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ, всё равно – из студентов или из рабочих они вырабатываются. И вот я утверждаю, что ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей.

114

Самое активное и самое широкое участие массы не только не пострадает, а, напротив, много выиграет от того, что «десяток» испытанных, профессионально вышколенных не менее нашей полиции, революционеров централизует все конспиративные стороны дела, подготовку листков, выработку приблизительного плана, назначение отряда руководителей для каждого района города, для каждого фаб-

ричного квартала, для каждого учебного заведения и т. п. (я знаю, мне возразят о «недемократичности» моих воззрений, но я отвечу на это, совсем неумное, возражение подробно ниже).

115

Зеленский пьёт из самого что ни на есть проплёванного колодца!

116

Поскольку речь идёт о неподготовленности, я отношу его прежде всего к самому себе. Я работал в кружке, который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи, – и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменив известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров – и мы перевернём Россию! И чем чаще мне с тех пор приходилось вспоминать о том жгучем чувстве стыда, которое я тогда испытывал, тем больше у меня накапливалось горечи против тех лжесоциал-демократов, которые своей проповедью «позорят революционера сан».

117

Всеобщий (в буквальном смысле этого слова) контроль за каждым шагом человека <германской> партии на его по-

литическом попрании создаёт автоматически действующий механизм, дающий то, что называется в биологии «выживанием наиболее приспособленных». «Естественный отбор» полной гласности, выборности и всеобщего контроля обеспечивает то, что каждый деятель оказывается в конце концов «на своей полочке», берётся за наиболее подходящее его силам и способностям дело, испытывает на себе самом все последствия своих ошибок и доказывает перед глазами всех свою способность сознавать ошибки и избегать их.

Попробуйте-ка вставить эту картину в рамки нашего самодержавия! <...> «Широкий демократизм» партийной организации в потёмках самодержавия, при господстве жандармского подбора, есть лишь ПУСТАЯ И ВРЕДНАЯ ИГРУШКА. Это – пустая игрушка, ибо на деле никогда никакая революционная организация ШИРОКОГО демократизма не проводила и не может проводить даже при всём своём желании. Это – вредная игрушка, ибо попытки проводить на деле «широкий демократический принцип» облегчают только полиции широкие провалы и увековечивают царящее кустарничество, отвлекают мысль практиков от серьёзной, настоящей задачи вырабатывать из себя профессиональных революционеров к составлению подробных «бумажных» уставов о системах выборов. Только за границей, где нередко собираются люди, не имеющие возможности найти себе настоящего, живого дела, могла кое-где и особенно в разных мелких группах развиваться эта «игра в демо-

кратизм». <...>

Единственным серьёзным организационным принципом для деятелей нашего движения должна быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть налицо эти качества, – обеспечено и нечто большее, чем «демократизм», именно: полное товарищеское доверие между революционерами. А это большее безусловно необходимо для нас, ибо о замене его демократическим всеобщим контролем у нас в России не может быть и речи. И было бы большой ошибкой думать, что невозможность действительно «демократического» контроля делает членов революционной организации бесконтрольными: им некогда думать об игрушечных формах демократизма (демократизма внутри тесного ядра пользующихся полным взаимным доверием товарищей), но свою ОТВЕТСТВЕННОСТЬ чувствуют они очень живо, зная притом по опыту, что для избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не остановится ни пред какими средствами.

Да и есть у нас довольно развитое, имеющее за собой целую историю, общественное мнение русской (и международной) революционной среды, карающее с беспощадной суровостью всякое отступление от обязанностей товарищества (а ведь «демократизм», настоящий, не игрушечный демократизм входит, как часть в целое, в это понятие товарищества!). Примите все это во внимание – и вы поймете, какой

затхлый запах заграничной игры в генеральство поднимается от этих разговоров и резолюций об «антидемократических тенденциях»!

Надо заметить ещё, что другой источник таких разговоров, т. е. наивность, питается также смутностью представлений о том, что такое демократия. В книге супругов Вебб об английских тред-юнионах есть любопытная глава: «Примитивная демократия». Авторы рассказывают там, как английские рабочие в первый период существования их союзов считали необходимым признаком демократии, чтобы все делали всё по части управления союзами: не только все вопросы решались голосованием всех членов, но и должности отправлялись всеми членами по очереди. Нужен был долгий исторический опыт, чтобы рабочие поняли нелепость такого представления о демократии и необходимость представительных учреждений, с одной стороны, профессиональных должностных лиц, с другой. Нужно было несколько случаев финансового краха союзных касс, чтобы рабочие поняли, что вопрос о пропорциональном отношении платимых взносов и получаемых пособий не может быть решён одним только демократическим голосованием, а требует также голоса специалиста по страховому делу. Возьмите, далее, книгу Каутского о парламентаризме и народном законодательстве, — и вы увидите, что выводы теоретика-марксиста совпадают с уроком многолетней практики «стихийно» объединявшихся рабочих. Каутский решительно восстает против прими-

тивного понимания демократии Риттингхаузенем, высмеивает людей, готовых во имя её требовать, чтобы «народные газеты прямо редактировались народом», доказывает необходимость ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ журналистов, парламентариев и пр. для социал-демократического руководства классовой борьбой пролетариата, нападает на «социализм анархистов и литераторов», в «погоне за эффектами» превозносящих прямое народное законодательство и не понимающих весьма условной применимости его в современном обществе.

118

Русская пословица говорит: не плюй в колодец, – пригодится воды напиться. Но есть люди, что не прочь напиться и из такого колодца, в который уже наплёвано.

119

Теперь силы истекают в массе случаев кровью на узкой местной работе, а тогда являлась бы возможность и постоянно были бы поводы перебрасывать сколько-нибудь способного агитатора или организатора из конца в конец страны. Начиная с маленькой поездки по делам партии на счёт партии, люди привыкали бы переходить целиком на содержание партии, делаться профессиональными революционерами, вырабатывать из себя настоящих политических вождей. <...> По лесам или подмосткам этой общей организацион-

ной постройки скоро поднялись и выдвинулись бы из наших революционеров социал-демократические Желябовы, из наших рабочих русские Бебели, которые встали бы во главе мобилизованной армии и подняли весь народ на расправу с позором и проклятьем России.

Вот о чём нам надо мечтать!

120

Зеленский забывает, по-видимому, известное изречение, что если оригинал исторического события представляет из себя трагедию, то копия с него является лишь фарсом. Подготовленная проповедью Ткачёва и осуществлённая посредством «ужасающего» и действительно устрашавшего террора попытка захватить власть — была величественна, а «эксцитативный» террор маленького Ткачёва просто смешон, и особенно смешон, когда дополняется идеей организации середняков.

121

Организация, складывающаяся сама собою вокруг «Искры», организация её СОТРУДНИКОВ (в широком смысле слова, т. е. всех трудящихся в ней) будет именно готова НА ВСЁ, начиная от спасения чести, престижа и преемственности партии в момент наибольшего революционного «угнетения» и кончая подготовкой, назначением и проведением ВСЕНАРОДНОГО ВООРУЖЁННОГО ВОССТАНИЯ.

122

Увы, увы! Опять сорвалось у меня это ужасное слово «агент», так режущее демократическое ухо Пиккерова! Мне странно, почему это слово не обижало корифеев 70-х годов и обижает кустарей 90-х годов? Мне нравится это слово, ибо оно ясно и резко указывает на ОБЩЕЕ ДЕЛО, которому все агенты подчиняют свои помыслы и действия, и если нужно заменить это слово другим, то я бы мог остановиться только разве на слове «сотрудник», если бы оно не отзывалось некоторой литературщиной и некоторой расплывчатостью. А нам нужна военная организация агентов.

123

Ещё раз подтвердилось меткое замечание Гельфанда, что оппортуниста трудно поймать какой бы то ни было формулой: он легко подпишет ВСЯКУЮ формулу и легко отступит от неё, так как оппортунизм состоит именно в отсутствии сколько-нибудь определённых и твёрдых принципов.

(февраль)

124

Хищник-государство пробовало парадировать перед населением в светлой роли заботливого кормильца им же обо-

бранного народа. С 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следующие одна за другой. В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается». Это была, действительно, нелепая идея. Нынче времена переменялись, и с превращением голодовки в нормальное состояние деревни наш паразит не столько носится с утопической мыслью накормить ограбленное крестьянство, сколько объявляет самую эту мысль государственным преступлением. Цель достигнута – нынешний грандиозный голод проходит при необычайной даже у нас обстановке гробового молчания. Не слышно стонов голодающих крестьян, нет попытки общественной инициативы в борьбе с голодом, газеты молчат о том, что делается в деревне.

(«Признаки банкротства», февраль)

125

Чем больше в практической части нашей программы проявляем мы «доброты» к мелкому производителю (напр., к крестьянину), тем «строже» должны быть к этим ненадёжным и двуличным социальным элементам в ПРИНЦИПИАЛЬНОЙ части программы, ни на йоту не поступаясь СВОЕЙ точкой зрения. Вот, дескать, ежели примешь эту, нашу, точку зрения, – тогда тебе и «доброта» всякая будет, а не примешь – ну, тогда уже не прогневайся! Тогда мы при

«диктатуре» скажем про тебя: нечего слов тратить по-пустому, где надо власть употребить... <...>

параграф 14, по-моему, неопределёнен («всё» угнетённое «человечество» ещё не знаю, освободим ли мы; напр., угнетение тех, кто слаб характером, теми, кто зело твёрд характером). Лучше бы взять формулу, предложенную Марксом в критике Готской программы: уничтожение деления на классы и вытекающего из него неравенства. <...> только **ТОЧНЫМ** и **ПРЯМЫМ УКАЗАНИЕМ** этого «основного требования» мы придаём **ВПОЛНЕ ОПРЕДЕЛЁННЫЙ** (и не преувеличенный) смысл нашим обещаниям всех освободить и всех от всех зол избавить.

(Замечания на второй проект программы РСДРП Плеханова, март)

126

<Выражение «естественное правовое дополнение»> пахнет, воняет оно либерализмом каким-то.

(Замечания на комиссионный проект программы РСДРП, март)

127

Требование национализации земли выдвигать не только при самодержавии, но и при полуконституционной монархии было бы прямо неправильно, ибо при отсутствии вполне уже упрочившихся, глубоко укоренившихся демократи-

ческих политических учреждений это требование гораздо скорее отвлечёт мысль к нелепым экспериментам государственного социализма, чем даст толчок свободному развитию классовой борьбы в деревне.

(«Аграрная программа русской социал-демократии», март)

128

Воспользовались ли Вы статьями Вл. Чернова в последних книжках «Русского Богатства» о субъективном методе, Бердяеве и проч.? Ах, как хорошо бы было хоть несколько строк посвятить отделке этого пустомели! Во втором номере (февраль) «Sozialistische Monatshefte» некий Лозинский тоже хоронит материализм и восхваляет Бердяева. Из Вологды (где сидят Бердяев и Малиновский) сообщают, что ссыльные там усердно спорят о философии и Бердяев, как наиболее знающий, «побеждает», по-видимому.

(Письмо Л. Аксельрод, 3 марта)

129

Первое впечатление от Лондона: гнусное.

(Письмо Аксельроду, 18 апреля)

130

Плеханов: Ставлю на голоса вопрос о том, чтобы зачеркнуть эту страницу. Она придаёт несколько фельетонный ха-

раक्टर рассуждению, которое само по себе ясно и последовательно...

Ленин: Ставлю на голосование вопрос о том, ПРИЛИЧНЫ ЛИ по отношению к коллеге по редакции подобные КАНКАННЫЕ по тону замечания? и куда мы придём, если начнём ВСЕ ТАК угощать друг друга?? <...>

Плеханов: В первый раз вижу, что слово АНТАГОНИЗМ употребляется во МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ.

Ленин: Напрасно автор замечаний думает, что он неспособен уже ничего увидеть в первый раз.

(«Ответы на замечания Плеханова по поводу аграрной программа русской социал-демократии», май)

131

Автор замечаний напоминает мне того кучера, который думает, что для того, чтобы хорошо править, надо почаще и посильнее дёргать лошадей. Я, конечно, не больше «лошади», одной из лошадей, при кучере – Плеханове, но бывает ведь, что даже самая задёрганная лошадь сбрасывает не в меру ретивого кучера.

(То же)

132

Каждый завод должен быть нашей крепостью. А для этого «заводская» рабочая организация должна быть так же конспиративна внутри себя, так же «ветвиста» вовне, т. е.

во внешних её сношениях, так же далеко должна просовывать, и в самые разные стороны просовывать, свои щупальца, как и всякая революционная организация. <...> Все члены заводского комитета должны смотреть на себя, как на агентов комитета, обязанных подчиняться всем распоряжениям его, обязанных соблюдать все «законы и обычаи» той «действующей армии», в которую они вступили и из которой они в военное время не имеют права уйти без разрешения начальства. <...> Я представляю себе это дело так: комитет поручает каким-то своим членам организовать везде заводские подкомитеты. Комиссия совещается с районными уполномоченными, назначает ряд свиданий, испытывает хорошенько кандидатов в члены заводских подкомитетов, подвергает их перекрёстному допросу «с пристрастием», подвергает их, буде надобно, искусу, старается при этом посмотреть и испытать сама непосредственно ВОЗМОЖНО БОЛЬШЕЕ число кандидатов <...> Мы должны внушить рабочим, что убийство шпионов и провокаторов и предателей может быть, конечно, иногда безусловной необходимостью, но что крайне нежелательно и ошибочно было бы возводить это в систему, что мы должны стремиться создать организацию, способную ОБЕЗВРЕЖИВАТЬ шпионов раскрытием и преследованием их. Перебить шпионов нельзя, а создать организацию, отслеживающую их и ВОСПИТЫВАЮЩУЮ рабочую массу, МОЖНО И ДОЛЖНО.

(«Письмо к товарищу о наших организационных задачах»)

Я начал с разбора наброска устава, чтобы показать нагляднее, к чему клонятся мои предложения. И в результате читателю выяснилось, надеюсь, что в сущности можно бы, пожалуй, обойтись БЕЗ УСТАВА, заменив его регулярной отчётностью о каждом кружке, о каждой функции работы. Что можно написать в уставе? Комитет руководит всеми (это и так ясно). Комитет выбирает распорядительную группу (это не всегда нужно, а когда это нужно, дело не в уставе, а в СООБЩЕНИИ центру о составе этой группы и о кандидатах к ней). Комитет распределяет между своими членами отдельные стороны работы, поручая каждому регулярно докладывать комитету и сообщать ЦО и ЦК о ходе дела.

(То же)

Кто же у нас не знает, что СЕРЬЁЗНЫЕ конфликты и разногласия решаются у нас в сущности вовсе не голосованием «по уставу», а борьбой и угрозой «уйти»? Такой внутренней борьбой полна история БОЛЬШИНСТВА наших комитетов за последние 3–4 года партийной жизни. Очень жаль, что борьба эта не была оформлена: она тогда дала бы гораздо более для поучения партии, для опыта наших преемников. Но ТАКАЯ полезная и необходимая оформленность никакими уставами не создаётся, а исключительно ПАРТИЙ-

НОЙ ГЛАСНОСТЬЮ. У нас при самодержавии не может быть иного средства и оружия партийной гласности, кроме регулярной осведомлённости партийного центра.

(То же)

135

Теперь наша ГЛАВНАЯ задача – подготовить созыв съезда, то есть чтобы ВПОЛНЕ свои люди проникли в возможно большее число комитетов и постарались подорвать южный ЦК южных комитетов (=юла). Эта «юла», которой вертит Коган (кой-кем даже обвиняемый в провокаторстве, что ещё не проверено) – главное препятствие (да ещё Питер).

(Письмо Кржижановскому, 6 мая)

136

Получил свою статью с Вашими замечаниями. Хорошие у Вас понятия о такте в отношениях к коллегам по редакции! Вы даже не стесняетесь в выборе самых пренебрежительных выражений, не говоря уже о «голосовании» предложений, которых Вы не взяли труда и формулировать, и даже «голосовании» насчет стиля. Хотел бы знать, что Вы скажете, когда я подобным образом ответил бы на Вашу статью о программе? Если Вы поставили себе целью сделать невозможной нашу общую работу, – то выбранным Вами путем Вы очень скоро можете дойти до этой цели. Что же касается не деловых, а личных отношений, то их Вы уже окончательно

испортили или вернее: добились их полного прекращения.
(*Письмо Плеханову, 14 мая*)

137

Итак, Ваша задача теперь создать ИЗ СЕБЯ комитет по подготовке съезда, принять в этот комитет бундовца К. Портного (оценив онго СО ВСЕХ СТОРОН – это NB!), просунуть своих людей в наибольшее число комитетов, сохраняя себя и своих паче зеницы ока до съезда. Это всё архи-важно! памяуйте это. Будьте в этом смелей, наглей и изобретательней, а в остальном – потише и поосторожнее. Мудры, аки змеи – и кротки (с комитетами: Бундом и Питером) – аки голуби.

(*Письмо Ленгнику, 23 мая*)

138

И если нужда заставит Вас иногда политиканить с Ваней²⁴, то с кружком-то Вы абсолютно ни малейшего политиканства не ведите, а держите там себя всегда НЕПРИМИРИМО против Вани.

Ваша тактика тогда будет просто: подходит Ваня к нам, Вы его гладите по головке, но крепко держите камень за пазухой, то есть не скрываете от него, что этого мало, что надо совсем подойти и войти, и что Вы малым не удовлетво-

²⁴ В. Краснуха. (Псевдоним оставлен, так как в данном контексте носит содержательную окраску.)

ритесь. Отходит Ваня, – Вы не спускаете ему ни единой ошибки, ни единого промаха. ЛОВИТЬ Ваню на всяком промахе и беспощадно предавать их обличению и поруганию в кружке (а по мере возможности иногда и в «Искре») – должно быть одной из Ваших главных задач. Одним словом, неуклонно держитесь с Ваней принципа: я хочу с тобой мира и для этого я всеми силами готовлю против тебя войну. В заключение – один практический совет. Ваня по натуре дипломат и буквоед. Он поднял теперь вопрос о переделке конуры и очень вероятно, что под благовидным прикрытием этого «пересмотра конституции» он будет тянуть дело, сочинять тысячи компромиссов и проч. Не давайте же себя поймать на эту удочку. Высмеивайте безжалостно любовь к сочинению уставов. Не в уставах дело, и кто думает, что, исходя из таких-то тактических и организационных идей, можно образцовый устав написать, – тот ровно ничего не понимает и того надо до конца ТРАВИТЬ за это непонимание. Если Ваня воображает, что вот они всесторонне обсудят новый устав, переделают 40 параграфов из 50 и потом «честным пирком да за свадебку», т. е. что потом уже по новому уставу и работа пойдёт новая, – если он (как видно по всему) это воображает, то значит, он только на словах отбросил старые предрассудки, а на деле хранит ещё сотни глупых идей, с коими нужна битва да битва. Нападайте на буквоедство и формалистику и доказывайте, что дело не в уставах, а в том 1) чтобы сойтись во взглядах, ПРОДУМАВ их ДО

КОНЦА и 2) чтобы СПЕТЬСЯ на САМОЙ практической работе. Стоя на этой точке зрения, мы плюем на Вашу (Ванину) игру в уставы и заявляем прямо: кто мы такие, чего хотим и как работаем, Вы знаете и должны узнать не только из литературы, но и из личных свиданий в России и за границей (такие свидания неизбежны в революционном деле). Не хотите идти рука об руку с нами, – так заявляйте прямо, не виляйте, и помните, что мы против всякого виляния будем воевать «по-военному». Не думайте, что Вы прикроете от нас своё виляние пересмотрами уставов и т. п. А хотите идти вместе, так беритесь ТОТЧАС за работу, и тогда Вы увидите, что самая эта работа в связи с общерусской газетой, над ней и на базисе её, сама эта работа покажет, какие нужны новые формы, и покажет, вероятно (даже несомненно), что при настоящем, живом деле эти формы намечаются сами собой без всяких уставов. И когда мы будем сильны, мы будем устраивать четыре раза в год русские и два – заграничные – (или обратно – смотря по обстоятельствам) – свидания и конференции, а всякие уставы будем определять на этих конференциях (проще говоря: всякие уставы пошлем к чёрту).

(Письмо Радченко, 22 июля)

139

Идеал «фабричного кружка» совершенно ясен: четверо-пятеро (буду говорить к примеру) рабочих-революционеров, – ВСЕХ их не должна знать масса. Одного, вероятно,

должна, и его надо беречь от изобличения: про него пусть говорят – свой человек, башка, **ХОТЯ В РЕВОЛЮЦИИ НЕ УЧАСТВУЕТ** (не видать). Один сносится с центром. У обоих по кандидату. Они заводят несколько кружков (профессиональных, образовательных, разнощических, шпионских, вооруженных и т. д. и т. д.), причём, понятно, конспиративность кружка, например, для поимки шпионов или для подыскания вооружения будет совсем не та, что кружка для чтения «Искры» или кружка для чтения легальной литературы и проч. и т. д. Конспиративность будет обратно пропорциональна многочисленности членов кружка и прямо пропорциональна отдалённости целей кружка от **НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ БОРЬБЫ**.

(Письмо Смидовичу, 2 августа)

140

«Слишком легко агенты набирались». – Да, но мы ведь не творим себе «человеческого материала», а берём и не можем не брать, **ЧТО ДАЮТ**. Без этого нам жить нельзя. Едет человек в Россию, – говорит, хочу для «Искры» работать – честный и преданный делу. Ну и едет, конечно, и идёт за «агента», хотя никто из нас **НИКОГДА** сего звания не раздавал. И какие же у нас средства проверять «агентов», руководить ими, ставить на иные места? Да мы сплошь и рядом даже писем добиться не можем, – и **В 9 СЛУЧАЯХ ИЗ 10** (я говорю по опыту) все наши здешние предположения

о будущей деятельности «агента» летят к чёрту НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПО ПЕРЕЕЗДЕ ГРАНИЦЫ, и агент работает, как ему Бог на душу положит. Поверьте, я буквально теряю всякую веру в здешние предположения, маршруты, планы и проч., потому что заранее знаю, что это ни к чему. Нам «приходится» биться как рыбе о лед, ДЕЛАЯ (ЗА НЕИМЕНИЕМ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ) не своё дело. Ведь чтобы назначать агентов, смотреть за ними, ОТВЕЧАТЬ за них, объединять и руководить на ДЕЛЕ, – для этого надо везде бывать, летать, всех видеть на самом деле, на работе. Для этого нужна артель ПРАКТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАТОРОВ И ВОЖАКОВ, а ведь у нас нет их, т. е. есть, конечно, но мало, мало, мало... Ведь в этом всё горе наше. Ведь когда помотришь на нашу практическую бесхозяйственность, – то злишься часто до потери работоспособности, и только одно утешает: значит, жизненное дело, если РАСТЁТ, и явно растёт, НЕСМОТРЯ на весь этот хаос. Значит, перебродит – и хорошее вино будет.

Понимаете ли Вы теперь, почему одно уже замечание искряка: «лёгонькие у „Вас“ агенты-то» – способно нас чуть не до отчаяния довести? Замещайте же скорее сами места «лёгоньких» – хочется нам сказать. Ведь мы говорим, твердим, даже в книжках пишем, что всё горе: «людей масса и ЛЮДЕЙ НЕТ», а нам этим же безлюдьем всё в нос тычут. Выход тут один, выход НАСТОЯТЕЛЬНОЙШЕ необходимый, неотложный в самом буквальном, ни на йоту не пре-

увеличенном смысле слова – ибо время не ждёт и враги растут тоже, и «Освобождение», и социалисты-революционеры, и всякие новые социал-демократические группы, начиная от легкомысленной вертушки «Жизни» и кончая интриганскими-«борцами». Выход этот, чтобы русские искряки, наконец, собрались, НАШЛИ ЛЮДЕЙ и ВЗЯЛИ В СВОИ РУКИ ХОЗЯЙСТВО «ИСКРЫ», ибо поистине: земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. ДОЛЖНЫ найти людей, ибо ЕСТЬ люди, – но надо и беречь же их пуще зеницы ока, не только в прямом смысле от полиции беречь, но и беречь для этого неотложного дела, не давать увлекаться другими, полезными вообще, НЕСВОЕВРЕМЕННЫМИ ЗАДАЧАМИ. Когда мы ВЫНУЖДЕНЫ за полным безлюдьем хвататься и за самое «лёгонькое», – то неудивительно, что мы не можем спокойно смотреть, как другие откладывают наше дело «на потом».

Если бы все ТЕПЕРЕШНИЕ, наличные искряки взяли сразу, не откладывая, за ХОЗЯЙСТВО «ИСКРЫ», за САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ оборудование её переправой, развозкой, материалом и проч., – тогда у нас БЫЛ БЫ УЖЕ ФАКТИЧЕСКИЙ ЦК, ЦК, распоряжающийся de facto «агентами» (ибо распоряжаться агентами должен ЦК, а не редакция) и ЗАВЕДУЮЩИЙ всем практическим делом.

Говорят: если людей нет, то откуда же ЦК взять? А ведь вот находим же мы хоть лёгоньких, а находим. Один веский среди 10 лёгоньких не ведёт, а опыт всё же не пропадает.

ет даром. На работе люди учатся: одни сошли, другие заменяют и РАЗ ДЕЛО НАЧАТО, – другие уже вдесятеро легче ПОТЯНУТСЯ к этому налаженному делу. Образуи мы сейчас ЦК (не формальный) – он завтра будет формальным и будет уже ВЫСАСЫВАТЬ способных людей из каждой местной организации вдесятеро энергичнее, чем теперь. И только это «высасывание из местных организаций» в состоянии привести к такой постановке дела, чтобы эти местные организации ОБСЛУЖИВАЛИСЬ как следует.

Вот почему я и к Семёну Семёнычу²⁵ РЕВНИВ, до чёртиков ревнив, и ко всякому взгляду (даже взгляду) на «стороннюю особу» отношусь с волнением. И не могу относиться иначе, ибо если искряки не скажут: это – МОЁ дело, не скажут этого громко, не возьмутся за это дело цепко, руками и зубами, не начнут ругать остальных за недостаток цепкости, так это значит, что они нас ХОТЯТ оставить «только с лёгонькими», а это было бы началом конца.

(Письмо Носкову, 4 августа)

141

Напишите своё мнение об Эссен. <...> Правда ли, что она нехороший человек, т. е. не только «похождения» любит (это ведь не беда же, само по себе), а именно как человек ненадёжный?

(То же)

²⁵ Конспиративное название «Северного союза РСДРП».

Перейдем к второму пункту – насчёт терпимости. Нужно «взаимное понимание», «полная искренность» и «широкая терпимость» в отношениях разных направлений, – елейно поучает нас г. Струве (подобно многим социалистам-революционерам и представителям публики). Ну, а как быть, спросим мы его, если полная искренность наша покажется вам отсутствием терпимости?

(«Политическая борьба и политиканство», 15 октября)

Попробую пояснить свою мысль примером. Представьте себе, что мы находимся в громадном, тёмном и сыром, густом и полудевственном лесу. Представьте себе, что только истребление этого леса огнём может расчистить дорогу для культурного развития всей занятой лесом или окружённой им местности и что добывание и поддержание огня связано в этом лесу с величайшими трудностями. Надо осушать тот древесный материал, который имеется повсюду в такой массе, но который так трудно загорается и так легко и часто снова гаснет в затхло-сырой атмосфере. Надо собирать вместе тот материал, который может быть воспламенённым. Надо поддерживать огонь (горение), охранять его, ухаживать за каждым вновь вспыхивающим огоньком, давать окрепнуть пламени и систематически, упорно готовить

тот общий пожар, без которого сырой и тёмный лес не перестанет быть лесом. А эта работа очень трудна не только в силу внешних, атмосферических, условий, но также и потому, что очень невелик тот единственный вполне годный для горения материал, который не может перестать гореть ни при каких условиях, который действительно загорелся и горит уже непрерывно огнём, непохожим на те многочисленные блуждающие огоньки, у которых нет внутренней силы и которые так часто и в прошлом загорались лишь для того, чтобы потухнуть после непродолжительного горения. И вот, когда этот основной горючий материал разгорелся уже настолько, что вызвал общее повышение температуры, придав тем силу и яркость и массе других, блуждающих, огоньков, — явились вдруг люди, с апломбом заявляющие: какая это узость верить в устарелую догму об единственном основном, единственно безусловно надёжном горючем материале! Какая шаблонность — рассматривать все остальные огоньки лишь побочными средствами, лишь вспомогательными элементами и считать обязательным непременно и во что бы то ни стало, прежде всего и больше всего держаться за ОДИН только материал! Какая односторонность — вечно готовить, готовить и готовить настоящий общий пожар и позволять этим возмутительным негодяям, верхушкам деревьев, прикрывать и поддерживать сырость и мрак. Надо пускать ракеты, сшибающие верхушки деревьев, опаляющие их, пугающие все темные силы и производящие такую сенсацию, та-

кое возбуждение, ободрение, эксцитацию. И эти люди бойко берутся за дело. С облегчённым вздохом выкидывают они за борт устарелые предрассудки о каком-то там ещё основном горючем материале. Со спокойной душой берут они к себе всех и каждого, не разбираясь во взглядах и мнениях, убеждениях и чаяниях: мы – партия действия, и нам всё равно, если даже некоторые из нас и ухватились за рассуждения, клонящиеся к гашению пожара. Смело призывают они к безразборчивому отношению ко всяким огонькам и к ракетопусканию, отмахиваясь пренебрежительно от уроков прошлого: теперь, дескать, горючего материала гораздо больше, а потому сугубое легкомыслие позволительно!.. Так вот, при всём вреде, который наносят движению подобные люди, можно ли думать, что они простые обманщики? Ничуть во бывало. Они вовсе не обманщики, они только – пиротехники.

(«Основной тезис против эсеров», ноябрь)

144

Хочу выписать «Проблемы идеализма»: видимо, «боевой» сборник господ чепушистов.

(Письмо матери, 17 декабря)

1903 год

(№№ отрывков: 145–168)

145

На открытых собраниях ни один разумный рабочий не станет говорить то, что он думает, – это значило бы прямо отдаваться в руки полиции.

(«Московские зубатовцы в Петербурге», 1 января)

146

Война вышибаловцам и к чёрту всех примирителей, людей с «неуловимыми взглядами» и мямлей!! Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан. Лучше 2–3 энергичных и вполне преданных человека, чем десяток рохлей.

(Письмо Бабушкину, 16 января)

147

Ругая нас, Вы преувеличиваете нашу силу и влияние: мы сговорились здесь об ОК, настояли на его съезде, на приглашении Вас, написали Вам. Больше мы ничего, ровно ничего не могли сделать и ни за что не отвечаем. Корень бед, что Вы не были у ОК, и всё дальнейшее сделано без Вас (как и без нас). Мы не принимали неизвестного члена (это такой-то, рохля и неумный, я его знал лично в Пскове, связанный семьей и местом и отсталый, никуда не год-

ный, из-за него уже ругали Красикова), мы не переносили бюро, мы не давали абсолютно никакой «власти» Красикову. Но когда вышло так, что Красиков оказался единственным (NB NB) подвижным человеком ОК, тогда в результате не могло не быть и власти. Вы пишете: люди есть, а мы их не имеем, не знаем, не видим. Мы изозлились до неврастения из-за полного безлюдья для ОК, для коего нужны подвижные, летающие, свободные и нелегальные люди. Красиков один перешёл на нелегальное, поехал, стал летать, стал всё знать – и само собой взял чин капрала. Мы не мешали, понятно, ибо и не могли мешать и не хотели мешать: нет другого!!! Поймите же это, наконец. Красиков ленив и халатен, но он умён, толков, знает дела, умеет драться, ладить с ним можно. Теперь он застрял в Париже на неизвестное время, и мы ругаемся с ним, гоня его в шею в Россию, ибо иначе ОК есть равно нуль. Скоро едет Гольдман, постараемся ввести его в ОК, он, кажется, энергичен. Бронштейну не хочется уезжать. Паспортов нет, копий нет. Если Красиков передвинется в близкое, живое место, тогда мы ему поможем вернуть себе бюро Оргкомитета по созыву съезда, и всё наладится, авось. Иначе всё пойдет (если пойдет) по воле аллаха, по воле Красикова и по воле Гольдмана, и мы тут бессильны.

(Письмо Кржижановскому, 27 января)

вать с некоторыми людьми без протоколов.

(«По поводу заявления Бунда», 1 февраля)

149

Недавно были первый раз за эту зиму в хорошем концерте и остались очень довольны, – особенно последней симфонией Чайковского (Патетической). Бывают ли у вас в Самаре хорошие концерты? В театре немецком были раз, – хотелось бы в русский Художественный, посмотреть «На дне».

(Письмо матери, 4 февраля)

150

Это старо! – вопите вы. Да. Все партии, имеющие ХОРОШУЮ популярную литературу, распространяют СТАРЬЁ: Гедда и Лафарга, Бебеля, Бракке, Либкнехта и пр. ПО ДЕСЯТИЛЕТИЯМ. Слышите ли: по десятилетиям! И популярная литература ТОЛЬКО ТА И ХОРОША, ТОЛЬКО ТА И ГОДИТСЯ, которая служит ДЕСЯТИЛЕТИЯ. Ибо популярная литература есть ряд УЧЕБНИКОВ ДЛЯ НАРОДА, а учебники излагают азы, не меняющиеся ПО ПОЛУСТОЛЕТИЯМ. Та «популярная» литература, которая вас «пленяет» и которую «Свобода» и с.-р. издают пудами ежемесячно, есть МАКУЛАТУРА И ШАРЛАТАНСТВО. Шарлатаны всегда суеверные и шумят больше, а некоторые наивные люди принимают это за энергию. <...>

Сумели ли вы использовать те СОТНИ <брошюр>, кото-

рые вам ДОСТАВИЛИ, ПРИВЕЗЛИ, В РОТ ПОЛОЖИЛИ? Нет, вы не сумели этого сделать. Вы не сумели даже на этой мелочи связать МАССЫ с социал-демократией. Мы имеем ежемесячно десятки и сотни листов, сообщений, корреспонденций и писем из всех концов России, и у нас не было НИ ОДНОГО (подумайте хорошенько над точным смыслом этих точных слов: «ни одного»!) сообщения о распространении этих сотен в МАССЕ, о впечатлении на МАС-СУ, об отзывах МАССЫ, о беседах в МАССЕ, об ЭТИХ вещах! Вы оставляете нас в таком положении, что писатель подписывает, а читатель (интеллигент) почитывает, – и потом этот же ротозей-читатель мечет гром и молнии против писателя за то, что он (писатель!!!) не дает «десятки пудов» <литературы> везде и повсюду. Человек, вся задача которого СВЯЗАТЬ писателя с массой, сидит как нахохлившийся индюк и вопит: подайте массовой литературы, НЕ УМЕЯ В ТО ЖЕ время использовать и СОТОЙ ДОЛИ того, что есть.

Вы скажете, конечно, что «Искры», например, этого главного нашего продукта, и НЕЛЬЗЯ, вообще нельзя СВЯЗАТЬ с массами. Я знаю, что вы скажете это. Я сотни раз слышал это и всегда отвечал, что это неправда, что это увёртка, отлынивание, неумение и вялость, желание получить прямо в рот жареных рябчиков. Я знаю из фактов, что люди деятельные УМЕЛИ «связывать» «Искру» (эту архиинтеллигентскую, по мнению плохоньких интеллигентов, «Искру»)

с МАССОЙ даже таких отсталых, малоразвитых рабочих, как рабочие подмосковных промышленных губерний. Я знал РАБОЧИХ, которые сами распространяли среди массы (тамошней) «Искру» и говорили только, что её мало. <...>

<Вы требуете популярной газеты.> Разжуйте каждый факт так, чтобы он без переваривания шёл впрок. Так, чтобы НАМ, «деятелям», и желудков вовсе не надо было иметь. Не беда, что по сих пор мир даже не видал такой «популярной» «газеты», ибо газета ОТВЕЧАЕТ на ВСЁ, а популярная литература УЧИТ чему-либо НЕМНОГОМУ. Не беда, что ВСЕ наши образцы такой литературы, начиная от «Рабочей Мысли», продолжая «Вперёдами», «Рабочими Делами», «Красными Знамёнами» и проч., неизбежно и непременно оказывались убожками, и не популярными и не газетами. Не беда, что ВСЕ попытки «рабочих» газет только питали и будут всегда питать нелепое деление интеллигентного и рабочего движения (деление, вызванное скудоумием и безрукостью интеллигентов, которые доходят по того, что С МЕСТА за тридевять земель жалобы шлют на свою собственную безрукость!). Не беда, что ВСЕ попытки «рабочих» газет плодили до сих пор и будут у нас всегда плодить кустарничество и особые, глубокие, казанские и харьковские теории. Не беда всё это. Ведь вот ПЛЕНИТЕЛЬНАЯ «Свобода» и ПЛЕНИТЕЛЬНЫЕ («дух замирает») эсеры издают же – и уф, какую массу! – популярных газет и газет-журналов!! «Народное Дело», «Красное Знамя», «Сво-

бода» – журнал для рабочих, «Отклики» – газета и журнал для рабочих, «Лучина» – для крестьян, «Рабочая Мысль» – женевская газета петербургских рабочих!! Не беда, что всё это – дерьмо, но зато МАССОВОЕ дерьмо.

А у вас всё одна «Искра», скучно ведь! 31 номер, и всё «Искра», тогда как у пленительных людей на два номера одного названия (дерьма) приходится немедленно три номера другого названия (дерьма). Вот это – энергия, вот это весело, вот это ново! А наши-то социал-демократы...

И брошюры-то у «них» всё новые да новые. И каждый оттиск идёт за брошюру, и все это шарлатански выкрикивается, листы подсчитываются (МИЛЛИОН листов: см. № 16 «Революционной России». Рекорд побили! Чемпионы!). А у нас! Оттиски не считаются брошюрами – интеллигентщина, литературщина!! Переиздаются старые, престарые Дикштейны, – тогда как всем девицам в Париже и в Чернигове известно, что ДЕСЯТЬ новых брошюр (дерьма) во сто раз больше значат, чем одна старая, да хорошая. Это ведь только у немцев так, что вот, например, в 1903 году переиздают в ОДИННАДЦАТЫЙ раз «Наши цели» Бебеля, написанные 34 года тому назад!! Это скучно. У нас «пленительные» социалисты-революционеры так и прыщут.

(Письмо Ленгнику, февраль)

коном свободы сходов, свободы печати и амнистии всех «политиков» и всех сектантов. Пока этого не сделано, всякие слова о терпимости, о свободе вероисповедания останутся жалкой игрой и недостойной ложью. Пока не объявлена свобода сходов, слова и печати, — до тех пор не исчезнет позорная русская инквизиция, травящая исповедание неказённой веры, неказённых мнений, неказённых учений. Долой цензуру! Долой полицейскую и жандармскую охрану «господствующей» церкви! За эти требования русский сознательный пролетариат будет биться до последней капли крови.

(«Самодержавие колеблется», 1 марта)

152

Я предлагаю всем членам редакции кооптировать Бронштейна на всех равных правах в члены редакции. (Думаю, что для кооптации нужно не большинство, а ЕДИНОГЛАСНОЕ решение.) Нам ОЧЕНЬ НУЖЕН седьмой член и для удобства голосования (6 — чётное число), и для пополнения сил. Бронштейн пишет уже не один месяц в каждом номере. Вообще работает для «Искры» самым энергичным образом, читает рефераты (пользуясь при этом громадным успехом) etc. По отделу статей и заметок на злобу дня он нам будет не только весьма полезен, но прямо необходим. Человек, несомненно, с недюжинными способностями, убеждённый, энергичный, который пойдёт ещё вперёд. И в области переводов и популярной литературы он сумеет сделать не мало.

<...>

Возможные доводы против: 1) молодость; 2) близкий (МОЖЕТ БЫТЬ) отъезд в Россию; 3) перо (без кавычек²⁶) со следами фельетонного стиля, с чрезмерной вычурностью и т. д.

1) Бронштейн предлагается не на самостоятельный пост, а в коллегия. В ней он и станет опытным. «Чутьё» человека партии, человека фракции, у него несомненно есть, а знания и опыт – дело наживное. Что он занимается и работает, это тоже несомненно. Кооптирование необходимо, чтобы его окончательно привязать и поощрить.

2) Если Бронштейн войдёт в курс всех работ, то, может быть, он и уедет не скоро. Если уедет, то и тогда организационная связь с коллегией, подчинение ей – не минус, а громадный плюс.

3) Недостатки стиля – дефект не важный. Выровняется. Сейчас он принимает «поправки» молча (и не очень-то охотно). В коллегии будут споры, голосования, и «указания» примут более оформленный и настоящий вид. <...>

ОТКЛАДЫВАТЬ кооптацию я считаю КРАЙНЕ НЕУДОБНЫМ и неловким, ибо для меня выяснилась наличность уже ИЗРЯДНОГО недовольства Бронштейна (конечно, не высказываемого прямо) на то, что он всё «на воздухе», что его всё ещё третируют (ему кажется) как «выюношу». Если мы не примем Бронштейна тотчас и он уедет, скажем, че-

²⁶ Один из псевдонимов Л.Бронштейна – «Перо».

рез месяц в Россию, ТО Я УБЕЖДЁН, что он поймёт это как наше ПРЯМОЕ НЕЖЕЛАНИЕ принять его в редакцию. Мы можем «упустить», и это было бы весьма скверно.
(Письмо Плеханову, 2 марта)

К деревенской бедноте

153

Безлошадный крестьянин это – такой, который стал уже совсем неимущим. Это – пролетарий.

154

Чтобы ВСЕМ средним мужикам в богатые пролезть, – для этого надо самих богатых убрать, а убрать их может только союз городских рабочих с деревенской беднотой.

155

Я сейчас расскажу, что такое лотерея. Есть у меня, например, корова, стоит 50 рублей. Я хочу разыграть эту корову в лотерею и предлагаю всем билеты по одному рублю. За один рубль может корова достаться! Народ льстится, целковые так и сыплются. Когда набирается сто рублей, тогда я устраиваю розыгрыш: чей билет вынется, тому корова за один рубль досталась, а остальные ни с чем уходят. «Дёшево» ли народу обошлась эта корова? Нет, очень дорого, потому что заплачено вдвое против цены, потому что два

человека (кто лотерею устраивал и кому корова досталась) нажились без всякого труда и притом нажились на счет девяносто девяти человек, которые потеряли свои деньги. Значит, тот, кто говорит, что лотереи выгодны для народа, просто обманывает народ.

156

Буржуазия распространяет всякую ложь о социал-демократах. Она говорит, что социал-демократы хотят отнять собственность у среднего и мелкого крестьянина. ЭТО ЛОЖЬ. Социал-демократы хотят отнять собственность только у крупных хозяев, ТОЛЬКО У ТОГО, КТО ЖИВЁТ ЧУЖИМ ТРУДОМ. Социал-демократы НИКОГДА НЕ ОТНИМУТ СОБСТВЕННОСТИ У МЕЛКИХ И СРЕДНИХ ХОЗЯЕВ, НЕ НАНИМАЮЩИХ РАБОЧИХ.

157

Русский народ по сию пору находится в крепостной зависимости у чиновников. Без разрешения чиновников народ не смеет ни сходки устроить, ни книжки или газеты напечатать! Разве это не крепостная зависимость?

158

Социал-демократы требуют для народа полной свободы передвижения и промыслов. Что это значит: СВОБОДА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ? Это значит, чтобы крестьянин имел право

идти куда хочет, переселяться куда угодно, выбирать любую деревню или любой город, не спрашивая ни у кого разрешения. Это значит, чтобы и в России были уничтожены паспорта (в других государствах давно уже нет паспортов), чтобы ни один урядник, ни один земский не смел мешать никакому крестьянину селиться и работать, где ему угодно. Русский мужик настолько закрепощён ещё чиновником, что не может свободно перевестись в город, не может свободно уйти на новые земли. Министр распоряжается, чтобы губернаторы не допускали САМОВОЛЬНЫХ переселений! Губернатор лучше мужика знает, куда мужику идти! Мужик – дитя малое, без начальства и двинуться не смеет! Разве это не крепостная зависимость? Разве это не надругательство над народом, когда всякий промотавшийся дворянчик командует взрослыми хозяевами-земледельцами?

159

Социал-демократы требуют, чтобы каждый имел полное право исповедовать какую угодно веру совершенно свободно. Только в России да в Турции из европейских государств остались ещё позорные законы против людей иной, не православной веры, против раскольников, сектантов, евреев. Это законы либо прямо запрещают известную веру, либо запрещают распространять её, либо лишают людей известной веры некоторых прав. Все эти законы – самые несправедливые, самые насильственные, самые позорные. Каждый дол-

жен иметь полную свободу не только держаться какой угодно веры, **НО И РАСПРОСТРАНЯТЬ ЛЮБУЮ ВЕРУ И МЕНЯТЬ ВЕРУ**. Ни один чиновник не должен даже иметь права спрашивать кого ни на есть о вере: это дело совести, и никто тут не смеет вмешиваться.

160

Расплата должна быть всем наёмным рабочим и всегда **ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ** <...> Рабочим очень важно получать плату аккуратно каждую неделю и притом непременно чистыми деньгами, а не товарами. Наниматели очень любят навязывать рабочим в счёт платы всякие дрянные товары втридорога; чтобы прекратить это безобразие, надо безусловно запретить законом выдачу заработной платы товарами.

161

Пока дворянину и купцу позволяют продавать землю, до тех пор и крестьянин должен иметь **ПОЛНОЕ ПРАВО** свою землю продавать и распоряжаться ею **СОВЕРШЕННО СВОБОДНО**, совершенно так же, как дворянин и купец.

Когда рабочий класс победит всю буржуазию, тогда он отнимет землю у крупных хозяев, тогда он устроит на крупных экономиях **ТОВАРИЩЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО**, чтобы землю обрабатывали рабочие вместе, сообща, выбирая свободно доверенных людей в распорядители, имея всякие машины для облегчения труда, работая посменно не больше восьми

(а то и шести) часов в день каждый. Тогда и мелкий крестьянин, который захочет ещё по-старому в одиночку хозяйничать, будет хозяйничать не на рынок, не на продажу первому встречному, а на товарищества рабочих: мелкий крестьянин будет доставлять товариществу рабочих хлеб, мясо, овощи, а рабочие будут без денег давать ему машины, скот, удобрения, одежду и всё, что ему нужно. Тогда не будет борьбы между крупным и мелким хозяином из-за денег, тогда не будет работы по найму, на чужих людей, а все работники будут работать на себя, все улучшения в работе и машины пойдут на пользу самим рабочим, для облегчения их труда, для улучшения их жизни.

162

А последний наш шаг и в городе и в деревне один будет: ОТБЕРЁМ ВСЕ ЗЕМЛИ, ВСЕ ФАБРИКИ У ПОМЕЩИКОВ И У БУРЖУАЗИИ И УСТРОИМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. Между первым и последним шагом нам ещё немало борьбы пережить придётся, И КТО СМЕШИВАЕТ ПЕРВЫЙ ШАГ С ПОСЛЕДНИМ, ТОТ ВРЕДИТ ЭТОЙ БОРЬБЕ, ТОТ, САМ ТОГО НЕ ВЕДАЯ, ЗАСОРЯЕТ ГЛАЗА ДЕРЕВЕНСКОЙ БЕДНОТЕ. <...> Вот почему социал-демократы не сулят крестьянину СРАЗУ молочных рек и кисельных берегов.

163

Требование учредить крестьянские комитеты для ограничения кабалы и для возвращения отрезков не есть загородка. Оно есть ДВЕРЬ. В эту дверь прежде всего надо выйти ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ИДТИ ДАЛЬШЕ, для того, чтобы по открытой, по широкой дороге идти ДО САМОГО КОНЦА, до полного освобождения всего трудящегося рабочего народа на Руси. Пока крестьянство из этой двери не вышло, оно остаётся в темноте, в кабале, без полных прав, без полной, настоящей свободы, оно не может даже между себя окончательно разобрать, кто друг рабочего человека и кто его враг. Поэтому социал-демократы указывают на эту дверь и говорят, что прежде всего всем миром, всем народом на эту дверь напирать надо и ВЫЛОМАТЬ ЕЁ ДОЧИСТА.

(март)

164

Мои рассуждения, изволите видеть, «лишний раз подтвердили (для г. Струве) широкое распространение в нашей заграничной литературе подлинной революционной фразы²⁷ и притом ещё злобно-тенденциозной (этот непривлекательный литературный стиль особенно процветает на страницах „Искры“ и „Зари“»)». Ну, что касается до злобной тенден-

²⁷ В данном контексте – «фразёрства».

циозности, то нам об этом трудно спорить с г. Струве: для него попрёком кажется то, что нам кажется комплиментом. Тенденциозностью называют либералы и многие радикалы непреклонную твёрдость убеждений, а резкую критику ошибочных взглядов они называют «злобой».

(«Г-н Струве, избличённый своим сотрудником»)

165

Надо всем и каждому втолковывать до чёртиков, до полного «внедрения в башку», что с Бундом надо готовить войну, если хотите с ним мира. Война на съезде, война вплоть до раскола – во что бы то ни стало. Только тогда он сдастся несомненно. А принять нелепую фракцию мы абсолютно не можем и не примем никогда.

(Письмо Кржижановскому, 3 апреля)

166

Формально, по-моему, с Бундом надо быть корректным и лояльным (в зубы прямо не бить), но в то же время архихолодным, застёгнутым на все пуговицы и на законной почве припирять его неумолимо и ежечасно, идя до конца без боязни. Пусть уходят, коли хотят, – но мы не должны дать им в руки ни малейшего повода, ни тени повода к разрыву. Формальности до съезда соблюсти, конечно, надо, но открывать карт незачем.

(Письмо Александровой, май)

Вы добиваетесь, если я не ошибаюсь, «единовластия и твёрдой руки». Дело доброе, и Вы тысячу раз правы, что нам именно это нужно. Но так прямолинейно, как Вам кажется, этого никто не добьётся. Для 9/10 текущих дел два центра безусловно необходимы, они образуются тотчас сами, даже если бы мы этого не хотели. Для порядка же надо добиваться 1) формального пути для объединения этих двух центров (например, комиссия с делегатами от них обоих), 2) сокращения числа членов в обоих центрах, или выделения исполнительных комиссий внутри обоих центров и – самое важное – 3) строгого и **ФОРМАЛЬНОГО** распределения функций между отдельными членами центров, так чтобы весь состав обоих центров знал точно, кому из членов что поручено ведать, кто из членов (обоих центров) вправе РЕШАТЬ (и даже говорить) по каждой области вопросов и каков путь перенесения дела в полное собрание одного или обоих центров.

(То же)

Мы признаём ПРАВО даже иезуитов вести свободную агитацию.

(«Национальный вопрос в нашей программе», 15 июля)

3. Грызня (08.1903 – 08.1905)

От автора

Летом 1903 года состоялся II (а фактически учредительный) съезд РСДРП. Сначала он проходил в Брюсселе, а затем в Лондоне.

Партийная жизнь русской социал-демократии строилась до революции на демократических принципах, но это была демократия воровского общака. Голосования и выборы перемежались убийствами стукачей, а партийные законы носили характер неоформленных и произвольно трансформируемых «понятий». На второй съезд не допустили ряд крупных социал-демократических организаций, а некоторые допущенные организации были фиктивными (в том числе организация Бронштейна-Троцкого). Подобные решения объяснялись вполне по-советски: «нецелесообразно», «сочли необходимым», «ввиду неконструктивного поведения». В свете подобного администрирования неудивительно, что учредительный съезд учредил то, что и должен был учредить: перманентную эмигрантскую «воронью слободку».

«Идеологические споры» социал-демократии велись

не учёными или философами, а профессиональными демагогами. Единственной целью подобных дискуссий являлась примитивная борьба за власть. Поэтому не следует придавать большое значение всевозможным ярлыкам. «Меньшевики», «большевики», «ликвидаторы», «отзовисты», «ультиматисты», «экономисты», «примиренцы» и т. д. – это всего лишь ничего не обозначающие штампы. А вот «ленинцы», «плехановцы» или «цедербаумовцы» – это названия реальных эмигрантских группировок или, точнее, «семей», ведущих между собой ожесточённую борьбу за денежные источники, контроль над печатными органами и (позднее) над профсоюзными организациями. Только в отличие от простых уголовников эта борьба велась не физическим насилием, а методами психологического давления и словесных упражнений на ниве марксистской схоластики. Оружие социал-демократов во внутренних спорах – не бомбы и револьверы, а клевета, лесть, сплетни, подножки, марксистско-образное шарлатанство и участие во всякого рода подтасованных и грязных «выборах».

Формально на II съезде велись схоластические словопренения о пунктах устава и программы. Реальный же сценарий преследовал цели вполне конкретные: искровское большинство подминает «Бунд» и сохранившие независимость русские социал-демократические группы. Далее к возникшему монстру просто по закону тяготения автоматически прилипают антиискровские оппозиционеры. В России появ-

ляется крупная социал-демократическая партия. Во главе РСДРП номинально стоят эмигрантские патриархи: Плеханов и Аксельрод, осуществляющие международное представительство. Внутри партии первую скрипку играют «молодые» – Ленин и Цедербаум.

Возможно, и даже наверняка такой сценарий осуществился бы, если бы не борьба за лидерство между Плехановым и Аксельродом и не диктаторские замашки Ленина. Плеханов решил отстранить Аксельрода от власти руками нахрапистого и ловкого интригана Ленина. План вполне удался, однако исполнитель воли Плеханова действовал слишком прямолинейно и восстановил против себя «партийную общественность». Кроме того, сам Плеханов вообще не планировал передавать текущее управление ленинской группировке. Его целью (из-за отсутствия политического опыта заведомо неосуществимой) было балансирование между большевиками-ленинцами и меньшевиками-цедербаумовцами.

Второй съезд «Заграничной лиги русских социал-демократов» (в отличие от во многом фиктивной РСДРП, объединявшей реальные социал-демократические группы) стал реваншем Цедербаума и Аксельрода. Преобладание меньшевиков на съезде лиги было незначительно, но на стороне меньшевиков находились все крупные величины. Кроме того, Ленин, столкнувшись с организованным отпором, потерял лицо и вошёл в умоисступление. В этой ситуации Плеханов

предпочёл умыть руки и хладнокровно «сдал» своего тем-перamentного союзника. С точки зрения политической, это было грубой ошибкой. Ренегатства Плеханову не простили ни меньшевики, ни большевики, и он до конца своей карьеры мог всерьёз опираться только на микроскопическую группу родственников. Отличаясь лично высокомерием, Плеханов был скорее эмигрантом-вольнодумцем, человеком со связями, но не партийным лидером.

Однако в тот период в изоляции оказался Ленин. В партийных верхах было решено уничтожить зарвавшегося выскочку. Формально Ленин входил в ЦК партии, но в цекисты кооптировались меньшевики, цекисты-большевики стали колебаться. Аксельрод, мастер формулировок, опубликовал в «Искре» две антиленинские статьи, где бросил обвинения в «мелкобуржуазном уклоне», «чуждости рабочему движению» и тому подобных антиреволюционных грехах. Кажется, что карьера честолобивого манипулятора, не признающего никаких авторитетов, окончена. Остаётся только отозвать его представительство в Совете партии (что при антиленинском большинстве в ЦК делается автоматически). Ленин отстранён от денежных источников, у него самого никаких денег нет. Общественное мнение через контролируемые печатные органы настроено негативно. Такие уважаемые люди, как Аксельрод, Цедербаум, Засулич, считают его буржуазным подонком, которому не место в рядах революционной партии.

И тут начинаются чудеса. Внезапно членами ленинской фракции оказывается ряд влиятельных людей, большинство из которых имеет весьма отдалённое отношение к марксизму (вплоть до гражданской жены Горького артистки Андреевой-Юрковской). Ленин пишет неслыханную по наглости работу «Шаг вперёд, два шага назад», где механически переносит все аксельродовские обвинения на самих меньшевиков. Взамен утраченному влиянию в ЦК создаётся отдельный руководящий орган большевиков: «Бюро комитетов большинства» (БКБ). У Ленина появляется собственный печатный орган («Вперёд») и даже издательство.

Ленина к этому времени почти полностью выдавливают из ЦК. Однако «не было бы счастья, да несчастье помогло» – в феврале 1905 года в России арестовывается ВЕСЬ ЦК РСДРП, за исключением двух человек – последовательного лениниста Красина и полулениниста Любимова. Двойка сливается в БКБ и образует Организационный комитет по подготовке III съезда партии. Проблема ЦК решена одним ударом: нет людей – нет проблем. Съезд называют ленинским съездом, он проходит в Лондоне в апреле-мае 1905 года, в нём участвуют только сторонники Ленина.

Почему Ленину удалось выкарабкаться из, казалось бы, безнадежной ситуации 1903–1904 годов и прийти к организационному триумфу образцово-показательного «ленинского съезда» – хороший вопрос для историка большевистской партии. У автора этих строк есть на сей счёт некоторые

соображения.

Ленин-политик окончательно сформировался именно в это время. Что касается «большевизма» как определённого политического течения, то к 1905 году он даже не проклёвывался. Раскол между меньшевиками и большевиками объяснялся внутрипартийными дразгами. Либеральная легенда о тоталитарных большевиках и демократических меньшевиках не выдерживает критики и ничем не отличается от такой же легенды о добрых ленинцах и злых сталинистах. Меньшевик Дейч начал свою карьеру с того, что проломил своему товарищу голову ломом и облил лицо серной кислотой, за что отбыл 13 лет каторги. Молодая Засулич тяжёло ранила петербургского градоначальника Трепова. Во время первой революции и большевики, и меньшевики рука об руку участвовали в террористической деятельности, при этом не забывая обвинять друг друга в нерешительности и мягкотелости. И для тех, и для других худшим обвинением был упрек в недостаточной революционности и «ревиизионизме».

И всё-таки если рассматривать ЛИЧНОСТЬ Ленина, то уже в этот период у него было принципиальное отличие от прочих социал-демократов, а равно социалистов-революционеров, анархистов да и самих большевиков «первого призыва». Это последовательная беспринципность, хамство, цинизм и какое-то скоморошество мастера-ломастера, безногого фронтовика, ночного кошмара вороньей сло-

бодки русской политической эмиграции. Все остальные «революционеры» более или менее заблуждались на свой счёт, считая себя писателями, философами, экономистами, народными трибунами – кем угодно, но только не политическими проходимцами, решившими насильственным, воровским путём захватить власть.

В этом смысле показательно жеманное письмо Виктора Чернова. Лидер эсеров в своей политической практике шёл по стопам Ленина: немецкие деньги, Циммервальд, plombированный вагон, ненависть к русской государственности, клевета, обман. Но на фоне всего этого у него сохранялись романтические заблуждения на свой счёт. Поэтому, когда в 1918 году Ленин разогнал Учредительное собрание, Чернов написал ему «трагическое письмо» на 20 страницах, преисполненное моральным негодованием в стиле «вы гадкий», «я не подам вам руки», «вы предали идеалы».

Ленин окончательно избавился от детских пелёнок «идеалов» в партийной грызне начала века. Помогло этому предательство Плеханова, хорошо спланированное, но по сути детское и бессмысленное. Ленин в этой ситуации ошибся в исполнении, повлекшем личный разрыв с оскорблёнными соратниками, но не в самом замысле. По уму и расчётливости он значительно опережал полуобразованных товарищей и это знал. Наконец, механическая переадресация упрёков в мелкобуржуазности Аксельроду научила Ленина считать любые идеологические разногласия, лишь дополни-

тельными аргументами в борьбе за власть. Н. Вольский («Валентинов»), оставивший ценные воспоминания, передаёт характерные слова Ленина:

«Есть детская игра – кубики. На каждой стороне их представлена часть какой-нибудь вещи – дома, дерева, моста, цветка, человека. Когда вы всячески повёртываете их, прикладываете одну к другой – получается осмысленная картинка. Совершенно такой же результат получается при разборе „кубиков“ меньшевиков. Если их правильно собрать, то получится, что в нашей партии действительно есть чуждый пролетариату буржуазный элемент. Здесь Аксельрод прав. Только это не я, а он сам».

Этими марксистскими кубиками на ходу выдуманных бессмысленных «аргументов» Ленин с 1904 года швырялся в своих оппонентов всю жизнь.

1903 год

(№№ отрывков: 169–186)

169

Все мы знаем теперь, что «экономисты» согнули палку в одну сторону. Для выпрямления палки необходимо было согнуть палку в другую сторону, и я это сделал. Я уверен, что русская социал-демократия всегда будет с энергией выпрямлять палку, изгибаемую всяческим оппортунизмом, и что наша палка будет всегда поэтому наиболее прямой и наиболее годной к действию.

(Речь по вопросу о программе партии на II съезде РСДРП, 4 августа)

170

Нельзя в вопросе о создании политической партии ссылаться на моральные соображения.

(Выступление при обсуждении устава партии на II съезде РСДРП, 15 августа)

171

Рассматривая поведение цедербаумовцев²⁸ после съезда, их отказ от сотрудничества (О КОЕМ РЕДАКЦИЯ ЦО

²⁸ Т.е. «меньшевиков».

ИХ ОФИЦИАЛЬНО ПРОСИЛА), их ОТКАЗ от работы на ЦК, их пропаганду бойкота, – я могу только сказать, что это безумная, недостойная членов партии попытка разорвать партию... из-за чего? ТОЛЬКО из-за недовольства составом центров, ибо ОБЪЕКТИВНО ТОЛЬКО на этом мы разошлись, а субъективные оценки (вроде обиды, оскорбления, вышибания, отстранения, пятнания etc. etc.) ЕСТЬ ПЛОД ОБИЖЕННОГО САМОЛЮБИЯ И БОЛЬНОЙ ФАНТАЗИИ.

Эта больная фантазия и обиженное самолюбие приводят прямо к позорнейшим СПЛЕТНЯМ, когда, НЕ ЗНАЯ И НЕ ВИДЯ ЕЩЁ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВЫХ ЦЕНТРОВ, распространяются слухи об их «недееспособности», об «ежовых рукавицах» Ивана Ивановича, о «кулаке» Ивана Никифоровича и т. д.

(«Рассказ о втором съезде», сентябрь)

172

Я глубоко убеждён, что нельзя понять происшедшего с точки зрения «влияния страшного нервного переутомления». Нервное переутомление могло лишь вызвать острое озлобление, бешенство и безрассудное отношение к результатам, но самые-то результаты совершенно неизбежны, и наступление их давно было лишь вопросом времени. «Шпана» и «преторианцы» – говорите Вы. Это не так. <...> вывести оскорбление, обиды, раскол партии! Это безумие. Сочиня-

ют, что «преторианцы» вышибали за клеветническое обвинение в оппортунизме, что пятнали и устранили деловых людей etc. Пустое всё это, плод обиженной фантазии, ничего больше. Никого, абсолютно никого не «пятнали» и не устранили от работы, от участия в деле. Устранили только кое-кого от ЦЕНТРА – за это обижаться? за это рвать партию? из-за этого конструировать теорию гиперцентрализма? из-за этого кричать о ежовых рукавицах etc.? Никогда и ни на минуту не сомневался и не могу усомниться в том, что тройка редакторов есть ЕДИНСТВЕННАЯ истинно-деловая тройка, ничего не разбивающая, а приспособляющая старую «семейную» коллегия к роли ДОЛЖНОСТНОГО лица. Именно семейность шестёрки терзала нас все 3 года, ВЫ-ТО ЭТО ОТЛИЧНО ЗНАЕТЕ, и с того момента, как «Искра» стала партией и партия стала «Искрой», мы ДОЛЖНЫ были, ОБЯЗАНЫ были порвать с шестёркой, порвать с семейностью.

(Письмо Калмыковой, 7 сентября)

173

Надо выступать вам формально, и насчёт цедербаумцев надо готовиться к решительной войне, надо добиться во что бы то ни стало, чтобы их попытка сунуться в комитеты сразу вызвала решительный отпор. Надо смотреть в оба за этим и готовить все комитеты. Цедербаумцы всё ведут и РАСШИРЯЮТ бойкот, озлоблены они чертовски, сфантазировали себе кучу обид и оскорблений, воображают, что

спасают партию от тиранов, кричат об этом направо и налево, мутят людей. Их смута отняла уже у нас (не знаю, надолго ли, но, МОЖЕТ БЫТЬ, и НАВСЕГДА) два наших крупнейших источника денег. Направьте все отчаяннейшие усилия на добычу денег – это главное.

(Письмо Кржижановскому, сентябрь)

174

И вот я спрашиваю себя: из-за чего же, в самом деле, мы разойдёмся так на всю жизнь врагами? Я перебираю все события и впечатления съезда, я сознаю, что часто поступал и действовал в страшном раздражении, «бешено», я охотно готов признать ПРЕД КЕМ УГОДНО ЭТУ СВОЮ ВИНУ, – если следует назвать виной то, что естественно вызвано было атмосферой, реакцией, репликой, борьбой etc. Но, смотря без всякого бешенства теперь на достигнутые результаты, на осуществлённое посредством бешеной борьбы, я решительно не могу видеть в результатах ничего, ровно ничего вредного для партии и абсолютно ничего обидного или оскорбительного для меньшинства. <...>

Если большинство искряков и в организации «Искры» и на съезде нашло ошибочным специальный оттенок цедербаумовской линии в организационном и политическом отношении, неужели не безумна, в самом деле, попытка объяснить это каким-то «подстраиванием», да «натравливанием» и т. п.?? Неужели не безумно было бы отговориться от этого

факта, ОБРУГАВШИ это большинство «шпаной»??

(Письмо Потресову, 13 сентября)

175

Базис стал ИНОЙ, это свершившийся факт; а они всё ещё руководятся больше всего тем, как оскорбительно то-то и то-то на съезде вышло, до чего бешено держал себя Ленин etc. Было дело, слов нет, и я прямо признал своё «бешенство» в письме к Потресову. Но в том-то и суть, что достигнуты «бешеной» борьбой результаты НИЧУТЬ НЕ БЕШЕНЫЕ, а та сторона воюет и воюет из-за бешенства против самих результатов, против неизбежных и необходимых результатов. <...> Вы знаете, до чего доводила впечатлительность и «личное» (вместо политического) отношение к делу Цедербаума + Потресова + Засулич, когда они, например, совсем было «засудили» человека ПОЛИТИЧЕСКИ за историю чисто личного свойства. Вы тогда, не обинуясь, встали на сторону «живодёров и извергов». А ведь это случай совсем, совсем типичный. Ведь и теперь – корень тот же, то же смешение личного и политического, то же заподозривание нас в желании ЗАПЯТНАТЬ лично, хотя мы только отодвигаем (и передвигаем) политически. И когда Вы мне напоминаете: вина ДОЛЖНА быть и у Вас, – я отвечаю: личной не думаю и отрицать, но корректива ПОЛИТИЧЕСКОГО требовать за сие не доводится. Именно в том и безвыходность, полная безвыходность положения, что за сумму личных обид, личных

недовольств составом центров они требуют корректива политического. Всё что хотите, но только не это! <...>

Знаете Вы, как мы тогда взяли верх? НАС было МЕНЬШИНСТВО, а взяли мы упорством, угрозой вынесения «на всех». Вот они и думают: мы теперь так же. Беда только, что ТЕПЕРЬ не есть ТОГДА. Теперь формально базис НЕУСТРАНИМ. Не будь этого формального базиса, отчего бы и не шесть, ежели уже люди дошли до белого каления? Маялись 3 года, помаемся ещё 3; решали не голосами, а упорством, – будемте и теперь упорством решать. Но этого ТЕПЕРЬ нельзя – в том-то и суть.

(Письмо Калмыковой, 30 сентября)

176

Товарищи! Я ушёл вчера (28 октября) с заседания съезда, потому что слишком омерзительно было присутствовать при том расковыривании грязных сплетен, слухов, частных разговоров, которое предпринял Цедербаум и проделал с истерическими взвизгиваниями, при ликовании всех и всяческих любителей скандала. Точно в насмешку над самим собой тот же Цедербаум третьего дня красноречиво говорил о непристойности таких ссылок на частные разговоры, которые не могут быть проверены, которые провоцируют вопрос, кто из собеседников СОЛГАЛ. Буквально эту именно непристойность и показал нам Цедербаум, истерически допрашивавший вчера меня, КТО СОЛГАЛ, я или он, при изложении

пресловутого частного разговора о пресловутой тройке²⁹.

Этот приём вызывать на скандал такой постановкой вопроса: КТО СОЛГАЛ? достоин только либо бретёра, ищущего дешёвого случая к драке, либо истерически взвинченно-го человека, неспособного взвесить бессмысленности своего поведения. Со стороны политического деятеля, которого обвиняют в определённых политических ошибках, употребление подобного приема безошибочно свидетельствует об отсутствии иных средств защиты, о жалком перенесении политического разногласия в область дразг и сплетен.

Спрашивается теперь, какие средства защиты могут быть вообще употреблены против этого приема всех бретёров и скандалистов выдвигать НЕДОКАЗУЕМЫЕ обвинения на основании частных разговоров? Я говорю «недоказуемые» обвинения, ибо незапротоколированные частные беседы исключают, по самой своей сущности, ВСЯКУЮ возможность доказательств, и обвинения на основании их ведут к простым повторениям и склонениям слова «ложь». Цедербаум вчера дошёл в искусстве таких повторений до настоящей виртуозности, и я следовать его примеру не буду.

Я указал уже в своём вчерашнем заявлении ОДИН прием защиты и я настаиваю категорически на нём. Я предлагаю своему противнику издать немедленно отдельной брошюрой все его обвинения против меня, которые он бросал в своей речи в виде бесконечных и бесчисленных тёмных намё-

²⁹ Т.е. о сокращении числа членов ЦО с 6 членов до 3-х.

ков на ложь, интриганство и проч. и проч. Я ТРЕБУЮ, чтобы мой противник выступил именно перед ВСЕЙ партией за своей подписью, потому что он набрасывал тень на меня, как на члена редакции ЦО партии, потому что он говорил о невозможности для кое-каких лиц занимать ответственные места в партии. Я обязуюсь опубликовать ВСЕ обвинения моего противника, ибо именно открытое переворачивание дрызг и сплетен будет, я прекрасно знаю это, лучшей защитой моей перед партией. Я повторяю, что, уклоняясь от моего вызова, противник докажет этим, что его обвинения состоят из одних тёмных инсинуаций, порождаемых либо клеветничеством негодяя, либо истерической невменяемостью поскользнувшегося политика.

(«Неподанное заявление второму съезду Заграничной лиги РСДРП», 29 октября)

177

Дорогой друг! Ты не можешь представить себе, какие вещи тут произошли, – это просто чёрт знает что такое, и я заклинаю тебя сделать всё, всё возможное и невозможное, ЧТОБЫ ПРИЕХАТЬ ВМЕСТЕ С НОСКОВЫМ, ЗАРУЧИВШИСЬ ГОЛОСАМИ ОСТАЛЬНЫХ. Ты знаешь, я уже довольно опытен в партийных делах, и я категорически заявляю, что всякая отсрочка, малейшее промедление и колебание грозит гибелью партии. Вероятно, тебе расскажут подробно о всём. Суть – та, что Плеханов внезапно повернул,

после скандалов на съезде Лиги, и подвел этим меня, Ленгника и всех нас отчаянно, позорно. Теперь он пошёл, без нас, торговаться с цедербаумцами, которые, видя, что он испугался раскола, требуют вдвое и вчетверо, требуют не только шестёрки, но и приёма своих в ЦК (не говорят ещё, скольких и кого) и двух своих в Совет и дезавуирования действий ЦК в Лиге (действий, совершённых целиком с согласия Плеханова). Плеханов жалко струсил раскола и борьбы! Положение отчаянное, враги ликуют и обнаглели, наши все в бешенстве. Плеханов грозит бросить всё немедленно и способен сделать это.

(Письмо Кржижановскому, 4 ноября)

178

От себя скажу, что я из редакции уйду и могу остаться лишь в Центральном Комитете. Я пойду НА ВСЁ и опубликую брошюру о борьбе истерических скандалистов или забракованных министров.

(Письмо в ЦК РСДРП)

179

Плеханов изменил нам, ожесточение в нашем лагере страшное; все возмущены, что из-за скандалов в Лиге Плеханов позволил переделать решения партийного съезда. Я вышел из редакции окончательно. «Искра» может остановиться. Кризис полный и страшный. Имей в виду, что я теперь

борюсь не за редакцию ЦО, я вполне мирюсь с тем, чтобы Плеханов составил 5-ку без меня. Но я борюсь за ЦК, который cedarbaumовцы, обнаглев после трусливой измены Плеханова, тоже хотят захватить, требуя кооптации туда своих и не говоря даже, в каком числе!! Борьба за редакцию ЦО проиграна безвозвратно в силу измены Плеханова. Единственный шанс мира: попытаться отдать им редакцию ЦО и отстоять за собой ЦК. – Это очень не легко (может быть даже и это уже поздно), но надо попытаться. Необходим здесь именно Кржижановский и лучше всего ещё ДВОЕ русских³⁰ из ЦК, самых внушительных (не дам) (например, Носков и Гусаров). Плеханов грозит уходом, если ЦК не уступит: ради Бога, не верьте его угрозам; его надо дожать, пугнуть. Надо, чтобы Россия восстала твёрдо за ЦК, успокоившись передачей редакции ЦО. Здесь необходимы новые люди из ЦК, ибо иначе абсолютно некому вести переговоры с cedarbaumовцами.

(Письмо Кржижановскому)

180

И теперь – в награду за скандал, в награду за отрезание Потресовым одного крупного денежного источника – взять их в редакцию! Они боролись за «принципиальные разногласия», – так выразительно превратившиеся в письме Потресова к Плеханову в подсчёт, сколько местечек им надоб-

³⁰ Т.е. «не эмигрантов».

но. И мы должны узаконить эту борьбу за местечки, заключить сделку с этой партией забракованных генералов или министров (*greve generale des generaux*³¹, как говорил Плеханов) или с партией истерических скандалистов!! К чему тогда партийные съезды, если дела вершатся заграничным кумовством, истерикой и скандалами??

(Письмо Мандельштаму, 10 ноября)

181

Истерические вопли только прикрывают жалкую неспособность понять, что в редакции должны быть исключительно настоящие, а не фиктивные редакторы, что это должна быть деловая, а не обывательская коллегия, что в ней КАЖДЫЙ должен иметь по КАЖДОМУ вопросу СВОЁ мнение (чего никогда не бывало с тройкой невыбранных). Цедербаум ОДОБРИЛ мой план двух троек, а когда увидел, что он обернулся В ОДНОМ вопросе против него, Цедербаума, тогда он впал в истерику и завопил об интриганстве! Недаром Плеханов назвал его в кулуарах съезда Лиги «жалким человеком»! Да... поганая заграничная склока, вот что осилило решение большинства русских работников.

(То же)

182

Света, побольше света! Нам нужен громадный концерт;

³¹ «Всеобщая стачка генералов».

нам нужно выработать себе опыт, чтобы правильно распределить в нём роли, чтобы одному дать сентиментальную скрипку, другому свирепый контрабас, третьему вручить дирижёрскую палочку.

(Письмо в редакцию «Искры»)

183

Ясно, что пятёрка в ЦО хочет затравить и Ленина (вплоть до клеветы о выкидывания из партии им южнорабоченцев, вплоть до подлых намёков на Швейцера³²), и ЦК, и всё большинство. Плеханов прямо говорит, что пятёрке ЦО не страшен никакой Центральный Комитет. Атака на ЦК идёт и здесь, и в России (письмо из СПб о поездке Розанова). Вопрос поставлен ребром. Если упустить время и лозунг для борьбы, то неизбежно ПОЛНОЕ поражение, во-первых, вследствие отчаянной борьбы пятерки в «Искре», во-вторых, вследствие провалов наших людей в России. СПАСЕНИЕ ОДНО – СЪЕЗД. ЛОЗУНГ ЕГО: БОРЬБА С ДЕЗОРГАНИЗАТОРАМИ. Только на этом лозунге можно поймать цедербаумцев, привлечь широкую массу и спасти позицию. По-моему, единственно возможный план такой: о СЪЕЗДЕ ПОКА никому ни слова, тайна полная. Двинуть ВСЕ силы, ВСЕ И ВСЯ, В КОМИТЕТЫ И В ОБЪЕЗДЫ. Бороться за мир, за прекращение дезорганизации, за подчинение Центральному Комитету. Укрепить своими людьми

³² Немецкий социал-демократический лидер с диктаторскими замашками.

комитеты из всех сил. Ловить цедербаумцев и южнорабоченцев на дезорганизации из всех сил, с документами, с резолюциями против дезорганизаторов, резолюции комитетов должны лететь в Центральный Орган. Затем просовывать людей в шаткие комитеты. Завоевание комитетов во имя лозунга: против дезорганизации – такова ГЛАВНЕЙШАЯ задача. СЪЕЗД НЕОБХОДИМ НЕ ПОЗЖЕ ЯНВАРЯ, поэтому примитесь энергичнее, мы тоже двинем все силы. ЦЕЛЬ СЪЕЗДА: УКРЕПИТЬ ЦК и Совет, а может быть, и ЦО путём либо тройки (в случае буде удастся вырвать Плеханова, что мало вероятно), либо шестёрки, КУДА Я ВОЙДУ при почётном для нас мире. Худшее: ИХ ЦО, НАШИ ЦК И СОВЕТ. Повторяю: или ПОЛНОЕ поражение (нас затравит ЦО), или НЕМЕДЛЕННАЯ ПОДГОТОВКА СЪЕЗДА. ПОДГОТОВИТЬ ЕГО НАДО СНАЧАЛА ТАЙНО в течение максимум одного месяца, ЗАТЕМ В ТРИ НЕДЕЛИ СОБРАТЬ ТРЕБОВАНИЯ ½ КОМИТЕТОВ И СОЗВАТЬ СЪЕЗД.

(Письмо в ЦК РСДРП, 10 декабря)

184

Что меня особенно возмущает в той позиции, которую заняла теперь «цедербаумовская» «Искра», так это ВНУТРЕННЯЯ ФАЛЬШЬ И ЛОЖЬ, попытки обойти суть дела, попытки эскамотировать³³ партийное общественное мне-

³³ Т.е. «узурпировать».

ние и решение, попытки ПОДМЕНИТЬ понятия и факты. И только незнанием дела я склонен объяснять проявляемые некоторыми товарищами тупость и безразличие, нечувствительность к этой лжи. Против незнания надо бороться разъяснением, и я ни в каком случае не откажусь от своего намерения разъяснить всё дело архиподробно (в случае надобности со ВСЕМИ документами) в особой брошюре, за которую и возьмусь, как только выйдут протоколы съездов партии и Лиги, т. е. очень скоро.

Основная ПЕРЕДЕРЖКА, посредством которой НАДУВАЮТ партию цедербаумовцы (обманывая, может быть и даже вероятно, самих себя прежде всего в силу своей истеричности), это, во-первых, ПОДМЕН действительных источников и причин расхождения между искровцами. Это, во-вторых, ПОДМЕН понятий о кружковщине и дезорганизации, о сектантстве и о партийности.

Первый подмен состоит в том, что «принципиальным» разногласием выставляется та, в сущности, ПЕРЕБРАНКА, которой обменивались обе стороны после съезда во время борьбы центров с оппозицией. Перебранка состояла в том, что оппозиция называла большинство самодержцами, формалистами, бюрократами etc., а большинство называло оппозицию ИСТЕРИЧЕСКИМИ ПРОЛАЗАМИ, партией забракованных министров или истерических скандалистов (см. съезд Лиги). И вот теперь ОДНА сторона этих обоюдных «комплиментов» выносится в ЦО как ПРИНЦИПИ-

АЛЬНОЕ разногласие! Разве это не гнусность?

На самом деле причина расхождения лежала именно в **ПОВОРОТЕ ЦЕДЕРБАУМОВЦЕВ К БОЛОТУ**. Поворот этот ясно выразился на съезде на параграфе 1 устава и на группировке при выборах в центры. Это разногласие, в известной своей части несомненно **ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ**, обходится и замалчивается.

Второй подмен состоит в том, что, **ДЕЗОРГАНИЗУЯ** всю партию и всю работу в течение **ТРЁХ МЕСЯЦЕВ** ради интересов **КРУЖКА**, ради пролезания в центры (ибо никто не стеснял полемику по существу и свободу выражения мнений, напротив, цедербаумовцев приглашали и просили писать), цедербаумовцы теперь, пролезши с заднего крыльца в редакцию, подменивают это смехотворным обвинением большинства в дезорганизующем формализме, бюрократизме и проч., **ЗАМАЛЧИВАЯ** свой бойкот, своё пролазничество etc.. Разве это не гнусность? Одно из двух: или **ПРЕДАТЬ ЗАБВЕНИЮ** всю «дрязгу» и тогда не говорить **СОВСЕМ** о ней, не пускать в **ЦО** и **ОТРЫЖКИ ДРЯЗГИ**, ибо крики о бюрократизме есть именно **ОТРЫЖКА** дрянненького пролазничества. Или поднять вопрос о расхождении — и тогда уже **РАСКРЫТЬ ВСЁ**.

(«Заметка о позиции новой „Искры“», декабрь)

да! Я ещё понимаю, когда их дают семейные, родственники, но писать ту же ахинею из Центрального Комитета!! Да именно теперь и начинается литературная война.

(Письмо в ЦК РСДРП, 22 декабря)

186

Подумайте же, наконец, хорошенько о всей политической позиции, взгляните пошире, отвлекитесь от мелкой будничной возни с грошами и паспортами и выясните же себе, не пряча головы под крыло, куда вы идёте И РАДИ ЧЕГО вы канитель тянете? <...> Вы оттягиваете дело, не созывая съезда, по возможности отмалчиваясь от наскока и нахальных плевков в рожу и укрепляя позиции в России. <...> Я спрашиваю, в чём состоит ваше укрепление позиций? Только в том, что вы теряете время, когда противник собирает здесь силы (а заграница очень много значит!), и оттягиваете решение до своего провала. Провал неизбежен и довольно скоро, – было бы прямо ребячеством игнорировать это. Что же вы нам оставите после провала? У цедербаумовцев – свежие и разросшиеся силы. У нас – разбитые ряды. У них – укреплённый Центральный Орган. У нас – компания, плохо перевозящая этот ругающий их Центральный Орган. Ведь это верный путь к поражению, ведь это только позорная и глупая оттяжка НЕИЗБЕЖНОГО поражения. <...>

С листовками ко мне не приставайте: я не машина, и при теперешнем безобразном положении работать не могу.

(Письмо в ЦК РСДРП, 30 декабря)

1904 год

(№№ отрывков: 187–214)

187

Сейчас получил корректуру статьи Аксельрода в № 55 «Искры». Ещё гораздо более гнусная, чем статья Цедербаума («Наш съезд») в № 53. Тут и «честолюбивые фантазии», «вдохновляемые преданиями о диктатуре Швейцера». Тут опять обвинения, что «всеведущий центр» «по личному (sic!) усмотрению распоряжается» «членами партии, превращёнными (!) в винтики и колесики». «Учреждение бесчисленного множества всевозможных ведомств, департаментов, отделений, канцелярий, мастерских». Превращение революционеров (ей-богу, так!) «в столоначальников, канцеляристов, фельдфебелей, унтер-офицеров, рядовых, стражников, мастеровых» (sic!). ЦК-де (по мысли большинства) «должен быть только коллективным агентом этой власти (власти редакции „Искры“), находиться под её строгой опекой и бдительным контролем». Такова-де «организационная утопия теократического характера» (sic!). «Торжество бюрократического централизма в партийной организации – таков итог»... (ей-богу, так!). По поводу этой статьи я паки и паки взываю ко всем членам ЦК: неужели это можно оставить без протеста и борьбы? Неужели вы не чувствуете, что, снося это молча, вы превращаетесь не больше не меньше как в раз-

возчиков сплетни (на счёт Швейцера и его пешек) и в распространителей клеветы (на счёт бюрократов, т. е. вас самих и всего большинства)?

(Письмо в ЦК РСДРП, 2 января)

188

Говорить о какой-то конференции комитетов и об «ультиматуме» (после того, как они ОСМЕЯЛИ уже наш ультиматум!!) просто смешно. Да цедербаумовцы расхохочутся только в ответ на эту «угрозу»!! Что для них ультиматумы, когда они прямо задерживают деньги, травят ЦК и ОТКРЫТО говорят: «Ждём первого провала». Неужели Кржижановский забыл уже, что Цедербаум тряпка в руках пройдох?? И после этого разговаривать ещё об отношении Цедербаума и Плеханова к Кржижановскому и Носкову! Обидно читать эту наивность. Во-первых, и Цедербауму и Плеханову начхать на всех Кржижановских и Носковых. Во-вторых, Плеханов вообще затёрт цедербаумовцами и прямо говорит, что они его не слушают (да это и так ясно видно из «Искры»). В-третьих, повторяю в сотый раз, Цедербаум есть ноль. Отчего это милейший добряк Кржижановский не подружился здесь с Бронштейном, Гурвичем и Александровой? Напрасно, милага, опустил этот «шанс» (последний шанс) к «искреннему», «доброму миру»... Не умнее ли будет писать письма прямо этим «хозяевам», чем проливать пустые слезы в жи-

лет тряпичной Мартуше³⁴? Попробуй-ка, напиши, это тебя отрезвит! А пока не написал им и не получил самолично от них плевка в рожу, до тех пор не приставай к нам (или к ним) с «миром». Мы-то здесь ясно видим, кто БОЛТАЕТ и кто ВЕРХОВОДИТ у цедербаумовцев. <...> Если Носков всё ещё за мир, пусть приедет и поговорит раза два с Гурвичем. Этого будет довольно, ей-богу!

Нам нужны деньги. Хватит на 2 месяца, а потом шиш. Мы ведь теперь «содержим» негодяев, которые в ЦО плюют и блюют на нас. Это называется «положительной работой». Ich gratuliere!³⁵

(Письмо Кржижановскому, 4 января)

189

Против секретарства тов. Блюменфельда мы решительно протестовали бы, ибо он, во-первых, неконспиративен (сообщал Друяну о принадлежности Ленина к ЦК), во-вторых, слишком экспансивен, так что спокойность и деловитость ничем не гарантированы, – вплоть даже до опасности скандала и запирания на ключ.

(Письмо Плеханову, 23 января)

190

Когда говорят, что ЦК выбран только 24-мя голосами, т. е.

³⁴ От «Мартов» – основного псевдонима Ю. Цедербаума.

³⁵ «Я поздравляю» (нем.).

при ничтожном перевесе большинства, и что будто бы в этом обстоятельстве как раз и кроется причина всех дальнейших неприятных осложнений в партийной жизни, то я утверждаю, что это неверно. Что же касается замечания т. Плеханова о моём «формалистическом мышлении», якобы не позволяющем мне взглянуть в корень вещей, то я, право, недоумеваю, что это, собственно говоря, означает?

(Речь о мерах по восстановлению мира в партии на заседании Совета РСДРП, 29 января)

191

Партийный съезд – это именно та коллегия, которая решает вопрос о «дирижёрской палочке». На съезде мы присутствуем, чтобы, между прочим, «драться» и из-за «дирижёрской палочки» (не в грубом, конечно, смысле слова). Там происходит борьба путём билетиков, путём сношений с товарищами и т. д., и там такая борьба из-за состава центров – допустима, а вне съезда она не должна была бы иметь места в партийной жизни.

(То же)

192

Тов. Цедербаум говорил, что оба денежных источника (кстати, до какой степени неправильно (в раздражении) излагает дело редакция, видно и из того, что в письмах к Ц К Цедербаум употребляет даже в кавычках слова «денежные меш-

ки» и нам ставил в упрек такое выражение. На самом же деле выражение это принадлежит не нам, а Цедербауму) – так вот, т. Цедербаум говорил, что оба денежных источника нам известны. Да, они известны, но дело не в известности, а в доступности их. Мне известно, что в ГОД один источник мог бы дать до 10 тысяч, другой до 40, но от этого не легче, так как они мне НЕДОСТУПНЫ. В превращении этих источников из доступных в НЕДОСТУПНЫЕ и выражается то пресечение денежных средств, которое является абсолютно недопустимым приёмом партийной борьбы.

(Речь об издании партийной литературы на заседании Совета РСДРП, 30 января)

193

У нас нет денег. ЦО заваливает нас расходами, явно толкая нас к банкротству, явно рассчитывая на финансовый крах, чтобы принять экстренные меры, сводящие ЦК к нулю. Две-три тысячи рублей необходимы немедленно и во что бы то ни стало. Непременно и немедленно, иначе крах через месяц ПОЛНЫЙ!

(Письмо в ЦК РСДРП, 31 января)

194

Это будет борьба деспотического и отсталого правительства с политически свободным и культурно быстро прогрес-

сирующим народом³⁶.

(«К русскому пролетариату», 16 февраля)

195

Нет ничего нелепее мнения, что работа по созыву съезда, агитация в комитетах, проведение в них осмысленных и решительных (а не сопливых) резолюций ИСКЛЮЧАЕТ работу «положительную» или противоречит ей. В этом мнении сказывается только не-умение понять создавшуюся теперь в партии политическую ситуацию. Партия разорвана фактически, устав обращён в тряпку, организация оплёвана, – только благодушные пошехонцы могут ещё не видеть этого. А кто это понял, тому должно быть ясно, что на натиск цедербаумовцев надо отвечать натиском же (а не пошлым расусоливанием о мире и т. п.). Для натиска и надо употребить все силы. Пусть техникой, транспортом, приёмкой займутся ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО подсобные силы, помощники, агенты. Ставить на это членов ЦК – архинеумно. Члены Ц К должны ЗАНЯТЬ все комитеты, мобилизовать большинство, объездить Россию, сплотить своих людей, повести натиск (в ответ на нападки цедербаумовцев), натиск на ЦО, натиск резолюциями, 1) требующими съезда; 2) СПРАШИВАЮЩИМИ редакцию ЦО, подчинится ли она съезду в вопросе о личном составе редакции; 3) клеймящими новую «Искру» без «обывательских нежностей», как сделали на днях Астрахань,

³⁶ Речь идёт о начавшейся русско-японской войне.

Тверь и Урал. Резолюции эти надо печатать в России, мы уже сто раз это говорили.

Я думаю, что у нас в ЦК в самом деле бюрократы и формалисты, а не революционеры. Цедербаумовцы плюют им в рот, а они утираются и меня поучают: «бесполезно бороться!»... Только бюрократы могут не видеть теперь, что ЦК не есть ЦК и потуги быть им смешны. Либо Ц К станет организацией ВОЙНЫ С ЦО, войны на деле, а не на словах, войны в комитетах, либо ЦК – негодная тряпка, которую подделом выкинут вон. Поймите, Христа ради, что централизм разорван цедербаумовцами бесповоротно. Плюньте на идиотские формальности, занимайте комитеты, учите ИХ бороться за партию против заграничной кружковщины, пишите им листки (это не помешает агитации за съезд, а поможет ей!), ставьте на технику подсобные силы. Руководите войной с ЦО или бросьте вовсе смешные претензии на «руководство»... утиркой плевков.

(Письмо в ЦК РСДРП, февраль)

Шаг вперед, два шага назад

196

Никто не решится отрицать, что ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, КАК ОСОБЫЙ СЛОЙ современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, ИМЕННО ИНДИВИДУАЛИЗМОМ и неспособностью к дисциплине и ор-

ганизации; в этом, между прочим, состоит невыгодное отличие этого общественного слоя от пролетариата; в этом заключается одно из объяснений интеллигентской дряблости и неустойчивости, так часто дающей себя чувствовать пролетариату; и это свойство интеллигенции стоит в неразрывной связи с обычными условиями её жизни, условиями её заработка, приближающимися в очень и очень многом к условиям МЕЛКОБУРЖУАЗНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ (работа в одиночку или в очень мелких коллективах и т. д.).

197

Тов. Цедербаум горько жаловался в Лиге на резкость моего неодобрения, не замечая, что из его жалоб получается вывод против него самого. Ленин вёл себя, употребляя его же выражение, – бешено. Верно. Он хлопал дверью. Правда. Он возмутил своим поведением (на втором или третьем заседании организации «Искры») оставшихся на собрании членов. Истина. – Но что же отсюда следует? Только то, что мои доводы по существу спорных вопросов были убедительны и подтверждались ходом съезда. В самом деле, если со мной оказались всё же, в конце концов, девять из шестнадцати членов организации «Искры», то ясно, что это произошло, НЕСМОТРЯ на зловередные резкости, ВОПРЕКИ им. Значит, если бы не было «резкостей», то, может быть, ещё больше, чем девять, было бы на моей стороне. Значит, тем более убедительны были доводы и факты, чем большее

«возмущение» должны были они перевесить.

198

Психология кружковщины и поразительной партийной незрелости, неспособной выносить свежего ветерка открытых споров перед всеми, сказалась тут воочию. Это – та знакомая российскому человеку психология, которая выражается старинным изречением: либо в зубы, либо ручку пожалуйте! Люди так привыкли к стеклянному колпаку тесной и тёплой компанийки, что упали в обморок от первого же выступления, за своей ответственностью³⁷, на свободной и открытой арене.

199

Что основанием для разделения <на втором съезде> был ряд весьма МЕЛКИХ ошибок правого крыла, весьма неважных (сравнительно) разногласий, – это обстоятельство (которое поверхностному наблюдателю и филистерскому уму кажется шокирующим) означало БОЛЬШОЙ ШАГ ВПЕРЁД ВСЕЙ НАШЕЙ ПАРТИИ В ЦЕЛОМ. Раньше мы расходились из-за крупных вопросов, которые могли иногда даже оправдать и раскол, теперь мы сошлись уже на всем крупном и важном, теперь нас разделяют лишь ОТТЕНКИ, из-за которых можно и ДОЛЖНО спорить, но нелепо и ребячески было бы расходиться.

³⁷ Т.е. «ответственного выступления».

200

Не могу не вспомнить <...> одного разговора моего на съезде с кем-то из делегатов «центра». «Какая тяжёлая атмосфера царит у нас на съезде! – жаловался он мне. – Эта ожесточённая борьба, эта агитация друг против друга, эта резкая полемика, это нетоварищеское отношение!...» «Какая прекрасная вещь – наш съезд! – отвечал я ему. – Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперёд! – вот это я понимаю. Это – жизнь. Это – не то, что бесконечные, нудные интеллигентские словопрепия, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить...»

201

Пользуюсь этим случаем, чтобы раз навсегда предоставить всем моим оппонентам публикацию всех моих частных писем, буде они считают это полезным для дела.

202

Тов. Цедербаум очень метко выразился на этот счет, сказавши, что я перебрался «с оружием и багажом». Тов. Цедербаум охотно употребляет военные сравнения: поход на Лигу, сражение, неизлечимые раны и пр. и пр. Признаться, я тоже питаю большую слабость к военным сравнениям, особен-

но в настоящее время, когда с таким захватывающим интересом следишь за вестями с Тихого океана. Но, ведь, если говорить по-военному, тов. Цедербаум, то дело вот как было. Мы завоевали два форта на съезде партии. Вы атаковали их на съезде Лиги. После первой же лёгкой перестрелки мой коллега, комендант одной крепости, открывает ворота неприятелю. Я, разумеется, собираю свою маленькую артиллерию и ухожу в другой, почти неукреплённый форт – «отсиживаться» от подавляющего своей численностью неприятеля. Я даже предлагаю мир: где же воевать с двумя державами? Но новые союзники, в ответ на предложение мира, бомбардируют мой «остатний» форт. Я отстреливаюсь. Тогда мой бывший коллега – комендант – с великолепным негодованием восклицает: смотрите-ка, добрые люди, какой у этого Чемберлена недостаток миролюбия!

203

Ровно ничего, кроме ОППОРТУНИЗМА, не выражают эти «страшные словечки»: якобинство и т. п. Якобинец, неразрывно связанный с ОРГАНИЗАЦИЕЙ пролетариата, СОЗНАВШЕГО свои классовые интересы, это и есть РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ. Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах, боящийся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований, это и есть ОППОРТУНИСТ.

«Форма» нашей работы отстала, по сравнению с бундовской, непозволительно, отстала до того, что это колет глаза, вызывает краску стыда у всякого, кто не смотрит на дела своей партии «ковыряя в носу».

Макадзюб из новой «Искры», с глубокомыслием которого мы уже познакомились, изобличает меня в том, что партия представляется мне «как огромная фабрика» с директором, в виде ЦК, во главе её. Макадзюб и не догадывается, что выдвинутое им страшное слово сразу выдаёт психологию буржуазного интеллигента, не знакомого ни с практикой, ни с теорией пролетарской организации. Именно фабрика, которая кажется иному одним только пугалом, представляет из себя ту высшую форму капиталистической кооперации, которая объединила, дисциплинировала пролетариат, научила его организации, поставила его во главе всех остальных слоёв трудящегося и эксплуатируемого населения. Именно марксизм, как идеология обученного капитализмом пролетариата, учил и учит неустойчивых интеллигентов различию между эксплуататорской стороной фабрики (дисциплина, основанная на страхе голодной смерти) и её организующей стороной (дисциплина, основанная на совместном труде, объединённом условиями высокоразвитого технически производства). Дисциплина и организа-

ция, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом именно благодаря этой фабричной «школе». Смертельная боязнь перед этой школой, полное непонимание её организующего значения характерны именно для приёмов мысли, отражающих мелкобуржуазные условия существования, порождающих тот вид анархизма, который немецкие социал-демократы называют Edelanarchismus, т. е. анархизм «благородного» господина, барский анархизм, как я бы сказал. Русскому нигилисту этот барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовищной «фабрикой», подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему «закрепощением» (см. фельетоны Аксельрода), разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в «колесики и винтики».

(май)

206

Носков (и Гальперин, видимо) застряли, по-моему, на очевидно отсталой точке зрения. Они все ещё «живут в ноябре», когда дрязга заполняла всё в нашей партийной борьбе, когда позволительно было надеяться на то, что всё «само обойдётся» при некоторой личной уступчивости и т. д.

Теперь эта точка зрения антиквирована, и держаться её – значит либо быть попугаем, твердящим одно и то же без смысла, либо быть политическим флюгером, либо отказываться от всякой руководящей роли и превращаться в глухонемого извозчика, приказчика. <...> Пора бросить старые жупелы, будто всякая такая борьба есть раскол, пора перестать прятать себе голову под крыло, заслоняясь от своих партийных обязанностей ссылками на «положительную работу»... извозчиков и приказчиков, пора отказаться от того мнения, над которым скоро дети будут смеяться, что агитация за съезд есть ленинская интрига. Повторяю: членам ЦК грозит серьёзнейшая опасность стать совсем отсталыми чудаками. У кого есть хоть капля политической чести и политической честности, тот должен перестать вилять и хитрить.

(Письмо Красину, май)

207

Недавно вышла новая брошюра Бронштейна, как было заявлено, под редакцией «Искры». Таким образом, она является как бы «Credo» новой «Искры». Брошюра представляет собою самое наглое лганье, извращение фактов. И это делается под редакцией ЦО. Работа искряков поносится всячески, экономисты-де сделали гораздо больше, у искряков не было инициативы, о пролетариате они не думали, заботились больше о буржуазной интеллигенции, вносили всюду мертвящий бюрократизм, – работа их сводилась к осу-

ществлению программы знаменитого «Credo». II съезд – это, по его словам, реакционная попытка закрепить кружковые методы организации и т. д. Брошюра эта – пощёчина и теперешней редакции ЦО, и всем партийным работникам. Читая такую брошюру, ясно видишь, что «меньшинство» так изолгалось, так фальшивит, что ничего жизненного создать будет неспособно.

(Письмо Стасовой, Ленинику и др., 14 октября)

208

Хотя услуга нам при нужде дорога,
Но за неё не всяк умеет взяться,
Не дай нам Бог со Струве связаться,
Услужливый Струве опаснее врага!
(«Услужливый либерал», октябрь)

209

Говорят иногда: нельзя пользоваться частными письмами в политической борьбе. Это неверно. Когда частные письма открывают злоупотребления должностных лиц партии, обязательно пользоваться такими письмами. Плеханов пользовался частными письмами в своём Vademecum даже не по отношению к должностным лицам. Кроме того, те письма, о которых идёт речь, вовсе не частные, а переписка членов ЦК по делам ЦК. И я, как член ЦК, и Вы, как агент ЦК, обязаны помешать попытке скрыть истину от партии.

По всем этим причинам я считаю настоятельно необходимым, чтобы Вы тотчас же прислали мне эти письма или по крайней мере полные копии с них. Конечно, часть их конспиративна, и мы никогда не разоблачим этой части. Но то, что касается интересов всей партии и не содержит в себе ничего конспиративного, должно быть разоблачено. Как это сделать и когда, об этом мы здесь подумаем. **НЕПРЕМЕННО** ответьте мне как можно скорее на это письмо. Не беда, если Вы напишете плохо по-русски. Можно даже написать и по-еврейски. Отвечайте во всяком случае немедленно.

(Письмо Таршису, ноябрь)

210

Вообще денежный вопрос самый отчаянный, ибо требуется масса на посылку людей в Россию (спрос громадный) и на транспорт. Надо приложить все усилия, чтобы достать большой куш. Теперь только за этим дело, всё остальное есть. Но без куша неизбежно такое невыносимое, томительное прозябание, какое мы ведём здесь теперь. Надо разорваться, но достать куш.

(Письмо Малиновскому, 2 ноября)

211

Тактика меньшинства выяснилась вполне, в её новом виде: полное игнорирование и замалчивание литературы большинства и существования большинства, устранение полеми-

ки из ЦО и важничанье с положительной работой (недавно редакция ЦО выпустила печатно, но «только для членов партии» письмо к партийным организациям о плане участия социал-демократов в земской кампании: невероятное важничанье невероятными пошлостями. Здесь вышел разбор и разнос этого письма Лениным.

(Письмо Малиновскому, 21 ноября)

212

В этом органе теперь вся суть, без него мы идём к верной, бесславной смерти. Во что бы то ни стало, ценой чего угодно надо достать деньжонок, хоть пару тысяч что ли, и начать немедленно, иначе мы режем сами себя. Возлагать ВСЕ надежды на съезд могут только безнадёжные глупцы, ибо ясно, что Совет сорвёт всякий съезд, сорвёт ещё до созыва. Поймите меня хорошенько, ради Бога: я не предлагаю бросить агитации за съезд, отказаться от этого лозунга, но только ребята могут ограничиваться теперь этим, не видя, что суть в силе. Пусть резолюции о съезде сыпятся по-прежнему, но НЕ В ЭТОМ ГВОЗДЬ, неужели можно не видеть этого? ОК или бюро большинства необходимо, но без органа это будет жалкий нуль, одна комедия, мыльный пузырь, который лопнет с первым провалом. Во что бы то ни стало орган и деньги, деньги сюда, зарежьте кого хотите, но давайте денег. Организационный комитет или бюро большинства должно дать нам полномочия на орган (поскорее, скорее)

и объезжать комитеты, но если бы ОК вздумал СНАЧАЛА поднять «положительную работу» и ОТЛОЖИТЬ ПОКА орган, то нас зарезал бы именно такой идиотский Организационный комитет. Наконец, издавать что-либо в России, входить хоть в какие ни на есть сделки с поганой сволочью из ЦК значит уже прямо предательствовать. Что Ц К хочет разделить и раздробить русских и заграничных большевиков, это ясно, это его давний план, и только самые желторотые глупцы могли бы попасться на эту удочку. Затевать орган в России при помощи ЦК – безумие, прямое безумие или предательство, так выходит и так выйдет по объективной логике событий, потому что устроители органа или популярного органа окажутся неминуемо одураченными всякой паскудной гнидой вроде Центрального Комитета. Я это прямо предсказываю и заранее махаю рукой совершенно на таких людей. <...> Если хотите работать вместе, то надо идти в ногу и сговариваться, действовать по сговору (а не вопреки сговора и не без сговора), а это прямо позор и безобразие: поехали за деньгами для органа, а занялись чёрт знает какими говёнными делами.

(Письмо Малиновскому, Залкинд и Финкельштейну, 3 декабря)

213

Носков, Гальперин, Красин и прочие гады...

(Письмо Залкинд, 12 декабря)

Дорогая зверушка! <...> Черкните о своём здоровье и, главное, будьте бодры; помните, что мы с Вами ещё не так стары, – всё ещё впереди. Крепко обнимаю.

(Письмо Эссен, 24 декабря)

1905 год

(№№ отрывков: 215–256)

215

Вот уж подлинная игра в парламентаризм! «Померяться силами» – до чего унижает это великое понятие наша красноречивая интеллигентская сволочь, когда сводит его к манифестации кучки рабочих в земском собрании! Какая истерическая суетня, хватющаяся за минутную конъюнктуру!

(Письмо NN, 6 января)

Падение Порт-Артура

216

Прогрессивная, передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе. Десять лет тому назад эта реакционная Европа, с Россией во главе, обеспокоилась разгромом Китая молодой Японией и объединилась, чтобы отнять у неё лучшие плоды победы. Европа охраняла установившиеся отношения и привилегии старого мира, его предпочтительное право, веками освящённое исконное право на эксплуатацию азиатских народов. Возвращение Порт-Артура Японией есть удар, нанесенный всей реакционной

Европе. Россия шесть лет владела Порт-Артуром, затратив сотни и сотни миллионов рублей на стратегические железные дороги, на создание портов, на постройку новых городов, на укрепление крепости, которую вся масса подкупленных Россией и раболепствующих перед Россией европейских газет прославила неприступною. Военные писатели говорят, что по своей силе Порт-Артур равнялся шести Севастополям. И вот маленькая, всеми до тех пор презираемая, Япония в восемь месяцев овладевает этой твердыней, после того как Англия и Франция вместе возились целый год со взятием одного Севастополя. <...>

Офицерство оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишённым тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием. Темнота, невежество, безграмотность, забитость крестьянской массы выступили с ужасающей откровенностью при столкновении с прогрессивным народом в современной войне, которая так же необходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника. <...>

Гроб повапленный – вот чем оказалось самодержавие в области внешней защиты, наиболее родной и близкой ему, так сказать, специальности. События подтвердили правоту тех иностранцев, которые смеялись, видя, как десятки и сотни миллионов рублей бросаются на покупку и постройку великолепных военных судов, и говорили о бесполезности этих затрат при неумении обращаться с современными судами,

при отсутствии людей, способных со знанием дела пользоваться новейшими усовершенствованиями военной техники. Отсталыми и никуда не годными оказались и флот, и крепость, и полевые укрепления, и сухопутная армия. <...>

Сознательный пролетариат, будучи беспощадным врагом войны, неизбежного и неустранимого спутника всякого классового господства вообще, — не может закрывать глаза на революционную задачу, выполняемую разгромившей самодержавие японской буржуазией. Пролетариат враждебен всякой буржуазии и всяким проявлениям буржуазного строя, но эта враждебность не избавляет его от обязанности различения исторически прогрессивных и реакционных представителей буржуазии. Вполне понятно поэтому, что наиболее последовательные и решительные представители революционной международной социал-демократии, Жюль Гед во Франции и Гайндман в Англии, выразили без обвиняков свои симпатии к Японии, громящей русское самодержавие.

(14 января)

217

Центры (ЦО, ЦК и Совет) ПОРВАЛИ с партией, сорвали и II и III съезд, надули партию самым площадным образом, узурпировали свои местечки по-бонапартистски. Какая же тут может быть речь о законном существовании центров? Законно ли владеет деньгами мошенник, сцапавший их по под-

ложному векселю?

(Письмо Цюрихской группе большевиков, 18 января)

218

Вопрос об адвокате. Адвокатов надо брать в ежовые рукавицы и ставить в осадное положение, ибо эта интеллигентская сволочь часто паскудничают. Заранее им объявлять: если ты, сукин сын, позволишь себе хоть самое малейшее неприличие ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПОРТУНИЗМ (говорить о неразвитости, о неверности социализма, об увлечении, ОБ ОТРИЦАНИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ НАСИЛИЯ, о мирном характере их учения и движения и т. д. или хоть что-либо подобное), то я, подсудимый, тебя оборву тут же публично, назову подлецом, заявлю, что отказываюсь от такой защиты и т. д. И приводить эти угрозы в исполнение. Брать адвокатов только умных, других не надо.

(Письмо Стасовой, 19 января)

219

Прекуррьезна, с этой точки зрения, та задача, которую ставит себе партия социалистов-революционеров в программе-минимум: «использовать, в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал, как общинные, так и вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, и в особенности взгляд на землю, как на общее достояние всех трудящихся».

Эта задача кажется, на первый взгляд, совершенно безвредным, чисто академическим повторением давно опровергнутых и теорией и жизнью общинных утопий. Но на самом деле перед нами стоит тут насущный политический вопрос, решение которого русская революция обещает дать в ближайшем будущем: кто кого использует? революционная ли интеллигенция, мнящая себя социалистической, использует в интересах борьбы с буржуазно-собственническими началами трудовые воззрения крестьянства? или буржуазно-собственническое и в то же время трудовое крестьянство использует социалистическую фразеологию революционно-демократической интеллигенции в интересах борьбы против социализма?

(«От народничества к марксизму», 24 января)

220

Ради Бога, не доверяйте меньшевикам и ЦК и проводите безусловно, повсюду и самым решительным образом раскол, раскол и раскол. Мы здесь, увлекшись революцией, соединились было с меньшевиками на одном публичном собрании, но они нас надули и тут позорно. Кто не хочет остаться в дурачках, того мы предупреждаем настоятельно: раскол и раскол безусловный.

(Письмо NN, 29 января)

221

Заграничные газеты, подобно нашим корреспондентам, отмечают тот факт, что полиция умышленно давала пошире и посвободнее разрастись стачечному движению, что правительство вообще (и великий князь Владимир в особенности) **ХОТЕЛО** вызвать кровавую расправу при наиболее выгодных для него условиях. Английские корреспонденты указывают даже, что энергичное участие именно зубатовцев в движении должно было быть особенно выгодным для правительства при таком положении дел. Интеллигенция революционная и сознательные пролетарии, которые всего скорее бы, вероятно, запаслись оружием, не могли не чуждаться зубатовского движения, не могли не сторониться от него. Правительство имело таким образом особенно свободные руки и играло беспроницательную игру: пойдут-де на демонстрацию наиболее мирные, наименее организованные, наиболее серые рабочие; с ними сладить ничего не стоит нашему войску, а урок пролетариату будет дан хороший; повод для расстрела на улицах всех и каждого будет великолепный <...>

Но существование такого плана нисколько не исключает и того, что поп Гапон мог быть **БЕССОЗНАТЕЛЬНО** орудием такого плана. Наличие либерального, реформаторского движения среди некоторой части молодого русского духовенства не подлежит сомнению: это движение нашло себе выразителей и на собраниях религиозно-философского общества, и в церковной литературе. Это движение по-

лучило даже своё название: «новоправославное» движение. Нельзя поэтому безусловно исключить мысль, что поп Гапон мог быть искренним христианским социалистом, что именно кровавое воскресенье толкнуло его на вполне революционный путь. Мы склоняемся к этому предположению, тем более, что письма Гапона, написанные им после бойни 9 января о том, что «у нас нет царя», призыв его к борьбе за свободу и т. д., – всё это факты, говорящие в пользу его честности и искренности, ибо в задачи провокатора никак уже не могла входить такая могучая агитация за продолжение восстания.

(«Поп Гапон», 31 января)

222

Единственная наша сила – открытая прямота и сплочённость, энергия натиска. А люди, кажется, размякли по случаю «революции»!! Когда организованность во сто крат более нужна, они продаются дезорганизаторам.

Из поправок к проекту декларации и съезда (изложенных в письме донельзя неясно) видно, что носят с «люжальностью»: Финкельштейн прямо пишет это слово и добавляет: если не помянуть центров, никто на съезд не пойдет! Ну, господа, я держу пари, что если Вы ТАК будете действовать, то Вы никогда не получите съезда и никогда не выйдете из-под башмака у бонапартистов ЦО и ЦК. Собирать съезд ПРОТИВ центров, коим выражено недоверие, собирать съезд от имени РЕВОЛЮЦИОННОГО бюро (несу-

ществующего и фиктивного, если пресмыкаться перед лояльным уставом) и признавать БЕЗУСЛОВНОЕ право быть на съезде и 9-ти бонапартистам, и Лиге (ха-ха!), и бонапартистским креатурам (новоиспечённые комитеты) это значит делать себя смешным и подрывать всякое уважение к себе. Можно и должно было пригласить центры, но признавать их решающий голос, это, повторяю, безумие. Конечно, центры все равно не пойдут на НАШ съезд, но к чему же давать повод лишний раз плюнуть себе в харю?³⁸ <...>

Право, я часто думаю, что из большевиков 9/10 действительно жалкие формалисты, которые абсолютно не способны воевать. Я бы их всех отдал Цедербауму. Либо мы сплотим действительно железной организацией тех, кто хочет воевать, и этой маленькой, но крепкой партией будем громить рыхлое чудище новоискровских разношёрстных элементов, либо мы докажем своим поведением, что мы заслуживаем гибели, как презренные формалисты. <...>

Когда раскол стал фактом, стало видно, что мы МАТЕРИАЛЬНО СЛАБЕЕ ВО МНОГО РАЗ. Нам нужно ещё превратить нашу моральную силу в материальную. У меньшевиков больше денег, больше литературы, больше транспортов, больше агентов, больше «имён», больше сотрудников. Было бы непростительным ребячеством не видеть этого. <...> Нужны деньги. Архинелеп план съезда В ЛОНДОНЕ, ибо это

³⁸ В рукописи далее следуют зачеркнутые слова: «за нос и плюнули им в физию».

будет стоять вдвое больше. Мы не можем остановить «Вперёда», а долгий отъезд остановит его. Съезд должен быть прост, короток, немногочисленен. Это – съезд для организации войны. По всему видно, что вы на этот счет делаете себе иллюзии. <...>

Нужны молодые силы. Я бы советовал прямо расстреливать на месте тех, кто позволяет себе говорить, что людей нет. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, ещё раз шире и ещё раз смелее вербовать молодёжь, НЕ БОЯСЬ ЕЁ. Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая и ещё больше рабочая молодежь. Бросьте все старые привычки неподвижности, чинопочитания и пр. Основывайте из молодёжи СОТНИ кружков вперёдovцев и поощряйте их работать вовсю. Расширяйте комитет ВТРОЕ приёмом молодежи, создавайте пяток или десятков подкомитетов, «кооптируйте» всякого и каждого честного и энергичного человека. Давайте право любому подкомитету писать и издавать листки без всякой волокиты (не беда, если ошибётся: мы во «Впереди» «мягко» поправим), Надо с отчаянной быстротой объединять и пускать в ход всех революционно-инициативных людей. Не бойтесь их неподготовленности, не дрожите по поводу их неопытности и неразвитости.

(Письмо Малиновскому и Драбкину, 11 февраля)

Загляните вы, пожалуйста, г. редактор «Искры», в любое немецкое рабочее собрание, посмотрите, какой ненавистью горят лица по отношению хотя бы к полиции, какие сыпятся озлобленные сарказмы, как сжимаются кулаки. Какая сила сдерживает эту жгучую потребность немедленной расправы с издевающимися над народом буржуями и их лакеями? Сила организации и дисциплины, сила сознания, сознания того, что индивидуальные убийства нелепы, что не настал ещё час серьёзной, народной, революционной борьбы, что нет подходящей для этого политической конъюнктуры.

(«Должны ли мы организовать революцию», февраль)

224

Люблю я, когда люди ругаются – значит, знают, что делают, и линию имеют.

(Письмо Драбкину, 11 марта)

225

ТАЙНЫЙ раскол партии относится к открытому расколу (по своему морально-политическому значению и по своим морально-политическим последствиям) приблизительно так же, как тайный адюльтер относится к открытой свободной любви. <...>

Меньшевики, разумеется, проваливают съезд. Никакие увещания, что на съезде допустимы всякие сделки, что иначе борьба принимает такие же гнусные формы, как тайная

и продажная любовь, на них не действуют. Кстати сказать, если со стороны меньшевиков, раз они решили не стесняться насчет «продажной любви», эта тактика естественна и понятна, то со стороны ПРИМИРЕНЦА Плеханова она явилась громадной ошибкой. <...> Плеханов тоже предпочёл «продажную любовь», то есть тайный раскол, попытке прямо и открыто объясниться и договориться до конца. И что же мы видим теперь? Меньшевики вынуждены прийти, хотя и робко, непоследовательно, хотя и поздно, к исходу, предложенному большевиками. Большевики настояли на своём и добились созыва съезда, справедливо говоря, что если обещим «дражайшим половинам» не суждено более «сожительствовать», то надо разойтись открыто, а не прятаться подобно подленьким трусишкам.

(«Первый шаг», 23 марта)

Социал-демократия и временное революционное правительство

226

Энгельс указывает на опасность непонимания вождями пролетариата НЕПРОЛЕТАРСКОГО характера переворота, а умный Пиккер выводит отсюда опасность того, чтобы вожди пролетариата, отгородившие себя и программой и тактикой (т.е. всей пропагандой и агитацией) и организацией от революционной демократии, играли руководящую

роль в создании демократической республики. Энгельс видит опасность в смешении вождём мнимосоциалистического и реальнодемократического содержания переворота, а умный Пиккер выводит отсюда опасность того, чтобы пролетариат вместе с крестьянством брал на себя сознательно диктатуру в проведении демократической республики, как последней формы буржуазного господства и как наилучшей формы для классовой борьбы пролетариата с буржуазией. Энгельс видит опасность в фальшивом, ложном положении, когда говорят одно, а делают другое, когда обещают господство одного класса, а обеспечивают из деле господство другого класса; Энгельс в этой фальши видит неизбежность безвозвратной политической гибели, а умный Пиккер выводит отсюда опасность гибели вследствие того, что буржуазные сторонники демократии не дадут пролетариату и крестьянству обеспечить действительно демократической республики. Умный Пиккер никак не в силах понять, что ТАКАЯ гибель, гибель вождя пролетариата, гибель тысяч пролетариев в борьбе за действительно демократическую республику, будучи физической гибелью, не только не есть политическая гибель, а, напротив, есть величайшее политическое завоевание пролетариата, величайшее осуществление им его гегемонии в борьбе за свободу. Энгельс говорит о политической гибели того, кто бессознательно сбивается с своей классовой дороги на чужую классовую дорогу, а умный Пиккер, благоговейно цитируя Энгельса, говорит о гибели того, кто пойдет

дальше и дальше по верной классовой дороге.

227

Вы понимаете что-нибудь, читатель? Пролетариат не остановится перед устрашением, ведущим к восстановлению абсолютизма, в случае, если будет грозить мнимоконституционная уступка! Это все равно, как если бы я сказал: мне грозит египетская казнь в виде однодневного разговора с одним Пиккером; поэтому на худой конец я прибегаю к устрашению, которое может привести только к двухдневному разговору с Пиккером и Цедербаумом. Ведь это просто сапоги всмятку, почтеннейший!

Мысль, которая мерещилась Пиккеру, когда он писал воспроизведённую вами бессмыслицу, состоит в следующем: если в эпоху демократического переворота пролетариат станет устрашать буржуазию социалистической революцией, то это поведёт только к реакции, ослабляющей и демократические завоевания. Только и всего. Ни о восстановлении абсолютизма в первоначальном виде, ни о готовности пролетариата на худой конец прибегать к худой глупости не может быть, понятно, и речи. Все дело сводится опять-таки к тому различию между демократическим и социалистическим переворотом, которое Пиккер забывает <...> Теория, отказывающаяся от идеи революционно-демократической диктатуры, не может быть названа иначе, как философическим рассмотрением «задней» русского пролетариата. Революци-

онный социал-демократ с презрением отбросит от себя подобную теорию. Накануне революции он будет не только указывать «худой конец» её. Нет, он будет также указывать на возможность лучшего конца. Он будет мечтать, – он обязан мечтать, если он не безнадежный филистер, – о том, что после гигантского опыта Европы, после невиданного размаха энергии рабочего класса в России, нам удастся разжечь, как никогда, светильник революционного света перед темной и забитой массой, нам удастся, – благодаря тому, что мы стоим на плечах целого ряда революционных поколений Европы, – осуществить с невиданной ещё полнотой все демократические преобразования, всю нашу программу-минимум; нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей предрержащих, а к полному ниспровержению этих властей. А если это удастся, – тогда... тогда революционный пожар зажжёт Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется в свою очередь и покажет нам, «как это делается»; тогда революционный подъём Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий, тогда... но мы успеем ещё не раз поговорить о том, ЧТО мы сделаем «тогда», поговорить не из проклятого женевского далека, а перед тысячными собраниями рабочих на улицах Москвы

и Петербурга, перед свободными сходками русских «мужиков».

228

Освободившись от кошмара аксельродовской (или люксембурговской?) теории организации-процесса, Гельфанд сумел, наконец, пойти вперед, вместо того, чтобы пятиться, подобно раку, назад. Он не захотел делать «Сизифову работу» бесконечных поправок к пиккеровским и цедербаумовским глупостям. Он выступил прямо (к сожалению, вместе с Бронштейном) с защитой идеи революционно-демократической диктатуры, – идеи об обязанности социал-демократии принять участие во временном революционном правительстве после низвержения самодержавия. Тысячу раз прав Гельфанд, когда он говорит, что социал-демократия не должна бояться смелых шагов вперед, не должна опасаться нанесения совместных «ударов» врагу рука об руку с революционной буржуазной демократией, при обязательном (очень кстати напоминаемом) условии не смешивать организации; врозь идти, вместе бить; не скрывать разнородности интересов; следить за своим союзником, как за своим врагом, и т. д.

Но чем горячее наше сочувствие всем этим лозунгам отвернувшегося от хвостистов революционного социал-демократа, тем неприятнее поразили нас некоторые неверные ноты, взятые Гельфандом. <...> Неверны положения Гель-

фанда, что «революционное временное правительство в России будет правительством рабочей демократии», что «если социал-демократия будет во главе революционного движения русского пролетариата, то это правительство будет социал-демократическим», что социал-демократическое временное правительство «будет целостное правительство с социал-демократическим большинством». Этого Н Е МОЖЕТ БЫТЬ, если говорить не о случайных, мимолётных эпизодах, а о сколько-нибудь длительной, сколько-нибудь способной оставить след в истории революционной диктатуре. Этого не может быть, потому что сколько-нибудь прочной (конечно, не безусловно, а относительно) может быть лишь революционная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа. Русский же пролетариат составляет сейчас меньшинство населения России. Стать громадным, подавляющим большинством он может лишь при соединении с массой полупролетариев, полухозяйчиков, т. е. с массой мелкобуржуазной городской и сельской бедноты. И такой состав социального базиса возможной и желательной революционно-демократической диктатуры отразится, конечно, на составе революционного правительства, сделает неизбежным участие в нём или даже преобладание в нём самых разношерстных представителей революционной демократии. Было бы крайне вредно делать себе на этот счёт какие бы то ни было иллюзии. Если пустозвон Бронштейн пишет теперь (к сожалению, рядом с Гельфандом), что «священник Гапон

мог появиться однажды», что «второму Гапону нет места», то это исключительно потому, что он пустозвон. Если бы в России не было места второму Гапону, то у нас не было бы места и для действительно «великой», до конца доходящей, демократической революции. Чтобы стать великой, чтобы напомнить 1789–1793, а не 1848–1850-ые годы, и превзойти их, она должна поднять к активной жизни, к героическим усилиям, к «основательному историческому творчеству» гигантские массы, поднять из страшной темноты, из невиданной забитости, из невероятной одичалости и беспросветной тупости.

(12 апреля)

229

Участвовать во временном правительстве вместе с буржуазной революционной демократией, – плачутся они, да ведь это значит освящать буржуазный строй, освящать сохранение тюрем и полиции, безработицы и нищеты, собственности и проституции. Это довод, достойный либо анархистов, либо народников.

(«Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянство», 12 апреля)

230

ЦК считает долгом довести до сведения Совета партии, что развитие партийного кризиса в России достигло таких размеров, когда останавливается почти вся партийная работа. Положение в комитетах запуталось до последней степени. Нет почти ни одного тактического или организационного вопроса, который не возбуждал бы на местах самых ожесточённых разногласий между фракциями, притом чаще всего не столько по существу, сколько вследствие принадлежности спорящих к различным частям партии. Ни Совет партии, ни ЦО, ни ЦК не пользуются необходимым авторитетом у большинства партийных работников, повсюду возникают двойные организации, тормозящие работу друг друга и дискредитирующие партию в глазах пролетариата.

(Открытое письмо председателю совета РСДРП, 23 апреля)

231

Хорошее – скажи и ещё раз скажи.

(Речь об отношении к тактике правительства накануне переворота на III съезде РСДРП, 1 мая)

232

Диктатура организация не «порядка», а организация войны.

(Доклад об участии социал-демократии во временном революционном правительстве на III съезде РСДРП, 1 мая)

233

Пугать якобинством в момент революции величайшая пошлость. Демократическая диктатура, как я уже указывал, есть не организация «порядка», а организация войны. Если бы мы даже завладели Петербургом и гильотинировали Николая, то имели бы перед собой несколько Вандей. И Маркс прекрасно понимал это, когда в 1848 г. в «Новой Рейнской Газете» напоминал о якобинцах. Он говорил: «Террор 1893 г. есть не что иное, как плебейский способ разделаться с абсолютизмом и контрреволюцией». Мы тоже предпочитаем разделяться с русским самодержавием «плебейским» способом и предоставляем «Искре» способы жирондистские.

(То же)

234

Интеллигенцию всегда нужно держать в ежовых рукавицах.

(Речь при обсуждении устава партии на III съезде РСДРП, 4 мая)

235

Гапон говорил мне, что стоит на точке зрения с.-д., но по некоторым соображениям он не считает возможным заявить это открыто. Я ему сказал, что дипломатия вещь

очень хорошая, – но не между революционерами. <...> На меня он произвёл впечатление человека безусловно преданного революции, инициативного и умного, хотя, к сожалению, без выдержанного революционного мирозерцания.

(Речь по вопросу о практических соглашениях с эсерами на III съезде РСДРП, 6 мая)

236

Кто борется настоящим образом, тот естественно борется за ВСЁ.

(«Политические софизмы», 18 мая)

237

«Радикалы – в ужасе кричит «Таймс» – держатся теоретических принципов французского Конвента. Доктрина равенства и равноправия всех граждан, суверенности народа и проч. «оказалась, как показали уже события, одной из самых, может быть, зловредных среди всех измышлений гибельной софистики, которую Жан-Жак Руссо завещал человечеству». «Это главный краеугольный камень, корень якобинизма, одно уже присутствие которого имеет роковое значение для преуспевания справедливой и целебной реформы».

Оппортунисты либерализма трогательно обнимаются с оппортунистами социал-демократии в своем пристрастии к употреблению этого пугала «якобинизма». В эпоху демократической революции пугать якобинизмом могут только

безнадёжные реакционеры или безнадёжные филистеры.
(«Советы консервативной буржуазии», 3 июня)

238

Точно стадо дикарей армада русских судов налетела прямиком на великолепно вооружённый и обставленный всеми средствами новейшей защиты японский флот.

(«Разгром», 9 июня)

239

ЦК сейчас же после съезда послал письмо в «Лигу» и заведующим техникой и кассой партии, прося первую – высказаться о своем отношении к III съезду, вторых – передать партийное имущество ЦК. Ответа ни на одно письмо не последовало. Новоискровцы не прочь были от имени всей партии пользоваться партийной типографией и складом, получать деньги от немецкой социал-демократии, от заграницы вообще, но дать отчёт партии в употреблении партийного имущества и расходовании партийных средств они не пожелали. Комментировать такое поведение мы считаем излишним.

(Третий шаг назад, 3 июля)

Две тактики социал-демократии в демократической революции

240

Степень экономического развития России (условие объективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно связанное с объективным) делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса. Только самые невежественные люди могут игнорировать буржуазный характер происходящего демократического переворота; — только самые наивные оптимисты могут забывать о том, как ещё мало знает масса рабочих о целях социализма и способах его осуществления. <...> В ответ на анархические возражения, будто мы откладываем социалистический переворот, мы скажем: мы не откладываем его, а делаем первый шаг к нему единственно возможным способом по единственно верной дороге, именно по дороге демократической республики. Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом, так и в политическом смысле, выводам. Если те или другие рабочие спросят нас в соответствующий момент: почему бы не осуществить нам программы-максимум, мы ответим им указанием на то, как чужды ещё социализму демократически на-

строенные массы народа, как неразвиты ещё классовые противоречия, как неорганизованны ещё пролетарии.

241

РЕАКЦИОННА мысль искать спасения рабочему классу в чём бы то ни было, кроме дальнейшего развития капитализма. В таких странах, как Россия, рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма. Рабочий класс **БЕЗУСЛОВНО ЗАИНТЕРЕСОВАН** поэтому в самом широком, самом свободном, самом быстром развитии капитализма.

242

В ИЗВЕСТНОМ СМЫСЛЕ буржуазная революция **БОЛЕЕ ВЫГОДНА** пролетариату, чем буржуазии. Именно вот в каком смысле несомненно это положение: буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию, на постоянную армию и т. п.

<...> Наоборот, рабочему классу выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении прошли именно не реформаторским, а революционным путём, ибо реформаторский путь есть путь затяжек, проволочек, мучительно-медленного отмирания гниющих частей народного организма. От гниения их страдает прежде всего и больше всего пролетариат и крестьянство.

Революционный путь есть путь быстрой, наименее болезненной по отношению к пролетариату операции, путь прямого удаления гниющих частей, путь наименьшей уступчивости и осторожности по отношению к монархии и соответствующим ей омерзительным и гнусным, гнилым и заражающим воздух гниением учреждениям.

243

«Решительная победа революции над царизмом» есть РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА. От этого вывода, давно указанного «Впередом», никуда не уйдут наши новоискровцы. Больше некому одержать решительную победу над царизмом. И такая победа будет именно диктатурой, т. е. она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооружение массы, на восстание, а не на те или иные, «легальным», «мирным путем», созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков, и крупных буржуа, и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контрреволюционные попытки невозможно. Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она не сможет затронуть (без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализ-

ма. Она сможет, в лучшем случае, внести коренное перераспределение земельной собственности в пользу крестьянства, провести последовательный и полный демократизм вплоть до республики, вырвать с корнем все азиатские, кабальные черты не только из деревенского, но и фабричного быта, положить начало серьёзному улучшению положения рабочих и повышению их жизненного уровня, наконец, последнее по счёту, но не по важности, – перенести революционный пожар в Европу. Такая победа нисколько ещё не сделает из нашей буржуазной революции революцию социалистическую; демократический переворот не выйдет непосредственно из рамок буржуазных общественно-экономических отношений; но тем не менее значение такой победы будет гигантское для будущего развития и России и всего мира. Ничто не поднимет до такой степени революционной энергии всемирного пролетариата, ничто не сократит так сильно пути, ведущего к его полной победе, как эта решительная победа начавшейся в России революции.

244

Струве пишет: «В сравнении с революционизмом гг. Ленина и товарищей, революционизм западноевропейской социал-демократии Бебеля и даже Каутского является оппортунизмом, но основы и этого, уже смягчённого, революционизма подмыты и размыты историей». Вылазка очень сердитая. Напрасно только думает г. Струве, что на меня, как

на мёртвого, всё валить можно. Мне достаточно сделать г-ну Струве вызов, которого он никогда не в состоянии будет принять. Где и когда я называл «революционизм Бебеля и Каутского» оппортунизмом? где и когда претендовал я на создание какого бы то ни было особого направления в международной социал-демократии, не ТОЖДЕСТВЕННОГО с направлением Бебеля и Каутского? Где и когда выступали на свет разногласия между мной, с одной стороны, Бебелем и Каутским, с другой, – разногласия, хоть сколько-нибудь приближающиеся по серьёзности к разногласиям между Бебелем и Каутским, например, по аграрному вопросу <...> Старый приём, г. Струве. Только ребят и невежд поймаете вы на эту удочку. Полная солидарность международной революционной социал-демократии во всех крупных вопросах программы и тактики есть неоспоримейший факт.

245

Слово «коммуна» не даёт никакого ответа, только засоряя головы каким-то далёким звоном... или пустозвонством. <...> Что скажет конферент рабочему, когда он спросит его об ЭТОЙ «революционной коммуне», упомянутой в резолюции? Он сможет сказать только то, что в истории под этим именем известно такое рабочее правительство, которое не умело и не могло тогда различить элементов демократического и социалистического переворота, которое смешивало задачи борьбы за республику с задачами борьбы за соци-

ализм, которое не сумело решить задачи энергичного военного наступления на Версаль, которое ошибочно не захватило французского банка и т. д. Одним словом, – сошлетесь ли вы в своем ответе на Парижскую или на какую иную комму-ну, ваш ответ будет: это было такое правительство, КАКИМ НАШЕ БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО. Хорош ответ, нечего сказать!

246

Мы присутствуем при высоко-поучительном и высоко-комическом зрелище. Проститутки буржуазного либерализма пытаются напаять на себя тогу революционности. <...> Господа Струве, признавая революцию, тут же высовывают паки и паки свои ослиные уши, опять затягивая старую песенку о возможности мирного исхода, о призыве НИКОЛАЕМ к власти господ освобожденцев и т. д. и т. п.

247

Когда фактом будет не только революция, а полная победа революции, – тогда мы «подменим» (может быть, при ужасных воплях новых будущих Пиккерров) лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата, т. е. полного социалистического переворота.

248

С вульгарно-буржуазной точки зрения, понятие диктатура и понятие демократия исключают друг друга. Не пони-

мая теории борьбы классов, привыкнув видеть на политической арене мелкую свару разных кружков и котерий буржуазии, буржуа понимает под диктатурой отмену всех свобод и гарантий демократии, всяческий произвол, всякое злоупотребление властью в интересах личности диктатора. В сущности, именно эта вульгарно-буржуазная точка зрения сквозит и у нашего Пиккера, который в заключение своего «нового похода» в новой «Искре» объясняет пристрастие «Вперёда» и «Пролетария» к лозунгу диктатуры тем, что Ленин «страстно желает попытать счастья».

249

Великие вопросы в жизни народов решаются только силой.

(шоль)

250

Революционная армия необходима потому, что только СИЛОЙ могут быть решены великие исторические вопросы, а ОРГАНИЗАЦИЯ СИЛЫ в современной борьбе есть военная организация.

(«Революционная армия и революционное правительство», 10 июля)

251

Наше дело предостеречь народ от авантюризма громких, но нелепых обещаний (вроде немедленной «социализации», которой не понимают сами говорящие о ней).

(То же)

252

Здесь ряд товарищей указывал уже тогда, когда Красин был здесь, что, назначая Плеханова, мы только разбалуем и окончательно испортим его. Я сначала был за Плеханова, но теперь вижу, что назначать его без условий нельзя. Представьте только себе конкретно, что значит иметь представителем в Бюро человека, с которым никто не разговаривает, которого НЕВОЗМОЖНО заставить «представлять» действительно ЦК, а не самого себя!

(Письмо в ЦК РСДРП, 12 июля)

253

Нами было совершенно спокойно рассказано, что новоискровцы пользовались от имени партии типографией, складом и деньгами, а от сдачи партийного имущества предпочли уклониться. До какого состояния довело «Искру» раздражение по поводу этого заявления, видно из их выражений в духе незабвенного бундовского «поганья». «Искра» любезно преподносит нам и «грязную швабру», и «клеветующих трусов» и проч. и проч. Совсем так, как Энгельс характери-

зовал некогда полемику известного сорта эмигрантов: «Каж-
дое слово – ночной горшок, и притом не пустой».

(«Сердитое бессилие», 26 июля)

254

Плеханов невероятно нахально поступил, написав в Меж-
дународное социалистическое бюро, что его уже признали
(!) обе фракции, и обругав, опорочив всячески наш III съезд.
У меня есть копия его письма, присланного мне из Бюро.
Она будет вам послана. Я добился с великим трудом пря-
мых сношений с МС бюро и опроверг Плеханова. Плеханов
тогда отказался от представительства. Вы знаете, что я во-
все не был безусловным противником назначения Плехано-
ва, но теперь это было бы прямо немыслимо. Это настолько
дезавуировало бы меня, что моё положение стало бы невоз-
можно. Это окончательно уронило бы нас в глазах МС бюро.
Не забывайте, что все почти заграничные социал-демократы
на стороне «икон» и нас считают ничем, третируют.

(Письмо в ЦК РСДРП, 28 июля)

255

Я удивляюсь часто, как немногого нужно, чтобы люди,
не вполне самостоятельные и непривычные к самостоятель-
ной политической работе, падали духом и кисли. А киснут
у нас женевские большевики отчаянно. Борьба идёт серьёз-
ная, III съезд вовсе не закончил её, разумеется, а только от-

крыл новую фазу её, искровцы подвижны и суетливы, беззастенчивы по-торгашески, искушённые долгим опытом демагогии, – а у наших преобладает какая-то «добросовестная глупость» или «глупая добросовестность». Не умеют бороться сами, неловки, неподвижны, неуклюжи, робки... Милые ребята, но ни к дьяволу негодные политики. Нет у них цепкости, нет духа борьбы, ловкости, быстроты. Александров крайне типичен в этом отношении: милейшая личность, преданнейший работник, честнейший человек, он, я боюсь, никогда не способен стать ПОЛИТИКОМ. Добёр он уж очень, – даже не верится, что «александровские» брошюры писаны им. Боевого духа он не вносит ни в орган (всё жалеет, что я не даю ему писать добрых статей о Бунде!), ни в колонию. Какой-то дух нытья царит, и меня (я всего три недели на даче и езжу в город на 6–5 часов по ТРИ, а то и по ЧЕТЫРЕ раза в неделю!) все упрекают, что у них дело не ладится, что меньшевики бойчее и т. д. и т. п.!!

А наш ЦК, во-первых, тоже не очень-то «политик», тоже добёр слишком, тоже страдает недостатком цепкости, оборотливости, чуткости, неумением политически использовать каждую мелочь в партийной борьбе. А, во-вторых, он выспренно презирает за границу и всех лучших людей упорно не пускает сюда или берет отсюда. И мы оказываемся здесь, за границей, позади. Недостаёт фермента, толчков, импульсов. Не умеют люди действовать и бороться сами. Недостаёт ораторов на своих собраниях. Некому влить дух бодр, поста-

вить вопрос принципиально, уметь поднять над женеvским болотом повыше, в область интересов и вопросов посерьёзнее. И всё дело страдает. В политической борьбе остановка есть смерть. Запросов тьма и они всё растут. Новоискровцы не дремлют (теперь они ещё «перехватили» прибывших в Женеvу матросов – заманивали их, вероятно, со свойственным им торгашеским рекламизмом в политике и усиленно marktschreien³⁹, «утилизируя» задним числом одесские события в пользу своей котерии). У нас сил НЕВОЗМОЖНО мало.

(Письмо Луначарскому, 2 августа)

256

Материалу теперь новоискровцы дали массу, и если бы тщательно обработать его, осветить эти паскудные приёмы СПЛЕТНИ, наушничества etc. etc. во всей их прелести, – то могла бы выйти сильная вещь. Одни эти глухие «личные намеки» Цедербаума – какая это беспредельная гадость! <...> За <новоискровцев> я бы не взялся (я теперь засяду за ответ Плеханову – «Социал-Демократ» № 2, – его надо разделять вовсю, ибо у него тоже тьма гнусностей и жалкие аргументы) и думаю, что могли бы сделать это ТОЛЬКО Вы. Невесёлая работа, вонючая, слов нет, – но ведь мы не белоручки, а газетчики, и оставлять «подлость и яд» незаклеймёнными непозволительно для публицистов социал-демо-

³⁹ «Зазывая в свою лавочку».

кратии.

(Письмо Луначарскому, август)

4. Генеральная репетиция (08.1905 – 12.1907)

От автора

В 1905 году на фоне русско-японской войны в России началась так называемая «революция». Значительная часть аристократии, буржуазия и интеллигенция, используя затруднительное положение правительства, стремилась добиться демократизации общества. В этом им оказывали поддержку западные государства, прежде всего – Англия, военный союзник Японии.

После начала военных действий на Дальнем Востоке Англия открыла подпольный фронт на территории России. В ход шло всё: клевета, саботаж, диверсии, политические убийства, провокации, волнения на национальных окраинах, даже восстания в армии и на флоте.

Однако целью Великобритании в этот период вовсе не являлось расчленение России или хотя бы свержение самодержавия. Ей было важно побудить Николая II отказаться от ориентации на Германию, организовать англо-франко-русский блок и спровоцировать войну с Вильгельмом.

Предреволюционное десятилетие прошло под лозунгом

создания из разрозненных социал-демократических кружков главной революционной партии. Неонародникам-эсерам первоначально отводилась вспомогательная роль «черноземной силы» – организатора аграрных беспорядков и индивидуального террора. К власти в России должен был придти «добрый следователь» – социал-демократы. Однако РСДРП с момента своего конституирования превратилась в конгломерат враждующих фракций и в таком виде успешно просуществовала до 1917 года. Организационная недееспособность эсдеков привела к тому, что главной революционной партией России стали эсеры. Именно в их организации Запад стал направлять основной поток денежных средств.

Социал-демократы были так слабы организационно, что не могли служить даже прикрытием революционной деятельности. Провокацию «кровавого воскресенья» в январе 1905 года организовал завербованный англичанами священник Гапон, а всеобщую забастовку – прямой английский агент Гельфанд («Парвус»), формально считавшийся не русским, а германским социал-демократом. Гельфанд стал закулисным руководителем самозванного революционного правительства в Петербурге. Примечательно, что подставной председатель Петроградского совета Бронштейн к этому времени официально не был ни большевиком, ни меньшевиком.

Ленин, погрязший в эмигрантских склоках, пропустил начало революции и приехал в Петербург только в конце но-

ября 1905 года, к шапочному разбору. В первую революцию Ленин-политик действовал малоудачно. Его деятельность в этот период по-прежнему была деятельностью эмигрантского подстрекателя, тогда как в условиях реальной политической борьбы партии требовался опытный организатор и переговорщик. Ленин пытался консолидироваться с меньшевиками, пытался использовать элементы эсеровской идеологии, пытался возглавить вооружённые восстания, но, в общем, все эти попытки оказывались лишь попытками.

Одной из основных ошибок Ленина и вообще социал-демократов было бойкотирование выборов в Думу, то есть самоустранение от политической жизни России. В августе 1906, после роспуска I Думы, опасаясь ареста, Ленин переезжает в полунезависимую Финляндию, где продолжает «революционную борьбу». Фактически революция кончается летом 1907 года, после подписания англо-русского соглашения, однако Ленин, как и в случае с приездом, запаздывает с правильным анализом ситуации и уезжает в новую эмиграцию только в конце года.

1905 год

(№№ отрывков: 257–292)

257

Есть изречение: не тронь – не воняет. Когда читаешь манифест и закон о Государственной думе, чувствуешь себя так, как будто бы под носом у тебя начали разворачивать накопившуюся с незапамятных времён груду нечистот.

(«Единение царя с народом и народа с царём», 29 августа)

258

Не волноваться происходящим теперь в России, не думать о войне и о революции нельзя, а всякий, кто волнуется, думает, интересуется, **ВЫНУЖДАЕТСЯ** – становиться в тот или иной вооружённый лагерь. Вас избыют, изувечат и убьют, несмотря на архимирный и до мелочности легальный образ ваших действий. Революция не признаёт нейтральных.

(«Чёрные сотни и организация восстания», 29 августа)

259

Втоптать перед всем народом в помойную яму тех, кто остаётся на стороне «соглашателей», – такова единственная правильная тактика революционного пролетариата.

(«В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата», 5 сентября)

Нас упрекают за то, что мы «вдалбливаем» упорно одни и те же лозунги. Мы считаем этот упрёк за комплимент. <...> Мы должны миллионы и миллиарды раз повторять...
(То же)

Бунд в «Последних Известиях» договорился до чёртиков. Мы его высечем так, что до новых веников не забудет. Эти бундовцы такие тупицы и самохвалы, дурачки и идиоты, что просто терпенья нет. «Искра» провралась здорово, особенно Цедербаум. Бога для, не спешите вы с официальной резолюцией и не уступайте ни на йоту этой бундовско-новоискровской конференции. Неужели без протоколов будете? Да разве можно с этими проститутками без протоколов конферировать?

Сугубо предостерегаю насчет «Армянской с.-д. федерации». Если вы согласились на её участие в конференции, то сделали РОКОВУЮ ошибку, которую надо ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО исправить. Это – пара женевских дезорганизаторов, издающих здесь самые пустячки, без всяких серьёзных связей на Кавказе. Это – БУНДОВСКАЯ КРЕАТУРА, ничего более, специально выдуманная для питания кавказского бундизма. Если вы допустите эту публику на РУССКУЮ конференцию, т. е. конференцию работающих в Рос-

сии организаций, вы страшно сядете в лужу. Кавказские товарищи все против этой шайки литераторов-дезорганизаторов (я знаю это от многих); и мы скоро разнесём их в «Пролетарии». Вы вызовете только протесты Кавказа и вместо «мира» «объединения» НОВУЮ склоку. Помилуйте, как это можно игнорировать Кавказский Союз, тьму работающий в России, и якшаться с подонками Женевского болота!!

(Письмо в ЦК РСДРП, 7 сентября)

262

Везде, где можно, мы будем стремиться организовать СВОИ комитеты, комитеты СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ. Туда войдут и крестьяне, и пауперы, и интеллигенты, и проститутки (нас недавно спрашивал один рабочий в письме, почему не агитировать среди проституток), и солдаты, и учителя, и рабочие, – одним словом, ВСЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ И НИКТО, КРОМЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ.

(«Отношение социал-демократии к крестьянскому движению», 14 сентября)

263

Вместо того, чтобы разжечь огонёк, сломав окна и дав простор притоку свободного воздуха рабочих восстаний, меньшевики потеют, сочиняя игрушечные мехи и раздувая освобожденский революционный пыл скоморошескими тре-

бованиями да условиями, предъявляемыми к освобожденцам.

(«Встреча друзей», 26 сентября)

264

Со ступеньки на ступеньку. Кто поскользнулся раз и оказался на наклонной плоскости, тот катится вниз безудержно. Наши стоящие вне обеих частей партии сверхчеловеки, вроде Гельфанда и Плеханова, величественно игнорируют те самые резолюции новоискровцев, за которые они морально и политически ответственны. Эти сверхчеловеки воображают себя выше и «большинства» и «меньшинства»: на самом деле они НИЖЕ и того и другого, ибо ко всем недостаткам большинства они сумели присоединить все недостатки меньшинства И ВСЕ НЕДОСТАТКИ ПЕРЕБЕЖЧИКА. <...> Какое дело литераторам-сверхчеловекам до каких-то резолюций, вырабатывающихся при участии ответственных представителей пролетариата! Сверхчеловеки плюют на партийные резолюции!

(«Игра в парламентаризм», 26 сентября)

265

Посмотрите, каким успехом, даже с чисто военной точки зрения, увенчалось предприятие рижан⁴⁰. Убито трое и ра-

⁴⁰ Заметка написана по поводу следующего сообщения западного корреспондента: «Группа в 70 человек напала на Рижскую центральную тюрьму, перере-

нено, вероятно, 5–10 человек у неприятеля. Наши потери: всего двое – вероятно, раненых и потому взятых в плен врагом. Наши трофеи – двое революционных вождей, отбитых из плена. Да ведь это блестящая победа!! Это – настоящая победа после сражения против вооружённого с ног по головы врага. Это уже не заговор против какой-нибудь ненавистной персоны, не акт мести, не выходка отчаяния, не простое «устрашение», – нет, это обдуманное и подготовленное, рассчитанное с точки зрения соотношения сил, начало действий отрядов революционной армии. Число таких отрядов в 25–75 человек может быть в каждом крупном городе, и зачастую в предместьях крупного города, доведено до нескольких десятков. Рабочие сотнями пойдут в эти отряды, надо только немедленно приступить к широкой пропаганде этой идеи, к образованию этих отрядов, к снабжению их всяким и всяческим оружием, начиная от ножей и револьверов, кончая бомбами, к военному обучению и военному воспитанию этих отрядов.

К счастью, прошли те времена, когда за неимением революционного народа революцию «делали» революционные одиночки-террористы. Бомба перестала быть оружием оди-

зала телефонные линии и посредством верёвочных лестниц влезла в тюремный двор, где после жаркой стычки было убито двое тюремных сторожей и трое тяжело ранено. Манифестанты (так в тексте) освободили двоих политических, которые находились под военным судом и ждали смертного приговора. Во время преследования манифестантов, которые успели скрыться, за исключением двух, подвергшихся аресту, был убит один агент и ранено несколько полицейских».

ночки-«бомбиста». Она становится НЕОБХОДИМОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬЮ НАРОДНОГО ВООРУЖЕНИЯ. С изменениями военной техники изменяются и должны изменяться приемы и способы уличной борьбы. Мы все изучаем теперь (и хорошо делаем, что изучаем) постройку баррикад и искусство защищать их. Но за этим полезным старым делом не надо забывать новейших шагов военной техники. Прогресс в применении взрывчатых веществ внёс ряд новинок в артиллерийское дело. Японцы оказались сильнее русских отчасти и потому, что они умели во много раз лучше обращаться с взрывчатыми веществами. Широкое применение сильнейших взрывчатых веществ – одна из очень характерных особенностей последней войны. И эти, общепризнанные теперь во всем мире, мастера военного дела, японцы, перешли также к РУЧНОЙ БОМБЕ, которой они великолепно пользовались против Порт-Артура. Давайте же учиться у японцев!

(«От обороны к нападению», 26 сентября)

266

Не лучше ли нам, если уже заключать соглашение с радикалами, потребовать от них миллиончика на вооружение петербургских рабочих, чем <немедленных> выборов в учредительное собрание.

(Письмо М. Рейснеру, 4 октября)

Тов. Потресов очень похож на героиню чеховского рассказа «Душечка». Душечка жила сначала с антрепренёром и говорила: мы с Ванечкой ставим серьёзные пьесы. Потом жила она с торговцем лесом и говорила: мы с Васечкой возмущены высоким тарифом на лес. Наконец, жила с ветеринаром и говорила: мы с Колечкой лечим лошадей. Так и тов. Потресов. «Мы с Лениным» ругали Пиккера. «Мы с Пиккером» ругаем Ленина. Милая социал-демократическая душечка! в чьих-то объятиях очутишься ты завтра?

(«Социал-демократическая душечка», 7 октября)

Как быть с конфискованными землями, – это вопрос второстепенный. Его не мы будем решать, а крестьяне. При решении его начнётся именно борьба между пролетариатом и буржуазией в крестьянстве.

(«Социализм и крестьянство», 10 октября)

«Постоянную⁴¹ революцию» г. Иоллос называет «постоянной анархией». Сказать это – значит назвать революцию крамолой, сказать это значит сделаться ПРЕДАТЕЛЕМ РЕВОЛЮЦИИ.

(«Буржуазия сытая и буржуазия алчущая», 10 октября)

⁴¹ Т.е. «перманентную».

270

Будь у нас уже парламент, мы обязательно бы поддержали кадетов, Милюкова и Ко против «Московских ведомостей». Например, при перебаллотировках etc.

(Письмо Луначарскому 11 октября)

271

Помещая телеграмму о смерти Трубецкого, газета «Abendblatt» замечает: «Может быть, ему устроили в министерстве народного просвещения сцену».

Бедный Трубецкой! Стремиться к народной свободе и умереть от «сцены» в передней царского министра... Мы должны допустить, что это слишком жестокая казнь даже для российского либерала. Но только, господа, не лучше ли, не достойнее ли для сторонников народной свободы отказаться от всяких сношений с правительством палачей и шпионов? Не лучше ли умирать в прямой, честной, открытой, просвещающей и воспитывающей народ, уличной борьбе с этими гадами, без уничтожения которых невозможна действительная свобода, чем умирать от «сцен» при беседах с Треповыми и его презренными лакеями?

(«По поводу смерти Трубецкого», октябрь)

272

Дорогие товарищи! Очень благодарен Вам за присылку 1)

отчета Боевого комитета и 2) записки по вопросу об организации подготовки восстания + 3) схемы организации. Прочитав эти документы, я счёл долгом прямо обратиться к Боевому комитету для товарищеского обмена мнений. <...> по документам судя, дело грозит выродиться в канцелярщину. Все эти схемы, все эти планы организации Боевого комитета производят впечатление бумажной волокиты, — я прошу извинить меня за откровенность, но я надеюсь, что вы меня не заподозрите в желании придрататься. В таком деле менее всего пригодны схемы да споры и разговоры о функциях Боевого комитета и правах его. Тут нужна бешеная энергия и ещё энергия. Я с ужасом, ей-богу с ужасом, вижу, что о бомбах говорят БОЛЬШЕ ПОЛГОДА и ни одной не сделали! А говорят учёнейшие люди... Идите к молодёжи, господа! вот одно единственное, всеспасающее средство. Иначе, ей-богу, вы опоздаете (я это по всему вижу) и окажетесь с «учеными» записками, планами, чертежами, схемами, великолепными рецептами, но без организации, без живого дела. Идите к молодежи. Основывайте тотчас боевые дружины везде и повсюду, и у студентов, и У РАБОЧИХ ОСОБЕННО, и т. д. и т. д. Пусть тотчас же организуются отряды от 3-х до 10, до 30 и т. д. человек. Пусть тотчас же вооружаются они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т. д. Пусть тотчас же эти отряды выбирают себе руководителей и СВЯЗЫВАЮТСЯ, по возможности, с Боевым комитетом при Петербургском

комитете. Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, Христа ради, на все схемы, пошлите вы, Бога для, все «функции, права и привилегии» ко всем чертям. Не требуйте обязательного вхождения в РСДРП – это было бы абсурдным требованием для вооружённого восстания. Не отказывайтесь связываться с каждым кружком, хотя бы в три человека, при единственном условии, чтобы он был полицейски надёжен и готов был драться с царским войском. Пусть желающие кружки входят в РСДРП или ПРИМЫКАЮТ к РСДРП, это превосходно; но я безусловно считал бы ошибкой ТРЕБОВАТЬ этого. <...>

Если через 1–2 месяца у Боевого комитета не будет в Питере minimum 200–300 отрядов, тогда это мёртвый Боевой комитет. Тогда его надо похоронить. При теперешнем кипении не набрать сотни отрядов – значит стоять вне жизни.

Проповедники должны давать отрядам каждому краткие и простейшие рецепты бомб, элементарнейший рассказ о всем типе работ, а затем предоставлять всю деятельность им самим. Отряды должны ТОТЧАС ЖЕ начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же. Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие – нападение на банк для конфискации средств для восстания, третьи – манёвр или снятие планов и т. д. Но обязательно сейчас же начинать учиться на деле: не бойтесь этих пробных нападений. Они могут, конечно, выродиться в крайность, но это беда завтрашнего дня, а се-

годня беда в нашей косности, в нашем доктринёрстве, учёной неподвижности, старческой боязни инициативы. Пусть каждый отряд сам учится хотя бы на избииении городских: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных борцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч.

Крепко жму руку, товарищи, и желаю успеха. Своего взгляда я отнюдь не навязываю, но считаю долгом подать **СОВЕЩАТЕЛЬНЫЙ** голос.

(«В Боевой комитет при Петербургском комитете партии», 16 октября)

273

Отряды должны вооружаться сами, кто чем может (ружьё, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, верёвка или верёвочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии) и пр. и т. д.). <...> Даже и без оружия отряды могут сыграть серьёзнейшую роль: 1) руководя толпой; 2) нападая при удобном случае на городского, случайно отбившегося казака (случай в Москве) и т. д. и отнимая оружие; 3) спасая арестованных или раненых, когда полиции очень немного; 4) забираясь на верх домов, в верхние этажи и т. д. и осыпая войско камнями, обливая кипятком и т. д.

(«Задачи отрядов революционной армии», октябрь)

274

К подготовительным работам относится раздобывание всякого оружия и всяких снарядов, подыскание удобно расположенных квартир для уличной битвы (удобных для борьбы сверху, для складов бомб или камней и т. д. или кислот для обливания полицейских и т. д. и т. д.

(То же)

275

Прекрасным военным действием, дающим и УЧЕНИЕ солдат революционной армии, первое крещение им, и громадную пользу приносящим революции, является борьба с черносотенцами. Отряды революционной армии должны тотчас же изучить, кто, где и как составляет чёрные сотни, а затем не ограничиваться одной проповедью (это полезно, но этого одного мало), а выступать и вооружённой силой, избивая черносотенцев, убивая их, взрывая их штаб-квартиры и т. д. и т. д.

(То же)

276

И мечутся, скрежеща зубами, наши рыцари кнута: они снова открывают московский университет, они делают вид, что хотят позволить студентам самим охранять порядок во время уличных процессий, они смотрят сквозь пальцы на революционное самоуправление студентов, которые

оформливают деление на партии социал-демократов, социалистов-революционеров и т. д., образуя правильное политическое представительство в студенческом «парламенте» (и которые, мы уверены, не ограничатся революционным самоуправлением, а займутся немедленно и серьёзно организацией и вооружением отрядов революционной армии). А вместо с Треповым мечутся и либеральные профессора, бросаясь уговаривать – сегодня студентов, чтобы были поскромнее, завтра нагаечников, чтобы они были помягче. Метания тех и других доставляют нам величайшее удовольствие: значит, хорошо дует революционный ветерок, если политические командиры и политические перебежчики подпрыгивают так высоко на верхней палубе.

(«Уроки московских событий», 24 октября)

277

Дорогая зверушка! <...> Хорошая у нас в России революция, ей-богу!

(Письмо Эссен, 26 октября)

278

Я знаю прекрасно, что все большевики рассматривали всегда расхождение с Вами как нечто временное, вызванное исключительными обстоятельствами. Споры нет, борьба часто увлекала нас на такие шаги, заявления, выступления, которые не могли не затруднять будущего соедине-

ния, но ГОТОВНОСТЬ объединиться, сознание КРАЙНЕЙ НЕНОРМАЛЬНОСТИ того, что лучшая сила русских с.-д. стоит в стороне от работы, сознание КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ для всего движения в Вашем руководящем, близком, непосредственном участии, – всё это было у нас всегда. И мы все твердо верим, что не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра наше соединение с Вами всё же состоится, несмотря на все трудности и препятствия. Но лучше, чтобы это было сегодня, чем завтра. Дела повернули теперь так, что МОЖНО ОПОЗДАТЬ, и мы намерены приложить все усилия, чтобы не опоздать. Захотите ли Вы работать вместе с нами? Я был бы чрезвычайно рад, если бы Вы согласились на то, чтобы нам свидеться вдвоём и поговорить на эту тему. Я уверен, что при личном свидании многие недоразумения были бы устранены, многие кажущиеся трудности делу объединения сразу бы отпали. Но на случай, что Вы не согласитесь вообще или не согласитесь теперь, я позволю себе наперёд коснуться некоторых из этих трудностей.

Трудности таковы: 1) Ваши разногласия со многими членами новой редакции. 2) Ваше нежелание входить в одну из двух половин социал-демократии. – Первая трудность, мне кажется, вполне устранима. Наше согласие с Вами касается примерно 9/10 вопросов теории и тактики, а ради 1/10 расходиться не расчёт. Вы хотели и хотите исправлять некоторые ошибочные, на Ваш взгляд, утверждения в моих произведениях. Но я нигде и никогда не пытался связать

кого бы то ни было из социал-демократов специально своими взглядами, и никто, безусловно никто из новой редакции не ангажировал себя ни в какие «ленинисты». Речь Цхакая на III съезде выражает в этом отношении общие взгляды. Вы считаете ошибочными философские взгляды трех⁴² из названных семи лиц. Но и эти трое не пытались и во пытаются связать эти свои взгляды с каким бы то ни было официально партийным делом. И эти трое, – я говорю не на ветер, а на основании известных мне точно фактов, – были бы чрезвычайно рады совместной работе с Вами. Политически расходиться теперь, в такое время, нам с Вами, когда Ваше общее сочувствие взглядам большинства известно и из Вашего реферата, видно из Ваших последних произведений, видно косвенным образом из позиции наиболее может быть солидарного с Вами Гельфанда, – политически расходиться нам теперь было бы крайне нежелательно, крайне неуместно, крайне вредно для социал-демократии. <...> Ваши громадные знания и громадный политический опыт страшно нужны русскому пролетариату.

(Письмо Плеханову, октябрь)

279

Рабочий класс снесёт, наконец, целиком ненавистное самодержавие, прогонит всех министров-клоунов, поставит СВОЁ временное революционное правительство и покажет

⁴² «Махисты» Малиновский, Луначарский и Руднев.

всем народам России, как «возможно» и как необходимо именно «теперь» созвать действительно всенародное и действительно учредительное собрание.

(«Всероссийская политическая стачка», 31 октября)

280

Мы получили номер «Искры» с какой-то нервной, полной злобы, слёз, выкриков и вывертов статьёй «Плоды кружковщины». Иначе нельзя этого и назвать, как истерикой. Выделить хоть тень ДОВОДОВ из истерического вопля нет никакой возможности. <...> Подумайте хоть капельку, если вы ещё не совсем потеряли способность думать, подумайте хоть тогда, когда у вас пройдёт припадок истерии!

(«Истерика потерпевших поражение», 31 октября)

281

Мы приложим все усилия, чтобы к победе русской революции не присосались буржуазные пиявки монархического помещичьего либерализма <...> Только такая победа даст в руки настоящее оружие пролетариату, – и тогда мы зажжём Европу, чтобы сделать из русской демократической революции пролог европейского социалистического переворота.

(«Обострение положения в России», 31 октября)

282

Вы просто малoverы и слабонервные люди. Увидали гряз-

ную болезнь, вонючие прыщи и отвернулись. Это понятно, по человечеству судя, но нерационально.

(Письмо Белопольскому и NN, ноябрь)

283

Непоследовательны, конечно, и те рабочие, которые веруют в Бога, и те интеллигенты, которые являются сторонниками (тьфу! тьфу!) мистики, – но мы не будем их выгонять не только из Совета рабочих депутатов, но даже и из партии.
(«Наши задачи и совет рабочих депутатов», 4 ноября)

284

Всё – призрак, кроме власти, – отвечает революционный народ.
(«Приближение развязки», 16 ноября)

Партийная организация и партийная литература

285

Проклятая пора эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества! Пролетариат положил конец этой гнусности, от которой задыхалось все живое и свежее на Руси.

286

В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, «колёсиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединённой социал-демократической партийной работы.

«Всякое сравнение хромает», говорит немецкая пословица. Хромает и моё сравнение литературы с винтиком, живого движения с механизмом. Найдутся даже, пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения, принижающего, омертвляющего, «бюрократизирующего» свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д. По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма. Спору нет, литературное дело всего менее поддаётся механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, инди-

видуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Всё это бесспорно, но всё это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата. Все это отнюдь не опровергает того чуждого и странного для буржуазии и буржуазной демократии положения, что литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы. Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами – всё это должно стать партийным, подотчётным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю её контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полуобломовского, полуторгашеского российского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает.

Литературное дело испакощено азиатской цензурой и европейской буржуазией. <...> Выйдя из плена крепостной цензуры, мы не хотим идти и не пойдём в плен буржуазно-торгашеских литературных отношений. Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала,

свободы от карьеризма; — мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма.

Эти последние слова покажутся парадоксом или насмешкой над читателями. Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество! Вы хотите, чтобы рабочие по большинству голосов решали вопросы науки, философии, эстетики! Вы отрицаете абсолютную свободу абсолютно-индивидуального идейного творчества!

Успокойтесь, господа! Во-первых, речь идет о партийной литературе и её подчинении партийному контролю. Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная. Я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то. Партия есть добровольный союз, который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом и материально, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды. Для определения же грани между партийным и анти-

партийным служит партийная программа, служат тактические резолюции партии и её устав, служит, наконец, весь опыт международной социал-демократии, международных добровольных союзов пролетариата, постоянно включавшего в свои партии отдельные элементы или течения, не совсем последовательные, не совсем чисто марксистские, не совсем правильные, но также постоянно предпринимавшего периодические «очищения» своей партии. Так будет и у нас, господа сторонники буржуазной «свободы критики», ВНУТРИ партии: теперь партия у нас сразу становится массовой, теперь мы переживаем крутой переход к открытой организации, теперь к нам войдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской точки зрения) люди, может быть, даже некоторые христиане, может быть, даже некоторые мистики. У нас крепкие желудки, мы твердокаменные марксисты. Мы переварим этих непоследовательных людей. Свобода мысли и свобода критики внутри партии никогда не заставят нас забыть о свободе группировки людей в вольные союзы, называемые партиями.

Во-вторых, господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики,

которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как мирозерцание, анархия есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.

И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески, – не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно-свободную, ОТКРЫТО связанную с пролетариатом литературу.

Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в её ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, её силу, её будущность.

(26 ноября)

287

Вырвем зло с корнем. Уничтожим совершенно постоянное войско. Пусть армия сольётся с вооружённым народом, пусть солдаты понесут в народ свои военные знания, пусть исчезнет казарма и заменится свободной военной школой.

(«Войско и революция», 28 ноября)

288

Среди нас, большевиков, не только не было склонности к демагогии, а напротив, мы всё время решительно, открыто и прямо боролись с малейшими попытками демагогии.

(«О реорганизации партии», 29 ноября)

289

Пора позаботиться о том, чтобы создавать местные хозяйственные, так сказать, опорные пункты рабочих социал-демократических организаций в виде содержимых членами партии столовых, чайных, пивных, библиотек, читален, тиров и проч., и проч. Я не знаю соответственного русского слова и называю «тиром» помещение для стрельбы в цель, где есть запас всякого оружия, и всякий желающий за маленькую плату приходит и стреляет в цель из револьверов и ружей. В России объявлена свобода собраний и союзов.

Граждане вправе собраться и для ученья стрельбе, опасности от этого никому быть не может. В любом европейском большом городе вы встретите открытые для всех тир — в подвальных квартирах, иногда за городом и т. п. А рабочим учиться стрелять, учиться обращаться с оружием весьма-весьма не лишне. Разумеется, серьёзно и широко взяться за это дело мы сможем лишь тогда, когда будет обеспечена свобода союзов и можно будет тягать к суду полицейских негодяев, которые посмели бы закрывать такие учреждения.

(То же)

290

Подумайте: выиграла бы или проиграла русская армия, если бы она включила в свои ряды патриотическую молодёжь Маньчжурии? Вероятно, проиграла бы, ибо маньчжурские патриоты предали бы россиян японцам. И революционный народ России проиграет, если «патриоты», монархически настроенные патриоты денежного мешка (т.е. либеральные буржуа) предадут его самодержавию Витте.

(«Умиращее самодержавие и новые органы народной власти», 6 декабря)

291

Политическое безразличие есть политическая сытость. «Безразлично», «равнодушно» относится к куску хлеба человек сытый; голодный же всегда будет «партийным» в во-

просе о куске хлеба. «Безразличие и равнодушие» к куску хлеба означает не то, чтобы человек не нуждался в хлебе, а то, что человеку всегда обеспечен хлеб, что он никогда не нуждается в хлебе, что он прочно пристроился к «партии» сытых. Беспартийность в буржуазном обществе есть лишь лицемерное, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров.

Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая.

(«Социалистическая партия и беспартийные революционеры», 15 декабря)

Социализм и религия

292

Религия – род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь.

Но раб, сознавший своё рабство и поднявшийся на борьбу за своё освобождение, наполовину перестаёт уже быть рабом. Современный сознательный рабочий, воспитанный крупной фабричной промышленностью, просвещённый городской жизнью, отбрасывает от себя с презрением религиозные предрассудки, предоставляет небо в распоряжение попов и буржуазных ханжей, завоевывая себе лучшую

жизнь здесь, на земле. Современный пролетариат становится на сторону социализма, который привлекает науку к борьбе с религиозным туманом и освобождает рабочего от веры в загробную жизнь тем, что сплачивает его для настоящей борьбы за лучшую земную жизнь.

Религия должна быть объявлена частным делом — этими словами принято выражать обыкновенно отношение социалистов к религии. Но значение этих слов надо точно определить, чтобы они не могли вызывать никаких недоразумений. Мы требуем, чтобы религия была частным делом по отношению к государству, но мы никак не можем считать религию частным делом по отношению к нашей собственной партии. Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т. е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист. Никакие различия между гражданами в их правах в зависимости от религиозных верований совершенно не допустимы. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. Не должно быть никакой выдачи государственной церкви, никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам, которые должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомыш-

ленников. Только выполнение до конца этих требований может покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы (по сию пору остающиеся в наших уголовных уложениях и уставах), преследовавшие за веру или за неверие, насиловавшие совесть человека, связывавшие казённые местечки и казённые доходы с раздачей той или иной государственно-церковной сивухи. <...>

Как ни забито, как ни темно было русское православное духовенство, даже его пробудил теперь гром падения старого, средневекового порядка на Руси. Даже оно примыкает к требованию свободы, протестует против казёнщины и чиновнического произвола, против полицейского сыска, навязанного «служителям Бога». Мы, социалисты, должны поддержать это движение, доводя до конца требования честных и искренних людей из духовенства, ловя их на словах о свободе, требуя от них, чтобы они порвали решительно всякую связь между религией и полицией. <...>

По отношению к партии социалистического пролетариата религия не есть частное дело. Партия наша есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в ви-

де религиозных верований. Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом. <...>

Если так, отчего мы не заявляем в своей программе, что мы атеисты? отчего мы не запрещаем христианам и верующим в Бога поступать в нашу партию? <...> Потому что единство действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе. <...> Не следует допускать раздробление сил действительно революционной, экономической и политической борьбы ради третьестепенных мнений или бредней, быстро теряющих всякое политическое значение, быстро выбрасываемых в кладовую для хлама самым ходом экономического развития.

Реакционная буржуазия везде заботилась и у нас начинает теперь заботиться о том, чтобы разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов <...> Эта реакционная политика раздробления пролетарских сил, сегодня проявляющаяся, главным образом, в черносотенных погромах, завтра, может быть, додумается и до каких-нибудь более тонких форм. Мы, во всяком случае, противопоставим ей спокойную, выдержанную и терпеливую, чуждую всякого разжигания второстепенных разногласий, проповедь пролетарской солидарности и науч-

ного мирозерцания.

Революционный пролетариат добьётся того, чтобы религия стала действительно частным делом для государства. И в этом, очищенном от средневековой плесени, политическом строе пролетариат поведет широкую, открытую борьбу за устранение экономического рабства, истинного источника религиозного одурачения человечества.

(16 декабря)

1906 год

(№№ отрывков: 293–341)

293

Надо упорно и терпеливо вести свою работу, сберегая силы пролетариата, но не теряя веры, что упадок настроения временный, что рабочие поднимутся ещё сильнее, ещё смелее, чем в Москве, что они сметут царскую Думу. Пусть неразвитые, тёмные люди идут в Думу, – партия не свяжет своей судьбы с ними. Партия скажет им: ваш собственный житейский опыт подтвердит наши политические предсказания. Вы увидите на себе, какой обман эта Дума, и вы вернётесь тогда к партии, увидав правильность её советов.

(«Бойкотировать ли Государственную Думу?», январь)

294

Мы позволим себе здесь маленькое отступление о партизанских выступлениях боевых дружин. Мы думаем, что сравнивать их с террором старого типа ошибочно. Террор был мстью отдельным лицам. Террор был заговором интеллигентских групп. Террор был совершенно не связан ни с каким настроением масс. Террор не подготовлял никаких боевых руководителей масс. Террор был результатом – а также симптомом и спутником – неверия в восстание, отсутствия условий для восстания.

Партизанские выступления не месть, а военные действия. Они так же мало похожи на авантюру, как набег охотничьих дружин на тыл неприятельской армии во время затишья на главном поле сражения не похожи на убийства дуэлянтов или заговорщиков. <...> Нам надо не удерживать, а поощрять партизанские выступления боевых дружин, если мы не на словах только хотим готовить восстание и признали пролетариат всерьёз готовым в восстанию.

(«Современное положение России и тактика рабочей партии», 20 февраля)

295

У нас очень распространено теперь, к сожалению, какое-то беззубое, чисто кадетское в сущности, хихиканье по поводу «браунингов» и «боевых дружин». Сказать, что восстание невозможно и нечего больше его готовить, ни у кого не хватает мужества и прямоты, образец которых дал Маркс. Но похихикать насчёт военных действий революционеров мы очень любим.

(«Думская революция и задачи пролетариата», 2 апреля)

Победа кадетов и задачи рабочей партии

296

Советы рабочих, солдатских, железнодорожных и др. депутатов, казавшиеся меньшевикам органами революционно-

го самоуправления, относятся большевиками к зачаточным, разрозненным, стихийным, а потому бессильным органам революционной власти.

297

Да, да, недаром, совсем НЕ ДАРОМ лобзают теперь кадеты Плеханова! Цена этим лобзаниями очевидная, *Do ut des*, как говорит латинская пословица: я даю тебе, чтобы ты дал мне. Я даю тебе лобзание за то, что ты своими советами даёшь МНЕ лишние голоса. Правда, ты, может быть, вовсе не хотел этого; ты стыдился даже признаться публично в получении наших лобзаний. Ты увёртывался всеми правдами и неправдами (особенно неправдами!) от ответа на вопросы, которые слишком бесцеремонно, слишком вплотную подходили к самой сути нашей любовной сделки.

298

Но ведь ваш бойкот оказался совсем бесполезной и бессильной вещью! кричат нам со всех сторон кадеты. Рабочие, которые хотели посрамить Думу и нас, кадетов, своим примером бойкота, – рабочие, которые выбрали чучело в Думу, ошиблись самым явным образом! Дума будет не чучельная, а кадетская!

Полноте, господа! Вы наивны или прикидываетесь наивными. Если Дума будет кадетская, ситуация получится иная, но всё же Дума будет чучелом. Рабочими руководил замеча-

тельно чуткий классовый инстинкт, когда они своей бесподобной демонстрацией с выборами чучела символизировали будущую Думу, предостерегали доверчивый народ, снимали с себя ответственность за игру в чучела.

299

Обожравшемуся зверю лень подниматься снова, чтобы нападать на либеральных говорунов вплотную (успеется ещё! над нами не каплет!). А для борцов рабочего класса и крестьянства не настала ещё пора нового подъёма. Тут-то и ловить момент, тут-то и собирать голоса всех недовольных (а кто нынче доволен?), тут-то и заливаться соловьём нашим кадетам.

Кадеты – могильные черви революции. Революцию похоронили. Её гложут черви. Но революция обладает свойством быстро воскресать и пышно развиваться на хорошо подготовленной почве. А почва подготовлена замечательно, великолепно, октябрьскими днями свободы и декабрьским восстанием. И мы далеки от мысли отрицать полезную работу червей в эпоху похорон революции. Ведь эти жирные черви так хорошо удобряют почву...

300

Революционный народ должен быть несамостоятелен, это раз, и не должен побеждать окончательно, разгромлять своего врага, это два. Эту тактику неизбежно будет проводить,

в общем и целом, вся кадетская партия и всякая кадетская Дума, причём разумеется, эта тактика будет обосновываться, защищаться, оправдываться всем богатым идеологическим багажом «научных» исследований, «философских» туманностей, политических (или политиканских) пошлостей, «литературно-критических» взвизгиваний (а la Бердяев) и т. д., и т. д.

301

Были бы трупы, а черви всегда найдутся.

302

Вот вам простенький примерчик, г. Бланк и г. Кизеветтер, чтобы вы могли усвоить эту, недоступную кадетскому разуму, «головокружительную» для кадетской мысли, премудрость. Представьте себе, что Аврамов увечит и истязует Спиридонову⁴³. На стороне Спиридоновой, допустим, есть десятки и сотни невооружённых людей. На стороне Аврамова горстка казаков. Что сделал бы народ, если бы истязания Спиридоновой происходили не в застенке? Он применил бы насилие по отношению к Аврамову и его свите. Он пожертвовал бы, может быть, несколькими борцами, застреленными Аврамовым, но силой всё-таки обезоружил бы Аврамова и казаков, причём, очень вероятно, убил бы на месте неко-

⁴³ Согласно распространяемым слухам, эсерка Спиридонова была изнасилована полицейскими.

торых из этих, с позволения сказать, людей, а остальных за-
садил бы в какую-нибудь тюрьму, чтобы помешать им без-
образничать дальше и чтобы отдать их на народный суд.

Вот видите, г. Бланк и г. Кизеветтер: когда Аврамов с ка-
заками истязает Спиридонову, это есть военно-полицейская
диктатура над народом. Когда революционный (способный
на борьбу с насильниками, а не только на увещания, нази-
дания, сожаления, осуждения, хныканье и нытьё, не мещан-
ски-ограниченный, а революционный) народ применяет на-
силие к Аврамову и Аврамовым, это есть диктатура револю-
ционного народа. Это есть ДИКТАТУРА, ибо это есть власть
народа над Аврамовым, власть, не ограниченная никакими
законами (мещанин, пожалуй, был бы против того, чтобы
силой отбить Спиридонову от Аврамова: дескать, не по «за-
кону» это? есть ли у нас такой «закон», чтобы убивать Ав-
рамова? не создали ли некоторые идеологи мещанства тео-
рии непротivления злу насилieм? г. Бердяев! гг. редакто-
ра «Полярной Звезды» или «Свободы и Культуры»! Вот вам
ещё тема для долгих воплей,... то бишь долгих статей про-
тив «хулиганства» революционеров. Называют, дескать, Тол-
стого мещанином!! – кель оррер, как говорила дама, прият-
ная во всех отношениях.). Научное понятие диктатуры озна-
чает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими
законами, никакими абсолютно правилами не стесненную,
непосредственно на насилие опирающуюся власть. НЕ ЧТО
ИНОЕ, КАК ЭТО, означает понятие: «диктатура», – запо-

ните хорошенько, гг. кадеты. Далее, во взятом нами примере мы видим диктатуру именно НАРОДА, ибо народ, масса населения, неоформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право. Наконец, это есть диктатура именно РЕВОЛЮЦИОННОГО народа. Почему только революционного, а не всего народа? Потому, что во всём народе, страдающем постоянно и самым жестоким образом от подвигов Аврамовых, есть люди, забитые физически, запутанные, люди забитые нравственно, например, теорией о непротивлении злу насилием, или просто забитые не теорией, а предрасудком, обычаем, рутиной, люди равнодушные, то, что называется обыватели, мещане, которые более способны отстраниться от острой борьбы, пройти мимо или даже спрятаться (как бы тут, в драке-то, не влетело!). Вот почему диктатуру осуществляет не весь народ, а только революционный народ, несколько не боящийся, однако, всего народа, открывающий всему народу причины своих действий и все подробности их, привлекающий охотно ВЕСЬ народ к участию не только в «управлении» государством, но и во власти, и к участию в самом устройстве государства.

Таким образом, взятый нами простой пример содержит в себе все элементы научного понятия: «диктатура революционного народа», а также понятия: «военно-полицийская диктатура». От этого простого примера, доступного даже

ученому кадетскому профессору, мы можем перейти к более сложным явлениям общественной жизни.

Революция, в узком, непосредственном значении этого слова, есть именно такой период народной жизни, когда веками накопившаяся злоба на подвиги Аврамовых прорывается наружу В ДЕЙСТВИЯХ, а не словах, и в действиях МИЛЛИОННЫХ НАРОДНЫХ МАСС, а не отдельных лиц. Народ просыпается и поднимается для освобождения себя от Аврамовых. Народ избавляет бесчисленных Спиридоновых русской жизни от Аврамовых, применяет насилие к Аврамовым, берёт власть над Аврамовыми. Это происходит, конечно, не так просто и не так «сразу», как в примере, упрощенном нами для г. профессора Кизеветтера, – эта борьба народа с Аврамовыми, борьба в узком, непосредственном смысле, это сбрасывание с народа Аврамовых растягивается на месяцы и годы «революционного вихря». Это сбрасывание народом с себя Аврамовых и есть реальное содержание того, что называется великой российской революцией. Это сбрасывание, если рассмотреть его со стороны методов исторического творчества, происходит в тех формах, которые мы сейчас только описывали, говоря о революционном вихре, именно: захват народом свободы политической, то есть такой свободы, осуществлению которой препятствовали Аврамовы; – создание народом новой, революционной, власти, власти над Аврамовыми, власти над насильниками старого полицейского уклада; – применение народом наси-

лия по отношению к Аврамовым для устранения, обезоружения и обезвреживания этих диких собак, всех Аврамовых, Дурново, Дубасовых, Минов и прочее и тому подобное.

Хорошо ли это, что народ применяет такие незаконные, неупорядоченные, неправомерные и несистематические приёмы борьбы, как захват свободы, создание новой, формально никем не признанной и революционной, власти, применяет насилие над угнетателям народа? Да, это очень хорошо. Это – высшее проявление народной борьбы за свободу. Это – та великая пора, когда мечты лучших людей России о свободе претворяются в ДЕЛО, дело самих народных масс, а не одиночек героев. Это так же хорошо, как хорошо освобождение толпой (в нашем примере) Спиридоновой от Аврамова, насильственное разоружение и обезвреживание Аврамова.

Но вот тут-то мы и подходим к центральному пункту кадетских скрытых мыслей и опасений. Кадет потому и является идеологом мещанства, что он на политику, на освобождение всего народа, на революцию переносит точку зрения того обывателя, который в нашем примере истязания Аврамовым Спиридоновой удерживал бы толпу, советовал бы не нарушать закона, не торопиться с освобождением жертв из рук палача, действующего от имени законной власти. Конечно, в вашем примере такой обыватель был бы прямо нравственным уродом, а в применении ко всей общественной жизни нравственное уродство мещанина есть качество, повторяем,

совсем не личное, а социальное, обусловленное, может быть, крепко засевшими в голову предрассудками буржуазно-филистерской науки права.

303

Когда история человечества подвигается вперёд со скоростью локомотива, это – «вихрь», «поток», «исчезновение» всех «принципов и идей». Когда история движется с быстротой гужевой перевозки, это – сам разум и сама плановость. Когда народные массы сами, со всей своей девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью, начинают творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно «принципы и теории», – тогда буржуа чувствует страх и вопит, что «разум отступает на задний план» (не наоборот ли, о герои мещанства? не выступает ли в истории именно в такие моменты разум масс, а не разум отдельных личностей, не становится ли именно тогда массовый разум живой, действенной, а не кабинетной силой?). Когда непосредственное движение масс придавлено расстрелами, экзекуциями, порками, безработицей и голодовкой, когда вылезают из щелей клопы содержимой на дубасовские деньги профессорской науки и начинают вершить дела ЗА народ, ОТ ИМЕНИ МАСС, продавая и предавая их интересы горсткам привилегированных, – тогда рыцарям мещанства кажется, что наступила эпоха успокоенного и спокойного прогресса, «наступила очередь мысли и разума».

<...> господа Бланки изображают дело навыворот! Они убожество выдают за исторически-творческое богатство. Они бездеятельность задавленных или придавленных масс рассматривают, как торжество «систематичности» в деятельности чиновников, буржуев. Они кричат об исчезновении мысли и разума, когда вместо кромсания законопроектов всякими канцелярскими чинушами и либеральными реппу-а-liner'ами (писаками, живущими с построчной платы) наступает период непосредственной политической деятельности «просто народа», которое попросту прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берёт себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпается мысль и разум миллионов забитых людей, просыпается не для чтения только книжек, а для дела, живого, человеческого дела, для исторического творчества.

(10 апреля)

304

Единственная гарантия от реставрации – социалистический переворот на Западе; никакой другой гарантии, в настоящем и полном смысле этого слова, быть не может. Вне этого условия, при всяком другом решении вопроса (муниципализация, раздел и т. д.) реставрация не только возмож-

на, но прямо неизбежна. Я формулировал бы это положение в таких словах: русская революция может своими собственными силами победить, но она ни в коем случае не может своими собственными руками удержать и закрепить своих завоеваний. Она не может достигнуть этого, если на Западе не будет социалистического переворота; без этого условия реставрация неизбежна и при муниципализации, и при национализации, и при разделе, ибо мелкий хозяйчик, при всех и всяческих формах владения и собственности, будет опорой реставрации. После полной победы демократической революции мелкий хозяйчик неизбежно повернет против пролетариата и тем скорее, чем скорее будут сброшены все общие враги пролетариата и хозяйчика, как-то: капиталисты, помещики, финансовая буржуазия и т. п. У нашей демократической республики нет никакого резерва, кроме социалистического пролетариата на Западе, и в этом отношении не надо упускать из виду, что классическая буржуазная революция в Европе, именно великая французская революция XVIII века, происходила совсем не при такой международной обстановке, при какой происходит русская революция. Франция конца XVIII века была окружена феодальными и полуфеодальными государствами. Россия XIX века, совершающая буржуазную революцию, окружена странами, в которых социалистический пролетариат стоит во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией. Если такие сравнительно ничтожные явления, как обещание свобо-

ды в России царём 17-го октября, дали уже большой толчок движению пролетариата в Западной Европе, – если достаточно было австрийским рабочим получить телеграмму из Петербурга о пресловутом конституционном манифесте, чтобы заставить их сразу выйти на улицу, чтобы привести к ряду демонстраций и военных столкновений в крупнейших промышленных городах Австрии, то можно представить себе, как поведёт себя социалистический международный пролетариат, если вести из России принесут ему не обещание свободы, а действительное осуществление её и полную победу революционного крестьянства.

(Заключительное слово по аграрному вопросу на IV съезде РСДРП, май)

305

Как непосредственный рычаг революционного крестьянского движения, как наиболее желательная форма его, выставлены в моём проекте крестьянские комитеты. Крестьянские комитеты, в переводе на простой язык, значит, призыв к тому, чтобы крестьяне сами немедленно и непосредственно расправились с чиновниками и помещиками самым решительным образом. Крестьянские комитеты – это значит – призыв к тому, чтобы угнетённый остатками крепостничества и полицейскими порядками народ расправился с этими остатками, как говорил Маркс, «по-плебейски».

(То же)

Всякие способы аграрного переворота сведутся к либерально-чиновничьей РЕФОРМЕ, к кадетской реформе, а не к крестьянской революции, если не поставить лозунгом НЕМЕДЛЕННЫЙ захват земель самими крестьянами сейчас же на месте, т. е. именно революционными крестьянскими комитетами, с тем, чтобы крестьяне же сами и РАСПО-РЯЖАЛИСЬ этими захваченными землями впредь до созыва всенародного учредительного собрания. В моем проекте было сначала сказано «конфискованными» землями. Тов. Суворов верно заметил, что это ошибочная формулировка. Надо сказать: «захваченными». Конфискация есть юридическое признание захвата, утверждение его законом. Мы должны ставить лозунг конфискации. Для осуществления его мы должны звать крестьян к ЗАХВАТУ. Этот крестьянский захват должен быть признан, узаконен всенародным учредительным собранием, которое, как высший орган самодержавия народа, сделает из захвата КОНФИСКАЦИЮ на основании закона, изданного учредительным собранием.

(Доклад об объединительном съезде РСДРП, май)

Буржуазии плевать на все теории.

(То же)

Социал-демократам неприлично корчить из себя людей, которые могли бы отвечать за Думу. Если бы социал-демократы были в большинстве в Думе, Дума не была бы Думой, или социал-демократы не были бы социал-демократами.

(«Рабочая группа в Государственной Думе», 22 мая)

Профессора знают книжки, да не знают жизни, но рабочие должны знать.

(«Правительство, Дума и народ», 30 мая)

Критика, в пределах ОСНОВ партийной программы, должна быть вполне свободна и не только на партийных, но и на широких собраниях. Запрещать такую критику или такую «агитацию» (ибо критики нельзя отделить от агитации) невозможно.

(«Свобода критики и единство действий», 2 июня)

Растёт стачечное движение, обостряется непосредственная крестьянская борьба за землю, учащаются известия о пробуждении забитых солдат и матросов, начинают «оправляться» железнодорожники. Что-то новое и свежее движется, шумит, бродит и волнуется повсюду. Новые рост-

ки неудержимо пробивают себе дорогу из-под груды развалин. И хотя кадеты стараются поплотнее закрыть ставни в Таврическом дворце, жизнь берёт своё, свежий ветер врывается и туда. Работа классовой размежёвки и политическое прояснения идет и там. <...> Но самый уже тот факт, что кадетам приходится всё чаще бороться за главенство в Думе, показывает ясно какую-то глубокую разницу между ними и трудовиками. Чем чаще и чем острее эти боевые схватки, тем определённое выступает перед народной массой разница между либеральным помещиком, фабрикантом, адвокатом, профессором – и мужиком. Мужик всей душой ищет народной свободы, и именно потому не ужиться мужику с партией «народной свободы». Мужик потягивается в поисках земли и воли, и от одних этих потягиваний трещит по всем швам пресловутое народолюбие пресловутой партии «народной свободы».

(«О современном политическом положении», 9 июня)

312

Цедербаум говорит: во имя дисциплины не расстраивайте политической кампании ЦК. Это – софизм. Никакая дисциплина не обязывает членов партии слепо подписывать все проекты резолюций, составленные ЦК. Нигде и никогда не бывало на свете таких правил, чтобы партийные организации отказывались от права своего суждения и превращались в ПОДПИСЫВАТЕЛЕЙ резолюций ЦК.

(«Пусть решают рабочие», 13 июня)

313

И могут ещё находиться люди, которые <...> думают и говорят, будто чьё-то «легкомыслие» призывает народ к «крайним средствам»! Не только легкомыслие нужно, нужна дряньность души, нужна политическая испорченность, чтобы говорить подобные вещи пред лицом таких событий, как сожжение Народного дома в Вологде или Белостокский погром. <...> говорить о «легкомыслии» призывов – такое же беспросветное педантство, такое же гражданское омертвление, как осуждение бешеного крика мести, несущегося с поля вологодских и белостокских сражений.

(«Реакция начинает вооружённую борьбу», 16 июня)

314

Реакционеры прямо и открыто издеваются. Прочтите сегодняшнее «Новое Время». Эти лакеи погромщиков хохочут, веселятся: «Нельзя не отметить с особенным удовольствием (!!) ту поспешность, с какой Дума запросила министра о еврейском погроме в Белостоке». Вы видите: погромщики испытывают особенное удовольствие, – лакей выбалтывает правду. Реакция довольна и белостокским погромом и тем, что можно Думу теперь ругать «еврейской» Думой. Реакция глумится: «Если следует прощать погромы собственности крестьянами в русских губерниях, как сегодня

говорили в Государственной думе, то следует точно так же прощать и погромы еврейской собственности в Западном крае».

(То же)

315

Бывает иногда, что опытные и осторожные политические деятели, хорошо понимая серьёзную ответственность за всякий сколько-нибудь важный политический шаг, посылают вперёд, вроде как на разведки, молодых и неосторожных во-як. «Туда умного не надо», – говорят себе такие деятели, предоставляя юнцам выболтать кое-что лишнее, чтобы таким путём позондировать почву.

(«Кто за союзы с кадетами?», 6 июля)

316

В чём основная ошибка всех этих оппортунистических рассуждений? В том, что в этих рассуждениях ФАКТИЧЕСКИ заменяется социалистическая теория классовой борьбы, как единственного РЕАЛЬНОГО двигателя истории, буржуазной теорией «солидарного», «общественного» прогресса. По учению социализма, т. е. марксизма (о немарксистском социализме нельзя теперь и говорить серьёзно), действительным двигателем истории является революционная борьба классов; реформы – побочный результат этой борьбы, побочный потому, что они выражают неудачные по-

пытки ослабить, притупить эту борьбу и т. д. По учению буржуазных философов, двигатель прогресса – солидарность всех элементов общества, сознавших «несовершенство» того или иного учреждения. Первое учение – материалистично, второе – идеалистично. Первое – революционное. Второе – реформистское. Первое обосновывает тактику пролетариата в современных капиталистических странах. Второе – тактику буржуазии. <...>

Мало того. Только такой тактикой мы действительно двигаем вперед дело серьёзных реформ. Это кажется парадоксом, но этот парадокс подтверждает вся история международной социал-демократии: тактика реформистов ХУЖЕ всего обеспечивает проведение реформ и их реальность. Тактика революционной классовой борьбы всего лучше обеспечивает и то и другое. НА ДЕЛЕ реформы вынуждаются именно революционной классовой борьбой, её самостоятельностью, её массовой силой, её упорством. Только в той мере, в какой сильна эта борьба, – реальны и реформы, которые ВСЕГДА лживы, двулики, пропитаны зубатовским духом. Сливая свои лозунги с лозунгами реформистской буржуазии, мы ОСЛАБЛЯЕМ дело революции, А СЛЕДОВАТЕЛЬНО, И ДЕЛО РЕФОРМ.

(«Ещё о думском министерстве», 11 июля)

пользованы нами для того, чтобы обоих почтенных акробатов свалить в яму.

(То же)

318

Неверно и близоруко мнение, что бойкот был ошибкой и бесполезным делом. Он принёс не только морально-политическую пользу, но и самую реальную, непосредственную. Он отвлёк всё внимание и все силы правительства именно на борьбу с бойкотистами. Он поставил правительство в смешное, глупое и выгодное для нас положение: положение борющегося ЗА созыв Думы. Он ослабил этим в гигантской степени внимание правительства к составу Думы. Он был, если позволительно употребить военное сравнение, фронтальной атакой или демонстрированием фронтальной атаки, без которой неприятель НЕ МОГ БЫ быть обойден с тыла. А вышло именно так, что мы, революционеры, демонстрировали фронтальную атаку, которой смертельно боялось издавшее невероятно идиотский закон правительство. Либеральные же буржуа и беспартийные революционеры воспользовались этой фронтальной атакой и сосредоточением сил неприятеля в центре для обходного движения. Они с тыла обошли врага, крадучись пролезли в Думу, переодевшись, проникли во вражеский лагерь.

Каждому своё. Пролетариат борется, буржуазия крадётся.
(«Неверные рассуждения „беспартийных“ бойкотистов»,

14 июля)

319

Газета «Речь» совсем выходит из себя. В начале направленной против нас заметки кадет выступает в белых перчатках, «не желая сказать ничего обидного». Какие джентльмены! Но в конце заметки кадет ругается, как... как околоточный. Наша оценка бойкота именуется «шутовством или непроходимой тупостью». О, кадетское джентльменство!
(«Среди газет и журналов», 17 июля)

320

Давно известно, что реакционеры смелые люди, а либералы – трусы.
(«Смелый натиск и робкая защита», 18 июля)

Роспуск Думы и задачи пролетариата

321

«Возлюбленный монарх» наплевал, можно сказать, в рожу Родичеву, который объяснялся ему в любви.

322

Либеральные профессора, как и подобает этим «идейным» прихвостням буржуазии, зовут студентов учиться, а не заниматься революцией.

С военной точки зрения для достижения известных военных целей уничтожение – напр., сожжение зданий, а иногда и имущества – есть мера вполне законная и обязательная в известных случаях. Только педанты (или изменники народу) могут особенно оплакивать то, что крестьяне прибегают всегда к таким средствам. Но незачем скрывать от себя, что иногда истребление имущества является лишь результатом неорганизованности, неумение ВЗЯТЬ СЕБЕ и удержать за собою имущество врага вместо уничтожения его, – или результатом СЛАБОСТИ, когда воюющий МСТИТ врагу, не имея силы УНИЧТОЖИТЬ, раздавить врага. Мы должны, конечно, в своей агитации всячески разъяснять крестьянам, с одной стороны – полную законность и необходимость БЕСПОЩАДНОЙ борьбы с врагом вплоть до истребления имущества, а с другой стороны – показывать, что от степени организованности зависят возможность гораздо более разумного и выгодного исхода: истребления врага (помещиков и чиновников, полиции особенно) и передачи всех и всяких имуществ во владение народа или во владение крестьян без всякой порчи (или с возможно меньшей порчей) имущества.

Надо проповедовать самым усиленным образом, что близится бой, когда ВСЯКИЙ честный гражданин обязан жерт-

водить собой и сражаться против угнетателей народа. Поменьше формальностей, поменьше волокиты, побольше простоты в организации, которая должна обладать максимумом подвижности и гибкости. Все и каждый, кто хочет стоять на стороне свободы, должны немедленно объединиться в боевые «пятки», – вольные союзы людей одной профессии, одной фабрики, или людей, связанных товариществом, партийной связью, наконец, просто местожительством (одна деревня, один дом в городе или одна квартира). Эти союзы должны быть и партийные и беспартийные, связанные одной непосредственной революционной задачей: восстанием против правительства. Эти союзы должны основываться самым широким образом и непременно до получения оружия, НЕЗАВИСИМО от вопроса об оружии.

325

Не надо только забывать, как это любят делать наши кадетофилы, что временное правительство есть прежде всего ОРГАН ВОССТАНИЯ. Хочет быть покойная Дума органом восстания? хотят быть кадеты органом восстания? Милости просим, господа! мы рады в борьбе всяким союзникам из буржуазной демократии. Если бы даже ваш союз – простите, – был для нас тем же, чем союз с Францией для России (т.е. источником денег), то мы и тогда были бы очень рады, мы реальные политики, господа. Но если ваше, кадетское участие в восстании есть простая и пустая меньшевист-

ская мечта, — то мы скажем лишь: какие же у вас маленькие и мелкие мечтания, товарищи меньшевики. Не пришлось бы только вам погибать от «безнадёжной любви» к кадетам, которые не смогут увенчать вашу страсть...

(шоль)

326

Самодержавие покрыто со всех сторон повязками и бинтами, но оно ещё держится, оно ещё скрипит и даже свирепеет тем более, чем сильнее истекает кровью. А революционные классы народа, с пролетариатом во главе их, пользуются каждым затишьем, чтобы накопить новые силы, чтобы нанести новый и новый удар врагу, чтобы вырвать, наконец, с корнем проклятую язву азиатчины и крепостничества, отравляющую Россию.

(«Перед бурей», 3 сентября)

327

Довольно с нас гегемонии трусливых кадетов, этих «глупых пингвинов», что «робко прячут тело жирное в утёсах». «Пусть сильнее грянет буря!»

(То же)

328

В общем и целом мы считаем обострение партизанской борьбы в России после роспуска Думы плюсом. Истребительная и беспощадная партизанская борьба с насильниками правительства представляется нам своевременной и целесообразной.

Второе замечание. Безусловно ошибается и глубоко ошибается ЦК нашей партии, заявляя в примечании к 4-му «письму» (к партийным организациям): «само собой разумеется, что так называемые „партизанские“ боевые выступления, по-прежнему, отвергаются партией».

ЭТО НЕВЕРНО. Мы подчиняемся решениям съезда, но **НИ В КАКОМ СЛУЧАЕ** не подчинимся постановлениям ЦК, **НАРУШАЮЩИМ** эти решения. Всякий, кто возьмёт на себя труд внимательно прочесть резолюцию Объединительного съезда, озаглавленную: «О партизанских действиях», легко увидит, что наша партия **ОТВЕРГАЕТ** один вид партизанских действий, **ДОПУСКАЕТ** другой и **РЕКОМЕНДУЕТ** третий.

Она отвергает совершенно экспроприацию частных имуществ. Она **Н Е ОТВЕРГАЕТ** экспроприации казённых средств, но обставляет её **ОСОБО СТРОГИМИ** условиями («в случае образования органов революционной власти в данной местности» И Т.Д.).

Далее, резолюция съезда признаёт партизанские действия без экспроприации имуществ, т. е. **ПРИЗНАЁТ «ТЕРРОР»**, признает **ПАРТИЗАНСКИЕ** действия с целью убийства

неприятеля. Это признание ясно и недвусмысленно выражено в первых же словах собственно резолютивной части резолюции:

«Съезд постановляет: 1) признавая НАРЯДУ (курсив везде наш) с подготовкой революционных сил к грядущему восстанию, в основе которой лежит организация рабочих масс, НЕИЗБЕЖНОСТЬ АКТИВНОЙ БОРЬБЫ против ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ТЕРРОРА И НАСИЛИЯ ЧЕРНОСОТЕНЦЕВ, необходимо...» (далее следует запрещение воровства, захвата частных средств и т. д.).

Выписанное нами РЕШЕНИЕ СЪЕЗДА совершенно ясно. «Наряду» с работой в массах признана «активная борьба» с насильниками, то есть несомненно убийство их посредством «партизанских действий».

(К событиям дня, 3 сентября)

329

Теперь мы должны, наконец, открыто и во всеуслышание признать недостаточность политических забастовок, должны агитировать в самых широких массах за вооружённое восстание, не прикрывая этого вопроса никакими «предварительными ступенями», не набрасывая никакого флера. Скрывать от масс необходимость отчаянной, кровавой, истребительной войны, как непосредственной задачи грядущего выступления, значит обманывать и себя, и народ.

(«Уроки московского восстания», 11 сентября)

330

У нас часто можно встретить теперь социал-демократов, которые хихикают, когда речь заходит о пятках и тройках. Но хихиканье есть только дешёвенький способ закрыть глаза на НОВЫЙ вопрос о тактике и организации, вызываемой уличною борьбой при современной военной технике. <...> Социал-демократия должна признать и принять в свою тактику этот массовый террор, разумеется, организуя и контролируя его...

(То же)

331

Парочка указов, манифестов, распоряжений, – и старое самодержавие царит, кучка осуждённых всеми, опозоренных и публично оплётанных казнокрадов, палачей и погромщиков снова издевается всюду над народом, снова громит, грабит, избивает, затыкает рот и отравляет воздух нестерпимым крепостническим зловонием.

(«Политика правительства и грядущая борьба», 21 сентября)

332

Латышская социал-демократическая рабочая партия (часть РСДРП) правильно выпускает в 30 000 экземплярах свою газету. В официальном отделе печатаются списки шпи-

онов, уничтожение которых есть обязанность каждого честного человека. Содействующие полиции объявляются «противниками революции» и подлежат казни, отвечая кроме того своим имуществом. <...> Назвать анархизмом, бланкизмом, терроризмом эту деятельность латышских с.-д. никто не решится.

(«Партизанская война», 13 октября)

333

Говорят: партизанская война приближает сознательный пролетариат к опустившимся пропойцам, босякам. Это верно. Но отсюда следует только то, что никогда партия пролетариата не может считать партизанской войны единственным или даже главным средством борьбы; что это средство должно быть подчинено другим, должно быть соразмерено с главными средствами борьбы, облагорожено просветительным и организующим влиянием социализма. А без этого ПОСЛЕДНЕГО условия ВСЕ, решительно все средства борьбы в буржуазном обществе приближают пролетариат к различным непролетарским слоям вверху или внизу от него и, будучи предоставлены стихийному ходу вещей, истрёпываются, извращаются, prostituiруются. Стачки, предоставленные стихийному ходу вещей, извращаются в «Alliances» – соглашения рабочих с хозяевами ПРОТИВ потребителей. Парламент извращается в публичный дом, где шайка буржуазных политиканов торгует оптом и в розницу «народ-

ной свободой», «либерализмом», «демократией», республиканизмом, антиклерикализмом, социализмом и всеми прочими ходкими товарами. Газета извращается в общедоступную сводницу, в орудие развращения масс, грубой лести низменным инстинктам толпы и т. д., и т. д.

(То же)

334

Романовы и Победоносцевы – это люди, с ног до головы покрытые кровью и грязью, отстаивающие в последней, отчаянной борьбе свои рабовладельческие права.

(«Готовится новый государственный переворот!», 13 октября)

335

Русский чиновник неповоротлив, тупоумен и азиатски продажен.

(«Опыт классификации русских политических партий», 13 октября)

336

Автор⁴⁴ громит грабежи, анархизм, бланкизм, ткачевизм, разбой на большой дороге <...> «Один из видов партизанских выступлений революционеров: экспроприация частно-

⁴⁴ Один из меньшевиков, опубликовавший статью в органе ЦК РСДРП, легальном выходившем в Петербурге.

го и казённого имущества, уже похоронен жизнью». Ведь это же прямая неправда, товарищ! Не может быть, чтобы вы не знали таких МЕНЬШЕВИСТСКИХ организаций, которые ПОСЛЕ Объединительного съезда участвовали, прямо или косвенно, в казённых эксках, в «УТИЛИЗАЦИИ» ДОБЫЧИ и т. п. Когда у социал-демократа слово расходится с делом, это уже совсем плохо. Это ведёт к лицемерию. Это зависит либо от нечистой совести (такое объяснение мы отвергаем), либо от непродуманной, бессвязной теории.

(«Заметки по поводу № 1 „Социал-демократа“», октябрь)

337

«Заплечные гуманисты» гучковского пошиба.

(«К итогам кадетского съезда», 11 ноября)

338

Из глубины страны каждый день приходят вести о том, что идея пассивного сопротивления нашла себе отклик среди народных масс. Неплатёж податей, беда рекрутов, бойкот властей начинают становиться действительно практическим лозунгом. Никто не закрывает глаз на те огромные организационные пробелы, при которых нарастает это движение. Никто не оспаривает неизбежность хаотичности в нём. Но этот хаос создаёт порядок – порядок революции, эту высшую ступень хаотических, стихийных народных взрывов.

(То же)

Бедные меньшевики, бедный Плеханов! Их любовные послания к кадетам прочтены с удовольствием, но их ещё не пускают дальше передней.

(«О блоках с кадетами», 6 декабря)

Лурье жалуется на то, что у нас преобладает в партии рабочая молодёжь, что семейных рабочих у нас мало, что они отходят от партии. <...> Нет, предоставим лучше кадетам подбирать «уставших» старцев в 30 лет, «поумневших» революционеров и ренегатов социал-демократии. Мы всегда будем партией молодёжи передового класса!

И у Лурье самого прорывается откровенное признание насчет того, почему ему так жаль уставших от борьбы семейных людей. Понабрать бы таких усталых побольше в партию, это сделало бы её «тяжелее на подъем, подрывая почву под политической авантюрой».

Вот так-то лучше, добрый Лурье! К чему лукавить и обманывать самого себя. Вам нужна не партия-авангард, а ПАРТИЯ-АРЬЕГАРД, чтобы потяжелее была на подъем. Так и надо говорить прямо!

...«Подрывать почву под политической авантюрой»...

Бывали поражения революции и в Европе, бывали июньские дни в 1848, майские в 1871 годах, но социал-демокра-

тов, коммунистов, которые бы видели свою задачу в том, чтобы объявлять «авантюрой» выступления масс в революции, — этого ещё не бывало. Для этого надо было, чтобы в революционные марксисты записались (надо надеяться, ненадолго) бесхарактерные и трусливые, неуверенные в себе и падающие духом при всяком повороте событий к реакции российские мещане, называемые, с позволения сказать, «интеллигенцией».

(«Кризис меньшевизма», 20 декабря)

341

Источник казённости меньшевизма — это тот оппортунизм, который под видом европеизма внедряют в меньшевиков Аксельрод и Плеханов. Европеизма в отражённой идеологии и привычках швейцарского мещанина нет и следа. Мещанская Швейцария, это — лакейская настоящей Европы, Европы революционных традиций и обострения классовой борьбы широких масс.

(То же)

1907 год

(№№ отрывков: 342–416)

342

То что мы мечтали о буржуазной революции без буржуазной демократии – нелепость, приписываемая нам социал-демократами правого крыла. <...> Конечно, бить с оружием в руках мы будем пока не кадета, и даже не октябриста, а ТОЛЬКО правительство и его прямых слуг, и, когда мы действительно побьём их, кадет будет за деньги так же распинаться во имя республиканской демократии, как теперь он распинается (за профессорское 20-ое число или за адвокатский гонорар) во имя монархической демократии.
(«По поводу одной статьи в органе Бунда», 2 января)

Предисловие к русскому переводу брошюры Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции»

343

Русские передовые рабочие давно знают К. Каутского, как СВОЕГО писателя, умеющего не только обосновать и разъяснить теоретическое учение революционного марксизма, но и применить его с знанием дела, с серьёзным разбором

фактов, к сложным и запутанным вопросам русской революции. И теперь, когда внимание социал-демократов чуть не всецело иногда поглощает безыдейная трескотня либеральных Петрушек, с их вольными и невольными подголосками, <...> когда унылое настроение овладевает сплошь и рядом даже порядочными людьми, принижая их умственные и политические способности, теперь втрое важнее для всех социал-демократов России внимательно прислушаться к мнению Каутского по основным вопросам русской революции. <...>

Каутский отвечает на вопросы, с которыми Плеханов обратился к ряду иностранных социалистов. И, отвечая на эти вопросы, – вернее, выбирая из этих неумно поставленных вопросов то, о чём МОЖНО вести с пользой для дела беседу между социалистами всех стран, – Каутский начинает с скромной оговорки. «По отношению к РУССКИМ товарищам я чувствую себя в положении УЧАЩЕГОСЯ, когда речь идет о русских делах». Эта скромность – не фальшивое скромничанье «генерала» от социал-демократии, который начинает с мещанских ужимок, чтобы кончить какой-нибудь выходкой бурбона. <...>

Плеханов спрашивал Каутского, во-1-х, об «общем характере» русской революции: буржуазная она или социалистическая? Во-2-х, об отношении с.-д. к буржуазной демократии. В-3-х, о поддержке с.-д. партией партий оппозиционных на выборах в Думу. Вопросы эти подобраны, на пер-

вый взгляд, очень «тонко». Но пословица не даром говорит: «Где тонко, там и рвётся». Дело в том, что в этих вопросах сколько-нибудь знающий и внимательный человек сразу видит тонкую... ПОДДЕЛКУ. Это – подделка, во-первых, в том смысле, что перед нами образчик метафизики, против которой Плеханов любит пышно декламировать, не умея изгнать её из своих собственных конкретно-исторических рассуждений. Это подделка, во-2-х, в том смысле, что вопрошаемый искусственно загоняется в одну маленькую и до убожества узкую загородочку. Только при полной, можно сказать девственной, невинности в вопросах политики можно не заметить того, как Плеханов нарочно начинает издаലെка, подталкивая легонечко вопрошаемого к оправданию... блоков с кадетами! <...> Ловить собеседника, как галчонка, на приманку амстердамской резолюции⁴⁵ <...> – разве же это не подделка? разве это не явная насмешка над диалектическим материализмом Маркса?

Да – да, нет – нет, а что сверх того, то от лукавого! Либо буржуазная, либо социалистическая революция, а остальное можно «вывести» из основного «решения» посредством простых силлогизмов! <...>

Это – старый шаблон, говорит Каутский. Нельзя так ставить вопросы, это не по-марксистски. Революция в России не буржуазная, ибо буржуазия не принадлежит к движущим силам теперешнего революционного движения России. И ре-

⁴⁵ Резолюции Амстердамского конгресса II Интернационала.

волюция в России не социалистическая, ибо она НИКОИМ ОБРАЗОМ не может привести пролетариат к ЕДИНСТВЕННОМУ господству или диктатуре. Социал-демократия может победить в русской революции и ДОЛЖНА стремиться к этому. Но победой теперешней революции не может быть победа только пролетариата без помощи других классов. Какой же класс является, в силу объективных условий теперешней революции, союзником пролетариата? КРЕСТЬЯНСТВО. <...>

Все эти положения Каутского дают самое блестящее подтверждение тактики революционного крыла российской социал-демократии, т. е. тактики большевиков. <...>

Далее, анализ Каутского, исходившего не из общих фраз, а из разбора положений и интересов определенных классов, подтвердил тот вывод, который находили «бестактным» наши кадетские подголоски, именно: что буржуазия больше боится в России революции, чем реакции, что абсолютизм она ненавидит за порождение им революции, что политической свободы она хочет для прекращения революции.

(декабрь)

344

Шайка интеллигентских языкоблудов.
(«Плеханов и Васильев», 20 января)

Г-н Струве получает возможность говорить, что «все нынешние противники к.-д. будут в недалёком будущем кадетами. „Товарищ“ уже называют кадетской газетой. Народных социалистов называют социал-кадетами, меньшевиков – полукадетами. Г. В. Плеханова многие считают кадетом, и действительно много из того, что говорит теперь Плеханов, кадеты могут приветствовать. Жаль только, что он этого не сказал, когда к.-д. были в одиночестве. Неисправимыми могут оказаться только большевики, а потому их удел – попасть в исторический музей».

Благодарим за комплимент, неловкий г. Струве! Да, мы попадём в тот исторический музей, имя которому: «история революции в России». Наши большевистские лозунги, большевистский бойкот булыгинской Думы, большевистские призывы к массовой стачке и восстанию (ещё на III съезде) связаны НЕРАЗРЫВНО И НАВСЕГДА с октябрьской революцией⁴⁶ в России. И это место в МУЗЕЕ мы используем даже в течение самых долгих (на худой конец) лет или десятилетий реакции, используем, чтобы воспитывать в пролетариате ненависть к предательской октябристско-кадетской буржуазии, воспитывать презрение к интеллигентской фразе, к мелкобуржуазной хлюпкости. Это место в МУЗЕЕ мы используем, чтобы при всяких, даже самых худых

⁴⁶ Ленин так называет события октября 1905 года.

политических условиях, проповедовать рабочим непримиримую классовую борьбу, учить их готовиться к НОВОЙ революции, – более независимой от половинчатости и дряблости буржуазии, более близкой к социалистической революции пролетариата. <...>

Если революции, вопреки нашим ожиданиям, не суждено подняться ещё раз, не суждено вырвать власть у царской шайки, – вы долго будете героем контрреволюции, а у нас будет ОДНО «место в музее», зато хорошее место: место ОКТЯБРЬСКОЙ НАРОДНОЙ БОРЬБЫ. А если революция, как мы верим, поднимется ещё раз, – от жалких кадетов в неделю не останется и следа, борьба масс пролетариата и разорённого крестьянства пойдет опять под большевистскими лозунгами.

(То же)

346

Вздохнуть позволили – в России уже свободой зовут!

(«Избирательная кампания рабочей партии в Петербурге», 27 января)

347

Ещё Чернышевский сказал: кто боится испачкать себе руки, пусть не берётся за политическую деятельность. Кто участвует в выборах и боится испачкать себе руки, расклевывая грязь буржуазного политиканства, тот пусть уходит

прочь. Наивные белоручки только вредят в политике своей боязнью прямо смотреть на суть дела.

(«Социал-демократия и выборы в Думу», 27 января)

348

Интеллигенты мнят себя образованными.

(«Услышишь суд глупца...», 28 января)

349

Русский чиновник (в 20 лет радикал, в 30 либерал, в 40 просто чиновник) привык либеральничать в 4-х стенах и показывать кукиш в кармане.

(То же)

350

Богораз такой круглый невежда в политике, что он даже и не замечает того, что ходит нагишом, – совсем как австралийский дикарь. И это – образованные политики мелкой буржуазии.

(То же)

351

Ну, что же делать, примемся за «проклятую обязанность» публициста: разжёвывать жвачку и учить азбуке.

(то же)

352

Современный газетный писатель «может» судить обо всём, но понимать дела он не понимает, и знаний у него нет.
(То же)

353

Милюков беседует на аудиенции со Столыпиным: «Извольте видеть, ваше-ство, я расколол революцию и оторвал от неё умеренных! На чаёк бы с вашей милости»... Столыпин: «Н-да, я походатайствую о вашей легализации. Знаете, Павел Николаич, вы лаской раздробляйте рабочую сволочь, а я её дубьём буду. Вот мы тогда с обеих сторон... По рукам, Павел Николаич!»

(«Со ступеньки на ступеньку», 1 февраля)

354

Эсеры точно нарочно тушат все свечи, – подобно людям, желающим в темноте проделывать тёмные делишки.

(«Выборная кампания социал-демократии в Петербурге», 3 февраля)

355

Прямая политика – самая лучшая политика. Принципиальная политика – самая практичная политика.

(То же)

Ведь всем известно, что «диссиденты»⁴⁷ тоже большевики.

(«Протест 31-го меньшевика», 7 февраля)

Плеханов поспешил разыграть кающегося интеллигента: «Не нужно было браться за оружие».

Маркс в СЕНТЯБРЕ 1870 ГОДА, ЗА ПОЛГОДА до Коммуны, прямо предупредил французских рабочих: восстание будет БЕЗУМИЕМ, сказал он в известном адресе Интернационала. Он вскрыл ЗАРАНЕЕ националистические иллюзии насчет возможности движения в духе 1792 г. Он умел НЕ ЗАДНИМ ЧИСЛОМ, а за много месяцев сказать: «Не надо браться за оружие».

И как он повёл себя, когда это БЕЗНАДЁЖНОЕ, по его собственному сентябрьскому заявлению, дело стало осуществляться в марте 1871 года? Может быть, Маркс использовал это (как Плеханов декабрьские события) только для «ущемления» своих врагов, прудонистов и бланкистов, руководивших Коммуной? Может быть, он стал брюзжать, как классная дама: я говорил, я предупреждал, вот вам ваша романтика, ваши революционные бредни? Может быть, он проводил коммунаров, как Плеханов декабрьских борцов, нази-

⁴⁷ Диссидентами на партийном жаргоне называли в тот период социал-демократов, выступающих за соглашение с эсерами.

данием самодовольного филистера: «Не надо было братья за оружие»?

Нет. 10-го апреля 1871 года Маркс пишет ВОСТОРЖЕННОЕ письмо Кугельману, — письмо, которое мы повесили бы охотно на стенке у каждого русского социал-демократа, у каждого русского грамотного рабочего. <...> И он поёт настоящую осанна руководимым прудонистами и бланкистами парижским «ГЕРОЙСКИМ» рабочим. «Какая гибкость, — пишет он, — какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан!» <...>

И, как УЧАСТНИК массовой борьбы, которую он переживал со всем свойственным ему пылом и страстью, сидя в изгнании в Лондоне, Маркс принимается критиковать НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ШАГИ «безумно-храбрых» парижан, «ГОТОВЫХ ШТУРМОВАТЬ НЕБО».

О, как насмехались бы тогда над Марксом наши нынешние «реальные» мудрецы из марксистов, разносящие в России 1906–1907 гг. революционную романтику! Как издевались бы люди над МАТЕРИАЛИСТОМ, ЭКОНОМИСТОМ, врагом утопий, который преклоняется перед «попыткой» штурмовать НЕБО! Сколько бы слёз, снисходительного смеха или сострадания пролили всякие человеки в футляре по поводу бунтарских тенденций, утопизма и проч. и проч., по поводу этой оценки к небу рвущегося движения!

А Маркс не проникся премудростью пескарей, боящихся обсуждать ТЕХНИКУ высших форм революционной борь-

бы. Он обсуждает именно ТЕХНИЧЕСКИЕ вопросы восстания. Оборона или наступление? – говорит он, как если бы военные действия шли под Лондоном. И он решает: непременно наступление, «НАДО БЫЛО СЕЙЧАС ЖЕ ИДТИ НА ВЕРСАЛЬ...».

*(«Предисловие к русскому переводу писем К. Маркса»,
18 февраля)*

358

Всякие Милюковы разнервничались до того, что разделись нагишом и завопили о «красных тряпках» <...> Плачет, тоскует выхолощенная душа российского либерала: неужели, дескать, опять «политика стихийных рефлексов». Да, жалкие герои жалкого безвременья! ОПЯТЬ революция.

(«Вторая Дума и вторая волна революции», 24 февраля)

359

Плеханов сравнил себя в шутку с римским полководцем, который казнил сына за преждевременный бой. Шутка остроумная. Ну, если бы я был «сыном» в момент РЕШИТЕЛЬНОГО боя, когда «силы революции УЖЕ ПЕРЕРОСЛИ силы правительства», я бы, ни секунды не колеблясь, ЗАСТРЕЛИЛ (или, по-римски, заколол) «ПАПАШУ», дающего лозунг сделки с реакцией, и спокойно предоставил бы будущим Моммзенам разбираться в том, был ли мой поступок убийством изменника, казнью его или преступлением про-

тив чинопочитания. <...> Сын римского полководца всё же победил – острит Плеханов – в своём преждевременном бою, а за большевиками числятся пока одни только поражения. Плохая у вас память, т.Плеханов. <...> Развитие революции принесло ПОЛНУЮ ПОБЕДУ большевизма, от которого в октябрьско-ноябрьские дни меньшевики отличались только увлечениями Бронштейна.

(«О тактике оппортунизма», 8 марта)

360

Мы, с.-д. революционеры, ДОЛЖНЫ не только вести работу в пользу буржуазной революции, но и возглавлять её, направлять её, ВМЕСТЕ С КРЕСТЬЯНАМИ, против царизма и ПРОТИВ ЛИБЕРАЛОВ.

Может быть, лучше будет сказать: «...в совместной работе не с либеральной буржуазией, которая хочет положить конец революции, а с демократическим крестьянством против подлости и предательства буржуазии, которая со дня на день становится всё более контрреволюционной».

Мы, большевики, мы ТОЖЕ за участие пролетариата в БУРЖУАЗНОЙ революции. Но мы считаем, вместе с К. Каутским, что именно вместе с крестьянами, а вовсе не с либералами, пролетариат может довести буржуазную революцию до победного конца.

(Письмо Э. Авенару 14 марта)

361

Такие как г. Ланде сами заколдовали себя словесными пу-
стышками, сами загнали себя в тупик слащавых фраз и те-
перь плачут, жалуются, тоскуют... Поистине, образец расте-
рянного, слезоточивого и импотентного филистера.

(«Близкий разгон Думы и вопросы тактики», 17 марта)

362

За наименование трудовиков «последовательными сто-
ронниками революции» мы вас формально должны об-
винить в ЭСЕРСТВУЮЩЕЙ ЕРЕСИ. Последовательным
(в строгом смысле слова) сторонником буржуазной револю-
ции может быть ТОЛЬКО пролетариат.

(«Как не следует писать резолюций», 1 апреля)

363

Педераки⁴⁸.

(То же)

Проект речи по аграрному вопросу во II Думе

364

А я скажу вам: вся история помещичьего землевладения
и хозяйства в России, все данные о теперешнем помещичьем

⁴⁸ О членах партии демократических реформ.

хозяйстве показывают, что помещичье «РУКОВОДСТВО» всегда означало и означает безмерные насилия над крестьянами, бесконечное надругательство над личностью крестьян и крестьянок, означает самую бессовестную, бесстыдную, нигде в мире невиданную эксплуатацию (по-русски это значит: ограбление) крестьянского труда. Такой задавленности и забитости, такой нищеты, как у русских крестьян, не найти не только в Западной Европе, но и в Турции.

365

Крепостное право СЧИТАЕТСЯ отменённым. Но на деле у помещиков осталась и до сих пор такая власть в руках (благодаря награбленным ими землям), что они и теперь держат крестьянина в крепостной зависимости – ПОСРЕДСТВОМ ОТРАБОТКОВ. Отработки, это и есть современное крепостничество. Когда мой товарищ Церетели в своей речи по поводу декларации правительства говорил о крепостническом характере помещичьего землевладения и всей теперешней государственной власти в России, – то одна газета, пресмыкающаяся пред правительством, – имя этой газеты «Новое Время», – подняла крик о неправде, сказанной депутатом Церетели. Нет, депутат социал-демократической рабочей партии сказал правду. Только круглые невежды или продажные писаки могут отрицать это. <...> «свободный» русский крестьянин в XX веке всё ещё вынужден идти в кабалу к соседнему помещику – СОВЕРШЕННО ТАК ЖЕ, как

в XI веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская правда») и «записывались» за помещиками!

366

У помещиков, конечно, лучший скот, которому живётся в барской конюшне лучше, чем мужику в крестьянской избе. У помещика, конечно, лучшие урожаи, потому что помещичьи комитеты ещё в 1861 году позаботились отрезать лучшие земли от крестьян и записать их помещикам. Но о «культурности» хозяйства русских помещиков можно говорить только в насмешку. <...> Помещичья «культура» есть сохранение помещичьего крепостничества. Помещичья культура есть ростовщичество по отношению к обнищавшему крестьянину, которого обирают, как липку <...> И эти господа с правых скамей толкуют ещё об эксплуатации крестьян евреями, о еврейских процентах! Да тысячи евреев-купцов не оберут так русского мужика, как обирают его истинно русские, православные помещики!

367

Не приходится говорить и о переселениях крестьян в Сибирь. <...> Пусть сами господа помещики, если они действительно верят в пользу переселений в Сибирь, – сами переселятся в Сибирь!

368

Социал-демократы не разделяют воззрений христианской религии. Мы думаем, что **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ** общественное, культурное и политическое значение и содержание христианства **ВЕРНЕЕ** выражается взглядами и стремлениями таких духовных лиц, как епископ Евлогий, чем таких, как священник Тихвинский. Вот почему и в силу нашего научного, материалистического мировоззрения, чуждого всяких предрассудков, и в силу наших общих задач борьбы за свободу и счастье всех трудящихся мы, социал-демократы, относимся отрицательно к христианскому учению. Но, заявляя это, я считаю своим долгом сейчас же, прямо и открыто сказать, что социал-демократия борется за полную свободу совести и относится с полным уважением ко всякому искреннему убеждению в делах веры, раз это убеждение не проводится в жизнь путём насилия или обмана. Я тем более считаю себя обязанным подчеркнуть это, что намерен говорить о своих разногласиях с **СВЯЩЕННИКОМ** Тихвинским, — депутатом от крестьян, достойным всякого уважения за его искреннюю преданность интересам крестьянства, интересам народа, которые он безбоязненно и решительно защищает.

(8 апреля)

Утята поплыли. Наседки ДОЛЖНЫ выбрать: по воде или по суше? Ответ, даваемый ими (этот ответ можно довольно точно передать словами: и не по воде и не по суше, а ПО ГРЯЗИ), не есть ответ, а отсрочка, оттяжка.

(«Сердитая растерянность», апрель)

370

НА ДЕЛЕ советы рабочих депутатов и подобные им учреждения были органами восстания. Их сила и успех всецело зависели от силы и успеха восстания. Их возникновение только тогда было не комедией, а подвигом пролетариата, когда нарастало восстание. При новом подъёме борьбы, при переходе её в ЭТУ ФАЗУ неизбежны и желательны, конечно, подобные учреждения. Но их историческое развитие должно заключаться не в схематическом продолжении местных советов рабочих депутатов до всероссийского рабочего съезда, а в превращении зачаточных органов революционной власти (именно такими органами были советы рабочих депутатов) в центральные органы победившей революционной власти, в революционное временное правительство. Советы рабочих депутатов и их объединение необходимы для победы восстания. Победившее восстание неминуемо создает ИНЫЕ органы.

(То же)

371

Что же это такое, наконец, «тактическая платформа» меньшевиков? Тактическая ли платформа, обдуманная и взвешенная перед съездом самыми выдающимися вождями социал-демократической рабочей партии, или вопль мелкобуржуазных интеллигентов, тоскующих среди неподходящей им пролетарской обстановки?

(«Тактическая платформа меньшевиков», апрель)

372

Черносотенцев трудно ненавидеть: чувство тут уже умерло, как умирает оно, говорят, на войне после длинного ряда сражений, после долгого опыта стрельбы в людей и пребывания среди рвущихся гранат и свистящих пуль. Война есть война, – и с черносотенцами идёт открытая, повсеместная, ПРИВЫЧНАЯ война.

Но кадетский Иудушка Головлев способен внушить самое жгучее чувство ненависти и презрения. <...> Разве можно спокойно слушать и оставлять без бичующего ответа такие речи:

«День, когда дебаты в Таврическом дворце будут казаться такой же неизбежной принадлежностью дня, как обед днём и театр вечером, когда программа дня будет интересоваться не всех вместе, а тех или других специально (!!), когда дебаты об общей политике станут исключением, а упражнения в беспредметном красноречии сделаются фактически невозможны, вследствие отсутствия слушателей, – этот день мож-

но будет приветствовать, как день окончательного торжества представительного правления в России».

Это ты, Иудушка! День, когда секомые вместо «дебатов» будут молчать, теряя сознание, когда старая помещичья власть (ПОДКРЕПЛЁННАЯ «либеральными» реформами) будет так же обеспечена помещикам, как обеспечен либеральным Иудушкам обед днем, а театр вечером, – этот день будет днём окончательного торжества «народной свободы». <...> ТАК БЫЛО – при всех европейских изменах буржуазии. ТАК БУДЕТ... будет ли так, господа, в России?

(«Торжествующая пошлость или кадетствующие эсеры», 16 апреля)

373

Да, много ошибались и часто ошибались Маркс и Энгельс в определении близости революции, в надеждах на победу революции (например, в 1848 г. в Германии), в вере в близость германской «республики» («умереть за республику», писал про ту эпоху Энгельс, вспоминая своё настроение, как участника военной кампании за имперскую конституцию – 1848–1849 годы). Они ошибались в 1871 году, когда заняты были тем, чтобы «поднять юг Франции, для чего они жертвовали и рисковали всем, что было в силах человека...». В том же письме: «Если бы у нас в марте и апреле было побольше денег, то мы подняли бы всю южную Францию и спасли бы Парижскую Коммуну». Но ТАКИЕ ошиб-

ки гигантов революционной мысли, поднимавших и поднявших пролетариат всего мира над уровнем мелких, будничных, копеечных задач, – в тысячу раз благороднее, величественнее и ИСТОРИЧЕСКИ ЦЕННЕЕ, ПРАВДИВЕЕ, чем пошлая мудрость казённого либерализма, ноющего, вопиющего, взывающего и глаголющего о суете революционных сует, о тщетности революционной борьбы, о прелести контрреволюционных «конституционных» бредней...

(Предисловие к переписке Ф. А. Зорге, 23 апреля)

Дума и русские либералы

374

Статья г. Португалова называется «Дума и общество». Под обществом разумеется здесь, согласно старинному русскому словоупотреблению, кучка либеральных чиновников, буржуазных интеллигентов, тоскующих рантье и прочей высокомерной, самодовольной, бездельничающей публики, которая мнит себя солью земли, гордо называет себя «интеллигенцией», творит «общественное мнение» и т. д. и т. д.

375

Усталость буржуазии и её тяготение к «лёгкой» беллетристике – явление не случайное, а неизбежное. Группировка населения по партиям, – этот важнейший урок и важнейшее политическое приобретение революции во время выбо-

ров во II Думу, – наглядно показала на фактах общенационального масштаба этот поворот широких слоёв помещиков и буржуазии вправо. «Общество» и «интеллигенция» – просто жалкий, убогий, трусливо-подленький прихвостень этих верхних десяти тысяч.

Большая часть буржуазной интеллигенции живёт с теми и кормится около тех, кого потянуло прочь от политики. Лишь немногие интеллигенты идут в кружки пропагандистов рабочей партии, которые по опыту знают «ВОЛЧИЙ ГОЛОД» народных масс на политическую книжку, газету и на социалистическое знание. Но, конечно, такие интеллигенты идут если не на геройскую смерть, то действительно на геройскую каторжную жизнь плохо оплачиваемого, полуголодного, вечно переутомлённого, издёрганного до невозможности партийного «рядовика». Вознаграждением ТАКОЙ интеллигенции служит то, что она избавилась от навозных куч «общества» и забыла думать о равнодушии ЕЁ аудитории к общественно-политическим вопросам. А ведь «интеллигент», не умеющий найти себе равнодушной к этим вопросам аудитории, так же похож на «демократа» и на интеллигента в хорошем смысле слова, как продавшаяся за деньги в законный брак женщина похожа на любящую жену. И здесь и там – простые разновидности официально-благоприличной и вполне легальной проституции.

Левые же партии лишь постольку действительно являются левыми и заслуживают этого названия, поскольку они вы-

ражают интересы и отражают психологию НЕ «общества», НЕ кучек всякой ноющей интеллигентской дряни, а народных низов, пролетариата и известной части мелкобуржуазной, сельской и городской, массы. Левые партии – это те, аудитория которых НИКОГДА не бывает равнодушна к общественно-политическим вопросам, – как никогда не бывает голодный равнодушен к вопросу о куске хлеба. «Поход против Думы» этих левых партий есть отражение известного течения в народных низах, есть отзвук некоторого массового... ну, скажем, что ли, возбуждения против самодовольных нарциссов, влюблённых в окружающие их навозные кучи.

Один из таких нарциссов, г. Португалов, пишет: «Психология народных масс для переживаемого периода величина абсолютно неизвестная, и никто не поручится, что эти массы будут иначе реагировать на роспуск второй Думы, чем они реагировали на роспуск первой Думы».

Чем это отличается от психологии «честной женщины» из буржуазного общества, которая говорит: никто не поручится, что я не выйду замуж по любви за того, кто за меня дороже заплатит?

А ваши собственные чувства, мадам, никакой никому порукой не могут служить? А вы, господа Португаловы, не чувствуете себя частичкой «народных масс», не чувствуете себя участником (не зрителем только), не сознаёте себя одним из творцов общего настроения, одним из двигателей вперед?

(23 апреля)

376

С точки зрения психики совершенно ясно, что разрыв всякой организационной связи между товарищами УЖЕ означает **КРАЙНЮЮ СТЕПЕНЬ** взаимного озлобления и вражды, перешедшей в ненависть.

(Доклад по поводу петербургского раскола и связанного с ним учреждения партийного суда на V съезде РСДРП, апрель)

377

Говорят: боритесь, но только не отравленным оружием. Это очень красивое и эффектное выражение, спора нет. Но оно представляет из себя либо красивую пустую фразу, либо выражает в расплывчатой и неясно-смутной форме ту самую мысль о борьбе, сеющей ненависть, отвращение, презрение в массе к противникам, – о борьбе, недопустимой в единой партии, и неизбежной, необходимой при расколе в силу самого существа раскола. <...> Как ни вертите вы этой фразы или этой метафоры, вы не выжмете из неё ни грана реального содержания, кроме той же самой разницы между лояльным и корректным способом борьбы посредством убеждения внутри организации и способом борьбы посредством раскола, т. е. разрушением враждебной организации,

путем возбуждения в массе ненависти, отвращения, презрения к ней. Отравленное оружие, это – нечестные расколы, а не истребительная война, вытекающая из совершившегося раскола.

Существуют ли пределы допустимой борьбы на почве раскола? Партийно допустимых пределов такой борьбы нет и быть не может, ибо раскол есть прекращение существования партии. <...> Если вы раскололись со мной, вы не можете требовать от меня большего, чем от кадета, или эсера, или человека с улицы и т. д. <...> Всякому, кто поднял бы такую жалобу, посмеялись бы только в лицо: не устраивайте раскола, не пускайте в ход «отравленного оружия» раскола или не жалуйтесь потом на то, что поднявшие отравленный меч от отравленного меча и погибают!

(То же)

378

Говорят: «нельзя решать серьёзные тактические вопросы большинством в десяток голосов». Ну, разве же это не софизм? Разве это не бессильная увёртка от принципиальности в сторону беспринципности?

(Речь во время прений по вопросу о порядке дня на V съезде РСДРП, 15 мая)

379

Буржуазная демократия неспособна бороться даже за де-

мократию.

(Речь по докладу о деятельности думской фракции на V съезде РСДРП, 21 мая)

380

Бebelь сказал: если нужно для дела, хоть с чёртовой бабушкой войдём в сношения. Бебелль прав, товарищи: ЕСЛИ НУЖНО ДЛЯ ДЕЛА, тогда можно и с чёртовой бабушкой.

(То же)

381

Удивляюсь, что меньшевики боятся назвать съезд V. Неужели наша история для кого-нибудь тайна?⁴⁹

(Реплика на V съезде РСДРП, 1 июня)

382

Успокойтесь, товарищи, вам всё равно меня не перекричать.

(Замечания во время прений по вопросу о перебаллотировке на V съезде РСДРП, 1 июня)

383

Буржуазная печать усиленно пользуется вынужденным молчанием с.-д. и «полулегальностью» Лондонского съез-

⁴⁹ Поскольку III съезд, созданный Лениным, меньшевики не признавали, то предпочитали называть IV и V съезды «Объединительным» и «Лондонским».

да, чтобы клепать на большевиков, как на мёртвых. Конечно, без ежедневной газеты нам нечего и думать угоняться за беспартийным «Товарищем», где бывший социал-демократ Крыленко, затем г. Носарь и tutti quanti отплясывают настоящий канкан, — благо, протоколов нет, и врать можно безнаказанно. В статьях этих Крыленок, Носарей и Ко нет ничего, кроме обычной злобности беспартийных буржуазных интеллигентов, так что на эти статьи достаточно указать, чтобы они встречены были заслуженным ими презрением. Другое дело — беседа с г. Струве, переданная «Биржёвкой» и до сих пор, кажется, не опровергнутая. Кроме презрения, она заслуживает научного внимания к этому... экземпляру. <...> г. Струве пишет о «авантюристской политике левых», с их «ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ ТЁМНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИНКТОВ (!) НЕРАЗВИТОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ МАССЫ». «Социальные инстинкты» — безграмотно, но тем рельефнее в своей безграмотности. Писания г. Струве будут, видимо, тем безграмотнее и тем яснее, чем ближе этот господин будет приближаться к недалеко уже стоящему от него Союзу русского народа.

(«Отношение к буржуазным партиям», июль)

384

На первый взгляд, позиция меньшевиков в этом вопросе действительно может показаться столь же непререкаемой, как позиция человека, самодовольно поучающего своих

ближних, что лошади кушают овес. В эпоху нарождающегося конституционализма провозглашать борьбу с конституционными иллюзиями! Разве это не анархизм? Разве это не сапоги всмятку?

Опошление вопроса, производимое при помощи благовидной ссылки на простой здравый смысл в таких рассуждениях, основывается на том, что обходят молчанием особый период русской революции, ЗАБЫВАЮТ О БОЙКОТЕ БУЛЫГИНСКОЙ ДУМЫ, подменяют конкретные ступени пройденного нашей революцией пути общим обозначением всей, прошлой и будущей, нашей революции в целом, как революции, порождающей конституционализм. Это — образчик нарушения метода диалектического материализма людьми, которые, подобно Плеханову, с наибольшим пафосом об этом методе говорили.

(«Против бойкота», 9 июля)

385

Дубасовыми и Столыпинами сочиняемая, Дубасовыми и Столыпинами признаваемая, Дубасовыми и Столыпинами охраняемая, прости господи, «конституция».

(То же)

386

Идейные вожди либерализма, вроде Зомбарта, не даром ненавидят от всей души революционность в деятельности

и в литературных произведениях Маркса, относя её на счёт «озлобленности эмигранта». Ведь это так под стать клопам полицейско-буржуазной университетской науки – сводить к личной озлобленности, к личным тягостям...

(То же)

387

Нам надо позаботиться, – и кроме нас некому будет позаботиться, – о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни <октябрьской стачки и декабрьского восстания> гораздо подробнее, детальнее и основательнее, чем те месяцы «конституционного» удушья и балалайкинско-молчалинского преуспеяния, о которых при благосклонном попустительстве Столыпина и его цензурно-жандармской свиты благовестят так усердно органы нашей партийно-либеральной и беспартийно-«демократической» (тьфу! тьфу!) печати.

(То же)

388

Никогда не были мы «очарованы» прелестями «думской» конституции, не может нас и разочаровать особенно переход от реакции, подкрашенной и родичевской фразой политой, – к реакции голой, открытой, грубой. Может быть, даже последняя – гораздо лучшее средство для отрезвления всяких

хамствующих либеральных дурачков или сбитых ими с толку групп населения...

(То же)

Памяти графа Гейдена

389

Господа «порядочные люди» российской просвещённой демократии! Вы отупляете русский народ и заражаете его миазмами низкопоклонства и холопства во сто раз более, чем пресловутые черносотенцы, Пуришкевич, Крушеван, Дубровин, с которыми вы ведете такую усердную, такую либеральную, такую дешёвенькую, такую выгодную и безопасную для вас войну. Вы пожимаете плечами и обращаетесь ко всем «порядочным людям» вашего общества с пренебрежительной усмешкой по адресу столь «нелепых парадоксов»? Да, да, мы знаем прекрасно, что ничто в мире не способно поколебать вашего пошленького либерального самодовольства.

Именно потому и радуемся мы, что нам удалось всей своей деятельностью отгородить себя прочной стеной от круга порядочных людей российского образованного общества.

<...> Черносотенцы озлобляют насилиями и зверствами, в которых участвуют полиция и войска. Черносотенцы возбуждают к себе ненависть и презрение своими мошенничествами, подвохами, подкупам. Черносотенцы организуют

на правительственные деньги кучки и шайки пропойц, способных действовать только с разрешения полиции и по наущению её. Во всём этом нет и следа сколько-нибудь опасного идейного влияния на сколько-нибудь широкие слои населения.

И, наоборот, столь же несомненно, что такое влияние оказывает ваша легальная, либеральная и «демократическая» пресса. Выборы в I и II Государственную думу, собрания, союзы, учебное дело – всё доказывает это.

А рассуждение «Товарища» по поводу смерти Гейдена показывает воочию, каково это идейное влияние.

«...Тяжелая утрата... прекрасный образ... счастливый удел... был прежде всего ЧЕЛОВЕК».

Помещик граф Гейден благородно либеральничал до октябрьской революции. Сейчас же после первой победы народа, после 17 октября 1905 года, он без малейших колебаний перешёл в лагерь контрреволюции, в партию октябристов, в партию озлобленного против крестьян и против демократии помещика и крупного капиталиста. В I Думе сей благородный мужчина защищал правительство, а после разгона первой Думы договаривался, – но не договорился, – об участии в министерстве. Таковы основные крупнейшие этапы в жизненной карьере этого типичного контрреволюционного помещика.

И вот являются прилично одетые, просвещённые и образованные господа, <...> и проповедуют народу, вознеся

очи горе: «Редкий и счастливый удел!.. Покойный граф был прежде всего ЧЕЛОВЕК».

<...> Вы, господа просвещённые демократы, вы – просто слезоточивые дурачки, прикрывающие либеральным юродством свою неспособность быть чем-либо иным, как культурными лакеями того же помещичьего класса.

Влияние помещиков на народ не страшно. Обмануть сколько-нибудь широкую рабочую и даже крестьянскую массу сколько-нибудь надолго никогда им не удастся. Но влияние ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, непосредственно не участвующей в эксплуатации, обученной оперировать с общими словами и понятиями, носящейся со всякими «хорошими» заветами, иногда по искреннему тупоумию возводящей своё междуклассовое положение в ПРИНЦИП внеклассовых партий и внеклассовой политики, – влияние этой буржуазной интеллигенции на народ опасно. Тут и только тут есть налицо заражение широких масс, способное принести действительный вред, требующее напряжения всех сил социализма для борьбы с этой отравой.

– Гейден был человек образованный, культурный, гуманный, терпимый, – захлёбываются либеральные и демократические слюнтяи, воображая себя возвысившимися над всякой «партийностью» до «общечеловеческой» точки зрения.

Ошибаетесь, почтеннейшие. Эта точка зрения не общечеловеческая, а общехолопская. Раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер.

Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам. Вот вы именно такие хамы, господа из «Товарища». Вы с омерзительным благодушием умиляетесь тем, что контрреволюционный помещик, поддерживавший контрреволюционное правительство, был образованный и гуманный человек.

Вы не понимаете того, что, вместо того, чтобы превращать раба в революционера, вы превращаете рабов в холопов. Ваши слова о свободе и демократии – напускной лоск, заученные фразы, модная болтовня или лицемерие. Это размалёванная вывеска. А сами по себе вы – гробы повапленные. Душонка у вас насквозь хамская, а вся ваша образованность, культурность и просвещённость есть только разновидность квалифицированной проституции. Ибо вы продаёте свои души и продаёте не только из нужды, но и из «любви к искусству»!

<...> Вы бессмысленно повторяете отрывки демократических лозунгов, не понимая АЗБУКИ демократии.

Ибо демократия, – запомните это себе, господа порядочные люди из порядочного общества, – означает борьбу против того самого господства над страной контрреволюционных помещиков, каковое господство поддерживал г. Гейден и воплощал во всей своей политической карьере.

– Гейден был человек образованный, – умиляются наши салонные демократы. Да, мы уже это признали и охотно признаём, что он был образованнее и УМНЕЕ (это не всегда бывает соединено с образованностью) самих демократов, ибо он лучше понимал интересы СВОЕГО класса и СВОЕГО контрреволюционного общественного движения, чем вы, господа из «Товарища», понимаете интересы освободительного движения. Образованный контрреволюционный помещик умел тонко и хитро защищать интересы своего класса, искусно прикрывал флером благородных слов и внешне-го джентльменства корыстные стремления и хищные аппетиты крепостников, настаивал (перед Столыпинскими) на ограждении этих интересов наиболее цивилизованными формами классового господства. Всё своё «образование» Гейден и ему подобные принесли на алтарь служения ПОМЕЩИЧЬИМ интересам. Для действительного демократа, а не для «порядочного» хама из русских радикальных салонов это могло бы послужить великолепной темой для публициста, показывающего ПРОСТИТУИРОВАНИЕ образования в современном обществе.

Когда «демократ» болтает об образованности, он хочет вызвать в уме читателя представление о богатых знаниях, о широком кругозоре, об облагораживании⁵⁰ ума и сердца. Для господ Гейденов образование – лёгонький лак, дрессировка, «натасканность» в джентльменских формах обделывания са-

⁵⁰ Так в тексте.

мых грубых и самых грязных политических гешефтов. <...>
– Гейден был «человек», – захлёбывается от восторга салонный демократ. Гейден был гуманен. – Это умиление гуманностью Гейдена заставляет нас вспомнить не только Некрасова и Салтыкова, но и «Записки охотника» Тургенева. Перед вами – цивилизованный, образованный помещик, культурный, с мягкими формами обращения, с европейским лоском. Помещик угощает гостя вином и ведёт возвышенные разговоры. «Отчего вино не нагрето?» – спрашивает он лакея. Лакей молчит и бледнеет. Помещик звонит и, не повышая голоса, говорит вошедшему слуге: «Насчет Фёдора... распорядиться».

Вот вам образчик гейденовской «гуманности» или гуманности а la Гейден. Тургеневский помещик тоже «гуманный» человек... по сравнению с Салтычихой, например, настолько гуманен, что не идёт сам в конюшню присматривать за тем, хорошо ли распорядились выпороть Фёдора. Он настолько гуманен, что не заботится о мочении в солёной воде розог, которыми секут Фёдора. Он, этот помещик, не позволит себе ни ударить, ни избранить лакея, он только «распорядится» издали, как образованный человек, в мягких и гуманных формах, без шума, без скандала, без «публичного оказательства»...

Совершенно такова же гуманность Гейдена. Он сам не участвовал в порке и истязании крестьян с Луженовскими и Филоновыми. Он не ездил в карательные экспеди-

ции вместе с Ренненкампами и Меллерами-Закомельскими. Он не расстреливал Москвы вместе с Дубасовым. Он был настолько гуманен, что воздерживался от подобных подвигов, предоставляя подобным героям всероссийской «конюшни» «распоряжаться» и руководя в тиши своего мирного и культурного кабинета политической партией, которая поддерживала правительство Дубасовых и вожди которой пили здравицу победителю Москвы Дубасову... Разве это не гуманно в самом деле: посылать Дубасовых «насчет Фёдора распорядиться» вместо того, чтобы быть на конюшне самому? Для старых баб, ведущих отдел политики в нашей либеральной и демократической печати, это – образец гуманности... – Золотой был человек, мухи не обидел!

390

Что такое российский либерально-демократический филистер кадетского и околкадетского лагеря? Пустая кишка, полная трусости и надежды, что контрреволюционный помещик сжалится!

(шоль)

391

Ввиду того, что в настоящее время мы считаем метод террора не достигшим цели, так как сейчас единственным ме-

тодом борьбы должна являться научная пропаганда и государственная дума как агитационная трибуна. Мы оставляем за собою право, оставаясь в партии, не гарантировать постановления о терроре и в случае, если и ЦК одобрит постановления конференции, совсем уйти из партии.

(Заявление⁵¹ на заседании большевистской фракции III конференции РСДРП, 5 августа)

392

Господин Громан только чуточку пооткровеннее и чуточку больше обнажился <...> Не в словечке ведь дело, не в названии вещи «слиянием» или «соглашением». Дело в том, каково реальное содержание этого «СОВОКУПЛЕНИЯ». Дело в том, ЗА КАКУЮ ЦЕНУ предлагаете вы социал-демократической рабочей партии стать содержанкой либерализма. <...> Что касается формы выступления г-на Громана, то она донельзя характерна для нашего времени, когда «образованное общество», отрекаясь от революции, хватается за порнографию.

(«Заметки публициста», 4 сентября)

393

Русский интеллигент, как и всякий полуобразованный мещанин...

(То же)

⁵¹ Кроме Ленина подписано Н.А.Рожковым.

Мы должны неустанно разъяснять пролетариату теоретические истины, касающиеся сущности классовых интересов буржуазии и мелкой буржуазии в капиталистическом обществе. Но эти истины войдут в плоть и кровь действительно широких пролетарских масс лишь тогда, когда эти классы будут видеть, осязать поведение партий того или иного класса, — когда к ясному сознанию их классовой природы прибавится непосредственная реакция пролетарской психики на всё обличье буржуазных партий. Нигде в мире, может быть, буржуазия не проявила в буржуазной революции такого реакционного зверства, такого тесного союза со старой властью, такой «свободы» от чего-нибудь хоть отдалённо похожего на искренние симпатии к культуре, к прогрессу, к охране человеческого достоинства, как у нас, — пусть же наш пролетариат вынесет из русской буржуазной революции тройную ненависть к буржуазии и решимость к борьбе против неё. Нигде в мире, вероятно, мелкая буржуазия — начиная от «народных социалистов» и трудовиков и кончая затесавшимися в социал-демократию интеллигентами — не проявляла такой трусости и бесхарактерности в борьбе, такого подлого разгула ренегатских настроений, такой угодливости по отношению к героям буржуазной моды или реакционного насилия, — пусть же наш пролетариат вынесет из нашей буржуазной революции тройное презрение к мелкобуржуазной

дряблости и неустойчивости. Как бы ни шла дальше ваша революция, какие бы тяжёлые времена ни приходилось подчас переживать пролетариату, – эта ненависть и это презрение сплотят его ряды, очистят его от негодных выходцев из чужих классов, увеличат его силы, закалят его для нанесения тех ударов, с которыми он обрушится в своё время на всё буржуазное общество.

(То же)

395

В настоящее время рассуждать о преувеличении «Искрой» (В 1901 И 1902 ГОДУ!) идеи организации профессиональных революционеров, это всё равно, как если бы ПОСЛЕ русско-японской войны стали упрекать японцев за преувеличение русских военных сил, за преувеличенные заботы до войны о борьбе с этими силами. Японцам надо было собрать все силы против максимально возможных русских сил, чтобы одержать победу.

(Предисловие к сборнику «За 12 лет», сентябрь)

396

Кстати, по поводу указания Гехта на продажу молока крестьянами для покупки более дешёвого маргарина. Казалось бы, это – самый общеизвестный факт для экономиста. Маркс ещё в 1847 году в «Нищете философии» указывал на это ухудшение народного питания капитализмом. В Рос-

сии ещё со времен Энгельгардта (70-ые годы) много, много раз отмечали это явление все, сколько-нибудь добросовестно изучавшие прогресс капитализма в молочном хозяйстве. «Учёный» Давид этого не заметил. Он даже хихикает над такими указаниями социалистов. На стр. 427–428 книги Давида мы читаем насмешки над Каутским, который говорит, что сборные молочные, развивая продажу молока крестьянами, ухудшают их питание. Чтобы читатель мог оценить по достоинству немецкого народника Давида, мы приведем его подлинные слова:

«...Все прочие люди имеют привычку в случае, если получают больший поход, употребить из него кое-что и в пользу своего желудка. Такова уж, так сказать, природа человека, что он очень охотно ест что-нибудь лучшее, если только он имеет для этого небольшие деньги. И вот, в высшей степени странно, что один лишь крестьянин, получавший, благодаря товариществу, по общему признанию, больше денег, нежели раньше, за своё молоко и своих свиней, поступает совсем не так, как остальные смертные» и т. д., и т. д., и т. д.

На это шутовство реакционного мещанина отвечать не стоит, конечно. Достаточно показать его читающей публике, достаточно вытащить его на свет божий из-под груды бессвязных агрономических цитат, разбросанных по 550 страницам.

(«Аграрный вопрос и „критики Маркса“ (дополнение), июль)

Неудивительно, что такое искажение фактов позволяет себе Пудор, чистейший торгош по всей системе своих взглядов, абсолютно чуждый всякого понимания капиталистических противоречий. Но в высшей степени характерно, что за Пудором без критики плетётся и мещанин Давид, по недоразумению числящийся в социалистах!

На деле именно Дания показывает нам особенно наглядно **КОНЦЕНТРАЦИЮ** скотоводства в капиталистической стране. Пудор мог прийти к обратному выводу только благодаря своему крайнему невежеству и извращению тех **ОБРЫВКОВ** статистики, которые он приводит в своей книжонке. Пудор приводит – а Давид рабски повторяет – цифры, показывающие распределение всего числа скотоводческих хозяйств Дании по количеству скота. <...> Во-первых, Пудор приводит **НЕВЕРНЫЕ** цифры. Это приходится отметить, ибо сей Пудор хвастливо заявляет, что в его труде можно найти все «новейшие» статистические данные, а ревизионисты «опровергают марксизм», ссылаясь на невежественных буржуазных кропателей.

(То же)

Характер войны подлый. Злобное подсиживание встретите Вы отовсюду, прямую «провокацию» со стороны мень-

шевиков (они Вас будут провоцировать систематически) – и весьма слабую среду ДЕЛОВОГО сочувствия. Ибо оторванность от России там чертовская, бездельничанье и бездельничающая психика, изнервленная, истеричная, шипящая и плюющая, – преобладают. <...> Кто сумеет обеспечить себе за границей работу В СВЯЗИ с русской ОРГАНИЗАЦИЕЙ, – тот и только тот сможет оградить себя от засасывающего болота тоски, дразг, изнервленной озлобленности и проч. У меня эта «заграница» ой-ой как в памяти, и я говорю на основания немалого опыта.

(Письмо Алексинскому, 10 июля)

399

Изнеженная, развращённая, выродившаяся – эта общественная группа <...> являет собою яркий образец самого гнусного паразитизма. До какой степени извращённости доходит здесь вырождение, – показывает скандальный процесс Мольтке – Гардена⁵² в Берлине, вскрывший грязную клоаку, которую представляла собою влиятельная камарилья при дворе полусамодержавного германского императора Вильгельма II. Ни для кого не секрет, что и у нас в России в соответствующих кругах подобные же гнусности не составляют исключения. Огромная масса «правых» в III Думе будет, по крайней мере, в подавляющем большинстве сво-

⁵² Журналист Гартинг обвинял генерала Мольтке и других немецких сановников в гомосексуализме.

ём, если не целиком, защищать интересы именно этой общественной плесени и ржавчины, этих «гробов повапленных», завещанных нам тёмным прошлым. Сохранение крепостнического хозяйства, дворянских привилегий и самодержавно-дворянского режима – вопрос жизни и смерти для этих мастодонтов и ихтиозавров, ибо «зубры» – для них слишком почётное название.

(«Третья Дума», 11 ноября)

400

В своей статье в «Товарище» от 20 октября Плеханов продолжает свою кампанию лжи и глумления над дисциплиной социал-демократической партии. <...> Обойдя вопрос о том, что его берут в буржуазную газету за писание приятных для буржуазии вещей, Плеханов доставляет ещё больше удовольствия либералам, глумясь над дисциплиной рабочей партии. Я не обязан повиноваться, – восклицает он, – если от меня требуют измены принципам! Это – пошлая анархическая фраза, почтеннейший, ибо принципы ПАРТИИ блюдет от съезда до съезда и истолковывает их Центральный Комитет. <...> Значит, Плеханов просто прикрывает словечком об «измене принципам» свою ИЗМЕНУ ПАРТИИ.

(«О статье Плеханова», 11 ноября)

401

Г-н Милюков и его шайка проявили во всём блеске свои

давние качества бесстыдных и бессовестных карьеристов.
(«Приготовление „отвратительной оргии“», 18 ноября)

402

Да, стыдно сознаться, да грех утаить, что Плеханов довёл своих меньшевиков до бесконечного опозорения социал-демократии. Как истый человек в футляре, твердил он заученные слова о «поддержке буржуазии» и своей ДОЛБНЁЙ засорил всякое понимание особых задач и особых условий борьбы пролетариата в революции.

(То же)

403

В буржуазной печати злорадное хихиканье по поводу раскола между меньшевиками и большевиками в РСДРП вообще и по поводу резкой борьбы на Лондонском съезде в частности стало постоянным явлением. Никто не помышляет об изучении разногласий, об анализе двух тенденций, об ознакомлении читающей публики с историей раскола и со всем характером расхождения меньшевиков и большевиков. Публицисты «Речи» и «Товарища», гг. Тырковы, Кусковы, Носари и прочие реппу-a-liner'ы (писачки из-за почерковой платы), просто ловят на лету всякие слухи, подбирают «пикантные» для пресыщенных салонных болтунов подробности «скандалов» и всячески стараются засорить мозги шелухой анекдотцев насчёт нашей борьбы.

В этот жанр пошлого зубоскальства впадают и социалисты-революционеры. Передовая в «Знамени Труда» вытаскивает рассказ Липкина о случае истерики на Лондонском съезде, хихикает по поводу затраты «десятков тысяч», смакует «недурную картину внутреннего состояния русской социал-демократии в настоящий момент».

(«А судьи кто?», 18 ноября)

404

Плеханов фактически в своей политической обыденной работе СЛИЛСЯ с господами Прокоповичами и Кусковыми. В 1900 году он громил их за бернштейнианство, за то, что они созерцают только «заднюю» российского пролетариата. В 1906—1907 годах первые избирательные бюллетени бросили Плеханова в объятия этих господ, ныне созерцающих «заднюю» российского либерализма. Синдикализм не может не развиваться на русской почве, как реакция против этого позорного поведения «выдающихся» социал-демократов.

(Предисловие к брошюре Луначарского, ноябрь)

Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции

405

Основой раздела должна быть не старая надельная земля, распределённая между крестьянами сотню лет тому на-

зад по воле помещичьих бурмистров или чиновников азиатской деспотии, — основой должны быть требования свободного, торгового земледелия. Раздел, чтобы удовлетворять требования капитализма, должен быть разделом между **ФЕРМЕРАМИ**, а не разделом между крестьянами-«лежебоками», из которых подавляющее большинство хозяйничает по рутине, по традиции, применительно к условиям патриархальным, а не капиталистическим. Раздел по старым нормам, т. е. применительно к старому, надельному, землевладению, будет не **ЧИСТКОЙ** старого землевладения, а **УВЕКОВЕЧИВАНИЕМ** его, не освобождением пути для капитализма, а **ОБРЕМЕНЕНИЕМ** его массой неприспособленных и неприспособляемых «лежебок», которые не могут стать фермерами. Раздел, чтобы стать прогрессивным, должен основываться на **НОВОЙ** разборке между крестьянами-земледельцами, на разборке, отделяющей фермеров от негодного хлама. А эта новая разборка и есть национализация земли, т. е. полное уничтожение частной собственности на землю, полная свобода хозяйства на земле, свобода образования фермеров из старого крестьянства.

406

Крестьянин вколачивается в гроб старой Россией.

407

Если несомненно, что победоносная буржуазная рево-

люция в России невозможна без национализации земли, то ещё более несомненно, что последующий поворот к разделу невозможен без некоторой «реставрации», без поворота крестьянства (вернее, с точки зрения предполагаемых отношений: фермерства) на сторону контрреволюции. Пролетариат будет отстаивать революционную традицию против всех таких стремлений, а не помогать им.

Было бы во всяком случае глубоко ошибочно думать, что национализация в том случае, если новое фермерство повернёт к разделу, останется мимолетным, не имеющим серьезного значения, явлением. Она имела бы во всяком случае гигантское значение, и материальное и моральное. Материальное – в том отношении, что ничто не в состоянии так полно смести остатки средневековья в России, так полно обновить полусгнившую в азиатчине деревню, так быстро двинуть вперед агрикультурный прогресс, как национализация.

408

Когда Плеханов говорит, он острит, шутит, шумит, трещит, вертится и блесит, как колесо в фейерверке. Но беда, если такой оратор точно запишет свою речь и её подвергнут потом логическому разбору.

409

У Плеханова в «Новых письмах о тактике и бестактности» шум по поводу того, что большевики-де не понимают бур-

жуазного характера происходящей революции, прямо комичен. Грозных слов, брани против большевиков и кривлянья бездна, мысли — ни капли.

410

У невежественных или неумных людей теперь очень распространено смешение большевизма с бойкотизмом, боевизмом и т. п.

(То же)

411

Плеханов и меньшевики <...> не понимают контрреволюционности буржуазии в крестьянской буржуазной революции.

412

Нас интересует свобода для борьбы, а не свобода для мещанского счастья.

413

Если либералы нередко изображают черносотенцев шутами и глупцами, то надо сказать, что такая характеристика гораздо более применима к кадетам.

414

Правый помещик, дворянин Ветчинин говорил в Думе:

«Я думаю, что вопрос о принудительном отчуждении должен быть решён в отрицательном смысле с точки зрения правовой. Сторонники этого мнения забывают, что нарушение прав частных собственников присуще тем государствам, которые стоят на низкой ступени общественного и государственного развития. Стоит только нам вспомнить московский период, когда нередко отбирались земли у частных собственников на царя и передавались затем приближенным царя и монастырям. К чему привело такое отношение правительства? Последствия были ужасны». <...>

Вот Шульгин вопиет, что собственность неприкосновенна, что принудительное отчуждение – «могила культуры и цивилизации». Шульгин ссылагается – не говорит только, не по «Дневнику» ли Плеханова – на Китай XII века, на печальный результат китайского эксперимента с национализацией. Вот Скимунт в I Думе: собственником будет государство! «опять благодать для бюрократии Эльдорадо». Вот октябрист Танцов во II Думе восклицает: «с гораздо большим основанием эти упреки (упреки в крепостничестве) могут быть переброшены на левую сторону и в центр. Что же в самом деле готовят эти проекты для крестьян, как не порабощение их земле; как не то же самое крепостное право, только в ином виде, в котором помещики будут заменены ростовщиками и чиновниками».

Конечно, лицемерие этих воплей о бюрократизме бьёт в глаза, ибо именно крестьяне, требующие национализации,

выдвинули замечательную идею местных земельных комитетов, выбранных всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Но черносотенные помещики **ВЫНУЖДЕННЫ** хвататься за все и всяческие доводы против национализации. Классовое чутьё подсказывает им, что национализация в России ХХ века неразрывно связана с крестьянской республикой.

415

Оценка Кутлера, выражая скудоумие чинуши, всю жизнь гнувшего спину перед помещиками, полна лицемерия и затемняет сознание масс.

416

Когда читаешь такую речь «не занимающегося политикой» крестьянина⁵³, то по осязательности ясно становится, что осуществление не только столыпинской, но и кадетской аграрной программы требует десятилетий систематического

⁵³ В этой статье Ленин с одобрением цитирует крестьянских депутатов: «Нет, господа, довольно собирать сокровища да хранить по карманам, надо жить по существу. Страна разберётся, господа, я понимаю всё прекрасно, мы честные граждане, мы политикой не занимаемся... Помещики только ходят да пузо себе понажирали с нашей крови, с наших соков». Или: «Те люди, которые налитаны кровью, насосались мозгов крестьянских, называют нас невежами». Или: «В очень недавнее время господа заставляли наших матерей кормить своей грудью щенков. Это самое делается и теперь. Но только дело в том, что теперь щенки господские сосут не ту мать, которая нас родила и кормила, а ту, которую нас кормит — землю».

насилия над крестьянской массой, систематического избиения, истребления пытками, тюрьмой и ссылкой всех думающих и пытающихся свободно действовать крестьян. Столыпин это понимает и сообразно с этим действует. Кадеты этого частью не понимают, по свойственному либеральным чиновникам и профессорам тупоумию, частью лицемерно скрывают, «стыдливо умалчивают», — как о военных экзекуциях 1861 и следующих годов. Если же это систематическое и ни перед чем не останавливающееся насилие сорвётся о какие-нибудь внутренние или внешние препятствия, то беспартийный честный крестьянин, «не занимающийся политикой», создаст из России крестьянскую республику.

(декабрь)

5. В нафталине (01.1908 – 06.1911)

От автора

С января по декабрь 1908 года Ленин живёт в Женеве, затем переезжает в Париж. Неправильная оценка ситуации привела социал-демократов к почти полному выключению из политической жизни России. Во второй эмиграции между различными социал-демократическими группировками разворачивается новая борьба, уже не столько за власть, сколько за распоряжение денежными средствами, полученными в предшествующий период. В условиях спада революции денежные вливания Запада резко сокращены. По особенностям характера и из-за неудачной деятельности в 1905—1907 годах Ленин утрачивает авторитет внутри большевистской фракции и фактически переходит на меньшевистские (т.е. более ортодоксальные) позиции. В России его влияние незначительно, однако ему удаётся закрепить своё участие в Международном социалистическом бюро – исполнительном органе II Интернационала. Таким образом, он входит в состав левого политического истеблишмента.

Психологически это наиболее тяжёлый период эмигрантской жизни Ленина, хотя после революции в его руках остаются значительные денежные суммы.

1908 год

(№№ отрывков: 417–534)

417

Грустно, чёрт побери, снова вернуться в проклятую Женеву, да ничего не поделаешь!

(Письмо Луначарскому, 13 января)

418

Мы уже несколько дней торчим в этой проклятой Женеве. Гнусная дыра, но ничего не поделаешь. Приспособимся.

(Письмо сестре Марии, 14 января)

419

Все интеллигентские, мещанские элементы бросают партию; отлив интеллигенции громадный. Остаются чистые пролетарии без возможности открытых сборов. Следовало бы объяснить это Фелзу, втолковать ему, что условия эпохи II Думы, когда заключался заём, были совсем иные, что партия, конечно, заплатит свои долги, но требовать их ТЕПЕРЬ невозможно, немыслимо, что это было бы ростовщицеством и т. д. Надо убедить англичанина. Денег он едва ли получить сможет. Скандал ни к чему не поведёт.

(Письмо Ф. Ротштейну, 29 января)

Наши швейцарские товарищи несомненно проявляют значительный интерес к аресту Семашко. Все русские товарищи, знающие его, твердо убеждены в том, что он ни в малейшей степени не причастен к тифлисской «экспроприации» и не мог быть причастен к ней. И не только лишь потому, что последний съезд (Лондонский) нашей партии решительно отверг это «средство борьбы», но и потому, что д-р Семашко с февраля 1907 г. непрерывно проживал в Женеве и занимался литературной деятельностью.

(Письмо в редакцию газеты «Berner Tagwacht», 2 февраля)

Ну и удружил! Дать адрес и связи меньшевику Мандельбергу. Это верх наивности. НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ Мандельберга Н Е подпускать на версту, а если уже сделали эту глупость, то отберите у него адрес и надуйте его.

(Письмо Алексинскому, 2 февраля)

Значение интеллигентской публики в нашей партии падает: отовсюду вести, что интеллигенция БЕЖИТ из партии. Туда и дорога этой сволочи. Партия очищается от мещанского сора. Рабочие больше берутся за дело. Усиливается роль профессионалов-рабочих. Это всё чудесно, и я уверен, что «пинки» Ваши в том же смысле разуместь надлежит.

(Письмо Горькому, 7 февраля)

423

Следующий сюжет философия. Я очень сознаю свою неподготовленность к этой области, мешающую мне выступить публично. Но, как рядовой марксист, я читаю внимательно наших партийных философов, читаю внимательно эмпириомониста Малиновского и эмпириокритиков Руднева, Луначарского и др. – и ВСЕ мои симпатии ОНИ толкают К ПЛЕХАНОВУ! Надо же иметь физическую силу, чтобы не давать себя увлечь настроению, как делает Плеханов! Тактика его – верх пошлости и низости. В философии он отстаивает правое дело. Я – за материализм против «эмпирио-» и т. п. Можно ли, должно ли связывать философию с направлением партийной работы? с большевизмом? Думаю, что теперь этого делать нельзя. Пусть наши партийные философы поработают ещё некое время над теорией, поспорят и... ДОговорятся. Я бы стоял пока за отделение ТАКИХ философских споров, как между материалистами и «эмпирио-», от цельной партийной работы.

(То же)

424

Шовинисты работают. <...> Усиливаются нападки российской печати на Германию, которая будто бы натравливает Турцию на Россию. Кампания ведётся не только в русской,

но и во французской печати — о подкупе которой российским правительством так кстати напомнил недавно один социал-демократ в Думе.

(«Политические заметки», 13 февраля)

425

Особенность русской буржуазной революции состоит в том, что революционную политику в основном вопросе революции, в аграрном, ведут черносотенцы и крестьяне с рабочими. Либеральные же адвокаты и профессора защищают нечто самое безжизненное, нелепое и утопичное: примирение двух противоположных взаимоисключающих методов ЛОМКИ того, что отжило, и притом такое примирение, чтобы ломки вообще не было. Либо победа крестьянского восстания и полная ломка старого землевладения на пользу обновлённого революцией крестьянства, т. е. конфискация помещичьей земли и республика. Либо столыпинская ломка, которая тоже обновляет, на деле обновляет и приспособляет к капиталистическим отношениям старое землевладение, но только всецело в интересах помещиков, ценою безграничного разорения крестьянской массы, насильственного изгнания её из деревень, выселения, голодной смерти, истребления тюрьмой, ссылкой, расстрелами и пытками всего цвета крестьянской молодежи.

(То же)

В № 20 «Neue Zeit» в предисловии неизвестного нам переводчика статьи А. Малиновского об Эрнсте Махе мы прочитали следующее: «в русской социал-демократии обнаруживается, к сожалению, сильная тенденция сделать то или иное отношение к Маху вопросом фракционного деления в партии. Очень серьёзные тактические разногласия большевиков и меньшевиков обостряются спором по вопросу, совершенно, по нашему мнению, с этими разногласиями не связанному, именно: согласуется ли марксизм в теоретико-познавательном отношении с учением Спинозы и Гольбаха, или Маха и Авенариуса?».

До поводу этого редакция «Пролетария», как идейная представительница большевистского течения, считает необходимым заявить следующее. В действительности этот философский спор фракционным не является и, по мнению редакции, быть не должен; всякая попытка представить эти разногласия, как фракционные, ошибочна в корне. В среде той и другой фракции есть сторонники обоих философских направлений.

(Заявление редакции «Пролетария», 13 февраля)

Я думаю, что кое-что из возбуждённых Вами вопросов о наших разногласиях – прямо недоразумение. Уж, конечно, я не думал «гнать интеллигенцию», как делают глупенькие

синдикалисты, или отрицать её необходимость для рабочего движения. По всем ЭТИМ вопросам у нас НЕ МОЖЕТ быть расхождения.

(Письмо Горькому, 13 февраля)

428

Летом и осенью 1904 г. мы окончательно сошлись с Малиновским, как БЕКИ, и заключили тот молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок, который просуществовал всё время революции и дал нам возможность совместно провести в революцию ту тактику революционной социал-демократии (= большевизма), которая, по моему глубочайшему убеждению, была единственно правильной.

Философией заниматься в горячке революции приходилось мало. В тюрьме в начале 1906 г. Малиновский написал ещё одну вещь, – кажется, III выпуск «Эмпириомонизма». Летом 1906 г. он мне презентовал её и я засел внимательно за неё. Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня ещё яснее стало, что он идёт архиневерным путём, не марксистским. Я написал ему тогда «объяснение в любви», письмо по философии в размере трёх тетрадок. Выяснял я там ему, что я, конечно, РЯДОВОЙ МАРКСИСТ в философии, но что именно его ясные, популярные, превосходно написанные работы убеждают меня окончательно в его неправоте по существу и в правоте Плеханова. Сии тетрадки пока-

зал я некоторым друзьям (Луначарскому в том числе) и подумывал было напечатать под заглавием: «Заметки рядового марксиста о философии», но не собрался. Теперь жалею о том, что тогда тотчас не напечатал. Написал на днях в Питер с просьбой разыскать и прислать мне эти тетрадки.

Теперь вышли «Очерки философии марксизма». Я прочел все статьи, кроме суворовской (её читаю), и с каждой статьей прямо бесновался от негодования. Нет, это не марксизм! И лезут наши эмпириокритики, эмпириомонист и эмпириосимволист в болото. Уверять читателя, что «вера» в реальность внешнего мира есть «мистика» (Руднев), спутывать самым безобразным образом материализм и кантианство (Руднев и Малиновский), проповедовать разновидность агностицизма (эмпириокритицизм) и идеализма (эмпириомонизм), — учить рабочих «религиозному атеизму» и «обожанию» высших человеческих потенций (Луначарский), — объявлять мистикой энгельсовское учение о диалектике (Берман), — черпать из вонючего источника каких-то французских «позитивистов» — агностиков или метафизиков, чёрт их поберёт, с «символической теорией познания» (Юшкевич)! Нет, это уж чересчур. Конечно, мы, рядовые марксисты, люди в философии не начитанные, — но за чем уже так нас обижать, что подобную вещь нам преподнести как философию марксизма! Я себя дам скорее четвертовать, чем соглашусь участвовать в органе или в коллегии, подобные вещи проповедующей.

Меня опять потянуло к «Заметкам рядового марксиста о философии», и я их начал писать, а Малиновскому – в процессе моего чтения «Очерков» – я свои впечатления, конечно, излагал прямо и грубо.

– При чем же тут Ваша статья? – Вы спросите. – А при том, что как раз в такое время, когда сии расхождения среди беков грозили особенно обостриться, Вы явным образом начинаете излагать взгляды одного течения в своей работе для «ПРОЛЕТАРИЯ». Я не знаю, конечно, как и что у Вас вышло бы в целом. Кроме того, я считаю, что художник может почерпнуть для себя много полезного во всякой философии. Наконец, я вполне и безусловно согласен с тем, что в вопросах художественного творчества Вам все книги в руки и что, извлекая ЭТОГО рода воззрения и из своего художественного опыта И ИЗ ФИЛОСОФИИ ХОТЯ БЫ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ, Вы можете прийти к выводам, которые рабочей партии принесут огромную пользу. Всё это так. И тем не менее «Пролетарий» должен остаться абсолютно нейтрален ко всему нашему расхождению в философии, не давая читателям НИ ТЕНИ ПОВОДА связывать беков, как направление, как тактическую линию революционного крыла русских социал-демократов, с эмпириокритицизмом или эмпириомонизмом. <...> Моё мнение я считаю необходимым сказать Вам вполне прямо. Некую драку между беками по вопросу о философии я считаю теперь совершенно неизбежной. Но раскалываться из-за этого было бы, по-моему, глупо. <...>

> Мешать делу проведения в рабочей партии тактики революционной социал-демократии ради споров о том, материализм или махизм, было бы, по-моему, непростительной глупостью. Мы должны подраться из-за философии так, чтобы «Пролетарий» и беки, как фракция ПАРТИИ, НЕ БЫЛИ ЭТИМ ЗАДЕТЫ. И это вполне возможно.

(Письмо Горькому, 25 февраля)

429

Говорить так – значит креститься Бебелем и при этом всё же лезть в болото.

(«Нейтральность профессиональных союзов», 3 марта)

430

Буржуазная пресса, даже самого либерального и «демократического» направления, не может обойтись без черносотенной морали, обсуждая умерщвление португальского авантюриста⁵⁴. <...> Мы, с своей стороны, добавим только, что можем пожалеть об одном: о том, что республиканское движение в Португалии недостаточно решительно и открыто расправилось со всеми авантюристами. Мы жалеем о том, что в происшествии с королем португальским явно виден ещё элемент заговорщического, т. е. бессильного, в существе своем не достигающего цели, террора при слабости того на-

⁵⁴ Речь идёт об убийстве в результате террористического акта короля Португалии и его наследника.

стоящего, всенародного, действительно обновляющего страну террора, которым прославила себя Великая французская революция.

(«О происшествии с королём», 3 марта)

431

У Вас, как я сужу по тому, что имеете козу и что это факт, настроение хорошее и умоначертание правильное и жизнь нормальная. А у нас не очень клеится. Из-за философии этой с Малиновским мы вроде как в ссоре. Газету я забрасываю из-за своего философского запоя: сегодня прочту одного эмпириокритика и ругаюсь площадными словами, завтра – другого и матерными.

(Письмо Горькому, 24 марта)

432

Две ошибки погубили плоды блестящей победы Парижской Коммуны. Пролетариат остановился на полпути: вместо того, чтобы приступить к «экспроприации экспроприаторов», он увлёкся мечтами о водворении высшей справедливости в стране, объединяемой общенациональной задачей; такие, например, учреждения, как банк, не были взяты, теории прудонистов насчёт «справедливого обмена» и т. п. господствовали ещё среди социалистов. Вторая ошибка – излишнее великодушие пролетариата: надо было истреблять своих врагов, а он старался морально повлиять на них,

он пренебрёг значением чисто военных действий в гражданской войне.

(«Уроки коммуны», 23 марта)

433

Бывают моменты, когда интересы пролетариата требуют беспощадного истребления врагов в открытых боевых схватках. Впервые показал это французский пролетариат в Коммуне и блестяще подтвердил русский пролетариат в декабрьском восстании.

(То же)

434

Я бы не поднял шуму, если бы не убедился безусловно (и в этом убеждаюсь с каждым днем больше по мере ознакомления с первоисточниками мудрости Руднева, Малиновского и Ко), что книга их – нелепая, вредная, филистерская, поповская ВСЯ, от начала до конца, от ветвей до корня, до Маха и Авенариуса. Плеханов ВСЕЦЕЛО прав против них по существу, только не умеет или не хочет или ленится сказать это КОНКРЕТНО, обстоятельно, просто, без излишнего запугивания публики философскими тонкостями. И я во что бы то ни стало скажу это ПО-СВОЕМУ. Какое же тут «примирение» может быть, милый Алексей Максимович? Помилуйте, об этом смешно и заикаться. Бой абсолютно неизбежен.

(Письмо Горькому, 24 марта)

435

Н. Хомяков бандит, называющийся председателем III Думы.

(«Заказанная полицейски-патриотическая демонстрация», 25 марта)

436

«Русские Ведомости» – это самая спокойная (и самая скучная), самая научная (и самая далекая от живой жизни) профессорская газета. В её статейке по поводу 25-летия смерти Карла Маркса преобладает сухой, деревянный тон – «объективность», как это называется на языке «ординарных» и «экстраординарных»... Факты и фактики – вот чем старается ограничиться автор статьи.

(«Оценка Маркса международным либерализмом», 25 марта)

437

Либерализм буржуазных адвокатов, профессоров и прочей интеллигентской дребедени не смог «приспособиться» к «трудовицкому» мужичью.

(«О „природе“ русской революции», 8 апреля)

438

Священники – это ультрареакционеры, нарочито содержимые правительством черносотенные мракобесы.

(То же)

439

Дайте мне полаяться по-философски.

(Письмо Горькому, 8 апреля)

440

Известное изречение гласит, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы.

(«Марксизм и ревизионизм», 8 апреля)

441

Нечего говорить о буржуазной науке и философии, показённому преподаваемых казёнными профессорами для оглупления подрастающей молодёжи из имущих классов и для «натаскивания» её на врагов внешних и внутренних. Эта наука и слышать не хочет о марксизме, объявляя его опровергнутым и уничтоженным; и молодые учёные, делающие себе карьеру на опровержении социализма, и ветхие старцы, хранящие завет всевозможных обветшалых «систем», с одинаковым усердием нападают на Маркса.

(То же)

В области философии ревизионизм шёл в хвосте буржуазной профессорской «науки». Профессора шли «назад к Канту», – и ревизионизм тащился за неокантианцами, профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма, – и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово в слово по последнему хандбуху), что материализм давно «опровергнут»; профессора третировали Гегеля, как «мёртвую собаку», и, проповедуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики, – и ревизионисты лезли за ними в болото философского опошления науки, заменяя «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией»; профессора отработывали своё казённое жалованье, подгоняя и идеалистические и «критические» свои системы к господствовавшей средневековой «философии» (т.е. к теологии), – и ревизионисты пододвигались к ним, стараясь сделать религию «частным делом» не по отношению к современному государству, а по отношению к партии передового класса.

(То же)

Кто не понимает неизбежной внутренней диалектики парламентаризма и буржуазного демократизма, приводящей

к ещё более резкому, чем в прежние времена, решению спора массовым насилием, — тот никогда не сумеет на почве этого парламентаризма вести принципиально выдержанной пропаганды и агитации, действительно готовящей рабочие массы к победоносному участию в таких «спорах».

(То же)

444

Разве традиция декабрьского вооружённого восстания не является порою единственным серьёзным средством для преодоления анархических тенденций внутри рабочей партии не с помощью шаблонной, филистерской, мещанской морали, а путём обращения от насилия бесцельного, бессмысленного, распылённого к насилию целевому, массовому?..

(«К оценке русской революции», 8 апреля)

445

Теперь господа энесы снова начинают «путаться» с левыми кадетами, таща за собой несмышлёнышей — меньшевиков и эсеров <...> Есть, очевидно, глубокие причины, которые создают у мещанской интеллигенции «влечение род недуга», влечение под крылышко либеральной буржуазии.

Это влечение прикрывают, конечно, как водится, речами об использовании нового подъёма или новой группировки сил и т. д.

О да, господа, мы тоже стоим за использование... трупов – только не для «оживления» его, а для удобрения им почвы, не для потакательства гнилым теориям и филистерским настроениям, а для роли «адвоката дьявола». <...> Мы будем следить внимательно за ростом и развитием этого нового уродика (если он не мёртворождённый), – напоминая ежедневно, что всякий такой зародыш, ЕСЛИ ОН НЕ МЁРТВОРОЖДЁННЫЙ, неминуемо и неизбежно означает в современной России преддверие массовой борьбы рабочего класса и крестьянства.

(«Кадеты второго призыва», 23 мая)

446

Мы должны отразить невежественные, чисто наглые, покушения бюрократии на мелочную, проникнутую полицейским духом, регламентацию сельской жизни.

(«Аграрный вопрос в России к концу XIX века», 1 июля)

447

Низшие группы крестьянства вымирают, – голодовки, цинга, тиф делают своё дело.

(То же)

448

Что крестьянская беднота «хозяйничает» на своей земле из рук вон плохо, это факт несомненный. Несомненно, зна-

чит, что если отдать её земли на поток и разграбление кучке зажиточного крестьянства, то агрикультура поднимется.

Но точно так же несомненно и то, что помещичьи земли, эксплуатируемые посредством отработков и кабалы, обрабатываются на рук вон плохо, **ХУЖЕ НАДЕЛЬНЫХ ЗЕМЕЛЬ**. Отработочная система помещичьего хозяйства есть сохранение невероятно отсталых приемов земледелия, есть увековечение варварства и в агрикультуре и во всей общественной жизни. Несомненно, значит, что если вырвать все отработки с корнем, т. е. совершенно уничтожить (и притом без выкупа) всё помещичье землевладение, то агрикультура поднимется.

(То же)

449

Нет ничего ошибочнее того мнения, будто национализация земли имеет что-либо общее с социализмом или даже с уравнительностью землепользования. Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства. Национализация же есть превращение земли в собственность государства, и такое превращение несколько не затрагивает частного хозяйства на земле. Будет ли земля собственностью или «достоянием» всей страны, всего народа, от этого не меняется система хозяйства на земле, совершенно так же, как не меняется (капиталистическая) система хозяйства у зажиточного мужика, покупает ли он зем-

лю «навечно», арендует ли помещичью или казённую землю, «собирает» ли наделы опустившихся несостоятельных крестьян. Раз остаётся обмен, о социализме смешно и говорить. А обмен продуктов земледелия и средств производства совершенно не зависит от форм землевладения.

(То же)

450

Блягер! дура! бим, бам! уф! (заметки на полях заключительной главы книги А. Рея «Современная философия», Париж, 1908 г.)

(О книге А. Рея «Современная философия»)

451

Сегодня прочел один забавный фельетон о жителях Марса, по новой английской книге Ловелла – «Марс и его каналы». Этот Ловелл – астроном, долго работавший в специальной обсерватории и, кажется, лучшей в мире (Америка). Труд научный. Доказывает, что Марс обитаем, что каналы – чудо техники, что люди там должны быть в 22/3 раза больше здешних, притом с хоботами, и покрыты перьями или звериной шкурой, с четырьмя ИЛИ ШЕСТЬЮ ногами. Н... да, наш автор⁵⁵ нас поднадул, описавши марсианских красавиц неполно, должно быть по рецепту: «тмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»...

⁵⁵ А. Малиновский, автор фантастического романа о жизни на Марсе.

(Письмо матери)

452

Раздел земель в собственность теперь был бы РЕАКЦИОННЫМ, так как он сохранял бы нынешнюю, устаревшую и являющуюся пережитком собственность на наделённую землю; но впоследствии, после полной чистки земли путём национализации, раздел был бы возможен как лозунг НОВОГО, свободного ФЕРМЕРСТВА.

(Автореферат «Аграрной программы социал-демократов в русской революции»)

453

От «буржуазного государства» мы не можем избавиться. Мечтать об этом могут только мещане. Наша революция есть буржуазная революция именно потому, что в ней борьба идёт не между социализмом и капитализмом, а МЕЖДУ ДВУМЯ ФОРМАМИ КАПИТАЛИЗМА.

(То же)

454

Школа гражданской войны не проходит для народов даром. Это – тяжёлая школа, и полный курс её НЕИЗБЕЖНО содержит в себе победы контрреволюции, разгул озлобленных реакционеров, дикие расправы старой власти над мятежниками и т. д. Но только отъявленные педанты и выжив-

шие из ума мумии могут плакаться по поводу поступления народов в эту мучительную школу; эта школа учит угнетённые классы ведению гражданской войны, учит победоносной революции, концентрирует в массах современных рабов ту ненависть, которую вечно таят про себя рабы забытые, тупые, невежественные и которая ведёт к величайшим историческим подвигам рабов, сознавших позор своего рабства.

(«Горячий материал в мировой политике», 5 августа)

455

В Индии туземные рабы «цивилизованных» английских капиталистов как раз в последнее время причиняют неприятное беспокойство своим «господам». Нет конца тем насилиям и тому грабежу, который называется системой английского управления Индией. Нет нигде на свете – за исключением, конечно, России – такой нищеты масс, хронической голодовки населения. Самые либеральные и радикальные деятели свободной Британии, вроде Джона Морли – авторитета для русских и нерусских кадетов, звезды «прогрессивной» (на деле – лакействующей перед капиталом) публицистики – превращаются в качестве правителей Индии в настоящих Чингисханов, которые способны санкционировать все меры «успокоения» вверенного населения, вплоть до СЕЧЕНИЯ политических протестантов! <...> Но за СВОИХ писателей и политических вождей начинает заступаться в Индии улица. Подлый приговор английских шакалов, вынесен-

ный индийскому демократу Тилаку, — эта месть демократу со стороны лакеев денежного мешка вызвала уличные демонстрации и стачку в Бомбее. Пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы, — а раз это стало так, песенка английско-русских порядков в Индии спета! Своим колониальным грабежом азиатских стран европейцы сумели закалить одну из них, Японию, для великих военных побед, обеспечивших ей самостоятельное национальное развитие. Нет никакого сомнения, что вековой грабёж Индии англичанами, что современная борьба этих «передовых» европейцев против демократии персидской и индийской ЗАКАЛИТ миллионы и десятки миллионов пролетариев в Азии, закалит для такой же победоносной (как у японцев) борьбы против угнетателей.

(То же)

456

Пролетариат не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы, следовательно, ему не могут быть безразличны и судьбы его страны. Но судьбы страны его интересуют лишь ПОСТОЛЬКУ, поскольку это касается его классовой борьбы, а не в силу какого-то буржуазного, совершенно неприличного в устах социал-демократа «патриотизма».

(«Воинствующий милитаризм», 5 августа)

Материализм и эмпириокритицизм.

Критические заметки об одной реакционной философии

457

Что касается до меня, то я тоже – «ищущий» в философии. Именно: в настоящих заметках я поставил себе задачей разыскать, на чём свихнулись люди, преподносящие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путаное и реакционное.

458

Старая погудка, почтеннейший г. профессор! Это буквальное повторение Беркли, говорившего, что материя есть голый абстрактный символ. Но голеньким-то на самом деле ходит Эрнст Мах.

459

Философия Маха – праздные и пустые слова, в которые не верит и сам автор.

460

К Маху бросаются на шею имманенты.

461

Ваша философия, господа, есть ИДЕАЛИЗМ, тщетно пытающийся прикрыть наготу своего солипсизма нарядом более «объективной» терминологии. <...> Что у кого болит, тот о том и говорит!

462

«Наивный реализм» всякого здорового человека, не побывавшего в сумасшедшем доме или в науке у философов идеалистов, состоит в том, что вещи, среда, мир существуют НЕЗАВИСИМО от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего Я и от человека вообще.

463

В философии – поцелуй Вильгельма Шуппе ничуть не лучше, чем в политике поцелуй Петра Струве или г. Меньшикова.

464

Мыслить и «примыслить» люди могут себе всяческий ад, всяческих леших. Луначарский даже «примыслил» себе... ну, скажем мягко, религиозные понятия, но задача теории познания в том и состоит, чтобы показать нереальность, фантастичность, реакционность подобных примыслов.

465

Если на удочку Авенариуса попало несколько молодых

интеллигентов, то старого воробья, Вундта, провести на мякине не удалось. Идеалист Вундт весьма невежливо сорвал маску с кривляки Авенариуса.

466

«Элементы» Маха, координация и интроекция Авенариуса нисколько не устраняют этой путаницы, а только затемняют дело, заматают следы посредством учёно-философской тарабарщины.

467

Философы-специалисты почти все сочувствуют разным видам идеализма: в их глазах идеализм вовсе не упрёк, как для нас – марксистов.

468

Все махисты, желающие быть марксистами, воюют с ПЛЕХАНОВСКОЙ «вещью в себе», обвиняя Плеханова за то, что он запутался и сбился в кантианство, и за то, что он отступил от Энгельса. Махист г. В. Чернов, народник, заклятый враг марксизма, прямо идёт в поход за «вещь в себе» НА ЭНГЕЛЬСА.

Стыдно признаться, но грешно было бы утаить, что на этот раз открытая вражда к марксизму сделала из г. Виктора Чернова БОЛЕЕ принципиального литературного противника, чем наши товарищи по партии и оппоненты по фи-

лософии. Ибо только НЕЧИСТАЯ СОВЕСТЬ (или разве ещё в придаток незнакомство с материализмом?) сделали то, что махисты, желающие быть марксистами, дипломатично оставили в стороне Энгельса, совершенно игнорировали Фейербаха и топтались исключительно кругом да около Плеханова. Это именно топтанье, скучная и мелкая грызня, придирки к ученику Энгельса, при трусливом увёртывании от прямого разбора взглядов учителя.

469

Энгельс обработан под Маха, изжарен и подан под махистским соусом. Не подавиться бы только нашим почтеннейшим поварам. <...> Отъявленные реакционеры и проповедники поповщины, имманенты, лобзают Маха с Авенариусом за основную нелепость, основную путаницу и фальшь махизма, из которой вылезла вся остальная галиматья этой философии. Как не вертелся В. Руднев, как он не хитрил, как ни дипломатничал, обходя щекотливые пункты, а всё же в конце концов проговорился и выдал всю свою махистскую натуру! <...> Спрашивается, как могут люди, не сошедшие с ума, утверждать в здравом уме и твёрдой памяти, будто «чувственное представление» (в каких бы то ни было границах, это безразлично) и есть вне нас существующая действительность? <...> Формулировка Руднева, нечаянно и неосторожно брошенная им, превосходна тем, что отчётливо вскрывает вопиющую нелепость, которую иначе надо

откапывать из-под груды гелертерских, квазинаучных, профессорских финтифлюшек.

470

Агностик говорит: НЕ ЗНАЮ, есть ли объективная реальность, отражаемая, отображаемая нашими ощущениями, объявляю невозможным знать это. Отсюда – отрицание объективной истины агностиком и терпимость, мещанская, филистерская, трусливая терпимость к учению о леших, домовых, католических святых и тому подобных вещах.

471

Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них. Поэтому говорить о том, что такое понятие может «устареть», есть МЛАДЕНЧЕСКИЙ ЛЕПЕТ, есть бессмысленное повторение доводов модной РЕАКЦИОННОЙ философии. Могла ли устареть за две тысячи лет развития философии борьба идеализма и материализма? Тенденции или линии Платона и Демокрита? Борьба религии и науки? Отрицания объективной истины и признания её?

472

Человеческое мышление по природе своей способно да-

вать и даёт нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин.

473

Кожевник И. Дицген видел в научной, т. е. материалистической, теории познания «универсальное оружие» против религиозной веры, а для ординарного профессора Эрнста Маха «с точки зрения научной не имеет смысла» различие материалистической теории познания с субъективно-идеалистической! Наука беспартийна в борьбе материализма с идеализмом и религией, это – излюбленная идея не одного Маха, а всех современных буржуазных профессоров, этих, по справедливому выражению того же И. Дицгена, «дипломированных лакеев, оглупляющих народ вымученным идеализмом».

474

Материя есть «физическое», то есть наиболее знакомое и непосредственно данное человеку, в существовании чего никто не сомневается, кроме обитателей жёлтых домиков.

475

Мах выражает ту же мысль попроще, без философских выкрутас <...> На деле это старый-престарый субъективный идеализм, нагота которого прикрыта словечком «элемент».

Здесь нет фигового листочка «элементов», и идеалист прямо протягивает руку агностику.

Что значит дать «определение»? Это значит, прежде всего, подвести данное понятие под другое, более широкое. Например, когда я определяю: осёл есть животное, я подвожу понятие «осёл» под более широкое понятие. Спрашивается теперь, есть ли более широкие понятия, с которыми могла бы оперировать теория познания, чем понятия: бытие и мышление, материя и ощущение, физическое и психическое? Нет. Это – предельно широкие, самые широкие понятия, дальше которых по сути дела (если не иметь в виду ВСЕГДА возможных изменений НОМЕНКЛАТУРЫ) не пошла до сих пор гносеология. Только шарлатанство или крайнее скудоумие может требовать такого «определения» этих двух «рядов» предельно широких понятий, которое бы не состояло в «простом повторении»: то или другое берётся за первичное. <...> Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы понять, какую величайшую бессмыслицу говорят махисты, когда они требуют от материалистов такого определения материи, которое бы не сводилось к повторению того, что материя, природа, бытие, физическое есть первичное, а дух, сознание, ощущение, психическое – вторичное.

Гениальность Маркса и Энгельса и проявлялась, между

прочим, в том, что они презирали гелертерскую игру в новые словечки, мудрёные термины, хитрые «измы», а просто и ясно говорили: есть материалистическая и идеалистическая линии в философии, а между ними разные оттенки агностицизма. Потуги найти «новую» точку зрения в философии характеризуют такое же нищенство духом, как потуги создать «новую» теорию стоимости, «новую» теорию ренты и т. п.

478

«Чистый» эмпириокритик Вольский выписал плехановское примечание и публично протанцевал канкан.

479

Анри Пуанкаре крупный физик и мелкий философ.

480

П. Юшкевич в костюме арлекина из кусочков пёстрой, крикливой, «новейшей» терминологии.

481

Идея, будто познание может «создавать» всеобщие формы, заменять первичный хаос порядком и т. п., есть идея идеалистической философии. Мир есть закономерное движение материи, и наше познание, будучи высшим продуктом природы, в состоянии только ОТРАЖАТЬ эту законо-

мерность.

482

Философский идеализм есть только прикрытая, принаряженная чертовщина.

483

Человек и природа существуют только во времени и пространстве, существа же вне времени и пространства, созданные поповщиной и поддерживаемые воображением невежественной и забитой массы человечества, суть большая фантазия, выверты философского идеализма, негодный продукт негодного общественного строя. Может устареть и стареет с каждым днём учение науки о строении вещества, о химическом составе пищи, об атоме и электроны, но не может устареть истина, что человек не может питаться мыслями и рожать детей при одной только платонической любви. А философия, отрицающая объективную реальность времени и пространства, так же нелепа, внутренне гнила и фальшива, как отрицание этих последних истин. Ухищрения идеалистов и агностиков так же, в общем и целом, лицемерны, как проповедь платонической любви фарисеями!

484

Энгельс явно применяет «сальтовитальный» метод в философии, т. е. делает ПРЫЖОК от теории к практике.

Ни один из тех учёных (и глупых) профессоров философии, за которыми идут наши махисты, никогда не позволяет себе подобных, позорных для представителя «чистой науки», прыжков. У них одно дело теория познания, в которой надо как-нибудь похитрее словесно состряпать «дефиниции», и совсем другое дело практика.

485

Махисты черпали свою философию из эклектической нищенской похлебки, и они продолжают угощать читателя таковой же. Они берут кусочек агностицизма и чуточку идеализма у Маха, соединяя это с кусочком диалектического материализма Маркса, и лепечут, что эта крошка есть РАЗВИТИЕ марксизма. Они думают, что если Мах, Авенариус, Петцольдт и все прочие их авторитеты не имеют ни малейшего понятия о решении вопроса (о свободе и необходимости) Гегелем и Марксом, то это чистейшая случайность: ну, просто-напросто, не прочитали такой-то странички в такой-то книжечке, а вовсе не в том дело, чтобы эти «авторитеты» были и остались круглыми невеждами относительно **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО** прогресса философии в XIX веке, были и остались философскими обскурантами.

486

Выродившиеся болтуны, именующие себя философами.

487

И вот эдакие-то немецкие Меньшиковы, обскуранты ничуть не менее высокой пробы, чем Ренувье, живут в прочном конкубинате с эмпириокритиками.

488

Имманент расцеловал бы Руднева и зацеловал бы его так же, как расцеловали Маха и Авенариуса Шуппе, Леклеры и Шуберты-Зольдерны.

489

Бедные Мах и Авенариус! <...> Боже упаси! Это только маленькое «недоразумение» – в ноздрёвско-петцольдтовском смысле слова. Комичнее всего тут, пожалуй, то, что сам блюститель чистоты и невинности Петцольдт, во-1-х, «дополнил» Маха и Авенариуса «логическим априори», а, во-2-х, совокупил их с проповедником фидеизма Вильгельмом Шуппе.

490

Совершенно очевидно, что Карус – лидер компании американских литературных проходимцев, которые занимаются тем, что спаивают народ религиозным опиумом. Мах и Клейнпетер попали в члены этой компании тоже, очевидно, в силу маленького «недоразумения».

Я не могу себе представить более «страшной мести» против А. Малиновского, как если бы его «Эмпириомонизм» был переведён на немецкий, скажем, язык и отдан для рецензирования Леклеру и Шуберту-Зольдерну, Корнелиусу и Клейнпетеру, Карусу и Пильону (французскому сотруднику и ученику Ренувье). Эти заведомые соратники и частью прямые последователи Маха своими поцелуями по адресу «подстановки» сказали бы больше, чем своими рассуждениями.

492

Наши русские махисты, Юшкевич и Вольский обругали материалиста Блюма⁵⁶ прямо по-хулигански.

493

Наши махисты, желающие быть марксистами, набросились с особенной радостью на плехановские «иероглифы», т. е. на теорию, по которой ощущения и представления человека представляют из себя не копии действительных вещей и процессов природы, не изображения их, а условные знаки, символы, иероглифы и т. п. Руднев высмеивает этот иероглифический материализм, и необходимо отметить, что ОН БЫЛ БЫ ПРАВ, если бы отвергал материализм иероглифический в пользу МАТЕРИАЛИЗМА неиероглифическо-

⁵⁶ Агент охранного отделения (партийная кличка «Рахметов»).

го. Но Руднев употребляет здесь опять-таки фокуснический приём, провозя контрабандой своё отречение от материализма под флагом критики «иероглифизма». Энгельс не говорит ни о символах, ни о иероглифах, а о копиях, снимках, изображениях, зеркальных отображениях вещей. Вместо того, чтобы показать ошибочность плехановского отступления от формулировки материализма Энгельсом, Руднев заслоняет от читателей ошибкой Плеханова истину Энгельса.

494

Если бы Энгельс увидал, С КАКОЙ СТОРОНЫ подходят критиковать Дюринга Леклер под ручку с Махом, он бы этих обоих философских реакционеров обозвал ВО СТО РАЗ более презрительными терминами, чем Дюринга!

495

Гегелевская диалектика – это жемчужное зерно, которое петухи Бюхнеры, Дюринги и Ко (вместе с Леклером, Махом, Авенариусом и пр.) не умели выделить из навозной кучи абсолютного идеализма.

496

В Иосифе Дицгине, в этом рабочем-философе, открывшем по-своему диалектический материализм, много великого!

Когда физики говорят: «материя исчезает», они хотят этим сказать, что до сих пор естествознание приводило все свои исследования физического мира к трём последним понятиям – материя, электричество, эфир; теперь же остаются ТОЛЬКО два последние, ибо материю удаётся свести к электричеству, атом удаётся объяснить как подобие бесконечно малой солнечной системы, внутри которой вокруг положительного электрона двигаются с определённой (и необъятно громадной, как мы видели) быстротой отрицательные электроны. Вместо десятков элементов удаётся, следовательно, свести физический мир к двум или трём (поскольку положительный и отрицательный электроны составляют «две материи существенно различные», как говорит физик Пелла). Естествознание ведёт, следовательно, к «ЕДИНСТВУ МАТЕРИИ» (там же) – вот действительное содержание той фразы об исчезновении материи, о замене материи электричеством и т. д., которая сбивает с толку столь многих. «Материя исчезает» – это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идёт глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаружи-

ваются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Ибо ЕДИНСТВЕННОЕ «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство БЫТЬ ОБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ, существовать вне нашего сознания.

Ошибка махизма вообще и махистской новой физики состоит в том, что игнорируется эта основа философского материализма и различие материализма метафизического от материализма диалектического. Призвание каких-либо неизменных элементов, «неизменной сущности вещей» и т. п. не есть материализм, а есть МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ, т. е. антидиалектический материализм. <...> Чтобы поставить вопрос с единственно правильной, т. е. диалектически-материалистической, точки зрения, надо спросить: существуют ли электроны, эфир И ТАК ДАЛЕЕ вне человеческого сознания, как объективная реальность или нет? На этот вопрос естествоиспытатели так же без колебания должны будут ответить и отвечают постоянно ДА, как они без колебаний признают существование природы до человека и до органической материи. И этим решается вопрос в пользу материализма, ибо понятие материи, как мы уже говорили, не означает гносеологически НИЧЕГО ИНОГО, кроме как: объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им.

Но диалектический материализм настаивает на приблизительном, относительном характере всякого научного по-

ложения о строении материи и свойствах ее, на отсутствии абсолютных граней в природе, на превращении движущейся материи из одного состояния в другое, по-видимому, с нашей точки зрения, непримиримое с ним и т. д. Как ни диковинно с точки зрения «здорового смысла» превращение неведомого эфира в весомую материю и обратно, как ни «странно» отсутствие у электрона всякой иной массы, кроме электромагнитной, как ни необычно ограничение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений и т. д., — всё это только лишнее ПОДТВЕРЖДЕНИЕ диалектического материализма. Новая физика свихнулась в идеализм, главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики.

499

Неизменно, с точки зрения Энгельса, только одно: это — отражение человеческим сознанием (когда существует человеческое сознание) независимо от него существующего и развивающегося внешнего мира. Никакой другой «неизменности», никакой другой «сущности», никакой «абсолютной субстанции» в том смысле, в какой разрисовала эти понятия праздная профессорская философия, для Маркса и Энгельса не существует. «Сущность» вещей или «субстанция» ТОЖЕ относительны; они выражают только углубление человеческого познания объектов, и если вчера это углубле-

ние не шло дальше атома, сегодня – дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих ВЕХ познания природы прогрессирующей наукой человека. Электрон так же НЕИСЧЕРПАЕМ, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно СУЩЕСТВУЕТ, и вот это-то единственно категорическое, единственно безусловное признание её СУЩЕСТВОВАНИЯ вне сознания и ощущения человека и отличает диалектический материализм от релятивистского агностицизма и идеализма.

500

Диалектический материализм остаётся неизвестным для буржуазных учёных.

501

Остаётся несомненным, что механика была снимком с медленных реальных движений, а новая физика есть снимок с гигантски быстрых реальных движений. Признание теории снимком, приблизительной копией с объективной реальности, – в этом и состоит материализм. <...> Не надо только забывать, что, кроме общих предрассудков всего образованного мещанства против материализма, на самых выдающихся теоретиках сказывается полнейшее незнание с диалектикой.

Мир есть движение объективной реальности, отражаемой нашим сознанием. Движению представлений, восприятий и т. д. соответствует движение материи вне меня. Понятие материи ничего иного, кроме объективной реальности, данной нам в ощущении, не выражает. Поэтому оторвать движение от материи равносильно тому, чтобы оторвать мышление от объективной реальности, оторвать мои ощущения от внешнего мира, т. е. перейти на сторону идеализма. Тот фокус, который проделывается обыкновенно с отрицанием материи, с допущением движения без материи, состоит в том, что умалчивается об отношении материи к мысли. <...>

Материя исчезла, – говорят нам, – желая делать отсюда гносеологические выводы. А мысль осталась? – спросим мы. Если нет, если с исчезновением материи исчезла и мысль, с исчезновением мозга и нервной системы исчезли и представления и ощущения, – тогда, значит, все исчезло, исчезло и ваше рассуждение, как один из образчиков какой ни на есть «мысли» (или недомыслия)! Если же – да, если при исчезновении материи предполагается не исчезнувшей мысль (представление, ощущение и т. д.), то вы, значит, тайком перешли на точку зрения философского идеализма. Это именно и бывает всегда с людьми, из «экономии» желающими мыслить движение без материи, ибо МОЛЧАЛИВО, просто тем самым, что они продолжают своё рассуждение, они признают

существование мысли ПОСЛЕ исчезновения материи.

503

Открытый идеалист Уорд сбросил все покрывала <...>
Уорд кувывается.

504

Мы вам отдадим науку, гг. естествоиспытатели, отдайте нам гносеологию, философию, – таково условие сожительства теологов и профессоров в «передовых» капиталистических странах.

505

Движение тел превращается в природе в движение того, что не есть тело с постоянной массой, в движение того, что есть неведомый заряд неведомого электричества в неведомом эфире, – эта диалектика МАТЕРИАЛЬНЫХ превращений, проделываемых в лаборатории и на заводе, служит в главах идеалиста (как и в главах широкой публики, как и в главах махистов) подтверждением не материалистической диалектики, а доводом против материализма: «...Механическая теория, как обязательное объяснение мира, получает смертельный удар от прогресса самой механической физики»... Мир есть движущаяся материя, ответим мы, и законы движения этой материи отражает механика по отношению к медленным движениям, электромагнетическая тео-

рия – по отношению к движениям быстрым... «Протяжённый, твёрдый, неразрушимый атом всегда был опорой материалистического взгляда на мир. Но, к несчастью для этих взглядов, протяженный атом не удовлетворил запросам, которые предъявило ему растущее знание»... Разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и её движения всегда были опорой диалектического материализма. Все грани в природе условны, относительно, подвижны, выражают приближение нашего ума к познанию материи, – но это нисколько не доказывает, чтобы природа, материя сама была символом, условным знаком, т. е. продуктом нашего ума. Электрон относится к атому, как точка в этой книге к объёму здания в 30 сажен длины, 15 – ширины и 7 1/2 – высоты (Лодж), он двигается с быстротой до 270 000 километров в секунду, его масса меняется с его быстротой, он делает 500 триллионов оборотов в секунду, – всё это много мудрёнее старой механики, но все это есть движение материи в пространстве и во времени. Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет ещё больше, увеличивая тем свою власть над ней, но это не значит, чтобы природа была созданием нашего ума или абстрактного ума, т. е. уордовского Бога, малиновской «подстановки» и т. п.

506

Фр. Альберт Ланге сфальсифицировал «Историю материализма».

507

Всякий физик и всякий инженер знает, что электричество есть (материальное) движение, но никто не знает толком, ЧТО тут движется, – следовательно, заключает идеалистический философ Коген, – можно надуть философски необразованных людей соблазнительно-«экономным» предложением: давайте МЫСЛИТЬ движение БЕЗ МАТЕРИИ...

Г. Коген старается завербовать себе в союзники знаменитого физика Генриха Герца. <...> На самом деле философское введение Герца к его «Механике» показывает обычную точку зрения естествоиспытателя, напуганного профессорским воём против «метафизики» материализма, но никак не могущего преодолеть стихийного убеждения в реальности внешнего мира.

508

Беспартийные люди в философии – такие же безнадёжные тупицы, как и в политике.

509

Это всё фиговый листочек, пустое словесное прикрытие материализма.

510

Известный философский черносотенец г. Лопатин <...

> Этот истинно русский философский идеалист относится к современным европейским идеалистам примерно так же, как «Союз русского народа» к западным реакционным партиям. Статья г. Лопатина есть, как французы говорят, *elogé* – похвальное слово покойному русскому физика Н. И. Шишкину (ум. в 1906 г.). Г-на Лопатина прельстило то, что этот образованный человек, очень интересовавшийся Герцем и новой физикой вообще, был не только правым кадетом, но и глубоко верующим человеком, поклонником философии Вл. Соловьёва и проч. и т. п. Однако, несмотря на своё преимущественное «устремление» в пограничную область философского и полицейского, г. Лопатин сумел дать кое-какой материал и для характеристики ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ взглядов физика-идеалиста. <...> «Свет может быть рассматриваем, – писал Шишкин в своей статье „О психофизических явлениях с точки зрения механической теории“, как вещество, как движение, как электричество, как ощущение». <...> Рассуждает Шишкин из рук вон плохо. «Свет может быть рассматриваем как вещество, как движение...». Ни вещества без движения, ни движения без вещества в природе нет. Первое «противопоставление» Шишкина бессмысленно... «Как электричество...». Электричество есть движение вещества, следовательно, и тут Шишкин неправ. Электромагнитная теория света доказала, что свет и электричество суть формы движения одного и того же вещества (эфира)... «Как ощущение...». Ощущение есть образ движущей-

ся материи. Иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем; ощущения вызываются действием движущейся материи на наши органы чувств. Так смотрит естествознание. Ощущение красного цвета отражает колебания эфира, происходящие приблизительно с быстротой 450 триллионов в секунду. Ощущение голубого цвета отражает колебания эфира быстротой около 620 триллионов в секунду. Колебания эфира существуют независимо от наших ощущений света. Наши ощущения света зависят от действия колебаний эфира на человеческий орган зрения. Наши ощущения отражают объективную реальность, т. е. то, что существует независимо от человечества и от человеческих ощущений. Так смотрит естествознание. Рассуждение Шишкина, направленное против материализма, есть самая дешёвая софистика.

511

Современная физика идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом. Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм. Роды болезненные. Кроме живого и жизнеспособного существа, они дают неизбежно некоторые мёртвые продукты, кое-какие отбро-

сы, подлежащие отправке в помещение для нечистот. К числу этих отбросов относится весь физический идеализм, вся эмпириокритическая философия вместе с эмпириосимволизмом, эмпириомонизмом и пр. и т. п.

512

Читатель, вероятно, негодует на нас за то, что мы так долго цитируем Ф. Блея, эту невероятно пошлую галиматю, это квазинаучное шутовство в костюме терминологии Авенариуса. Но кто желает знать ВРАГА, тот должен побывать во ВРАЖЕСКОЙ стране. А философский журнал Р. Авенариуса – настоящая вражеская страна для марксистов. И мы приглашаем читателя преодолеть на минуту законное отвращение к клоунам буржуазной науки и проанализировать аргументацию ученика и сотрудника Авенариуса.

513

Беспредельное тупоумие мещанина, самодовольно размазывающего самый истасканный хлам под прикрытием «новой», «эмпириокритической» систематизации и терминологии, – вот к чему сводятся социологические экскурсии Блея, Петцольдта, Маха. Претенциозный костюм словесных вывертов, вымученные ухищрения силлогистики, утончённая схоластика...

514

В философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи.

515

«Очерки „ПО“ философии марксизма» представляют из себя необыкновенно сильно действующий букет именно в силу коллективного характера книги.

516

Вполне в духе Маркса и в тесном сотрудничестве с ним Энгельс во всех своих философских работах коротко и ясно противопоставляет по ВСЕМ вопросам материалистическую и идеалистическую линию, не беря всерьёз ни в 1878, ни в 1888, ни в 1892 годах бесконечных потуг «превзойти» «односторонность» материализма и идеализма, провозгласить НОВУЮ линию, какой бы то ни было «позитивизм», «реализм» или прочий профессорский шарлатанизм. Всю борьбу с Дюрингом Энгельс провёл ЦЕЛИКОМ под лозунгом последовательного проведения материализма, обвиняя материалиста Дюринга за словесное засорение сути дела, за фразу, за приёмы рассуждения, выражающие собой уступку идеализму, переход на позицию идеализма. Либо последовательный до конца материализм, либо ложь и путаница философского идеализма, – вот та постановка вопроса,

которая дана в КАЖДОМ ПАРАГРАФЕ «Анти-Дюринга» и не заметить которой могли только люди с мозгами, подпорченными уже реакционной профессорской философией.

517

Несчастье русских махистов, вздумавших «примирять» махизм с марксизмом, в том и состоит, что они доверились раз реакционным профессорам философии и, доверившись, покатались по наклонной плоскости. Приёмы сочинения разных попыток развить и дополнить Маркса были очень нехитры. Прочтут Оствальда, поверят Оствальду, перескажут Оствальда, назовут это марксизмом. Прочтут Маха, поверят Маху, перескажут Маха, назовут это марксизмом. Прочтут Пуанкаре, поверят Пуанкаре, перескажут Пуанкаре, назовут это марксизмом! НИ ЕДИНОМУ из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, НЕЛЬЗЯ ВЕРИТЬ НИ В ЕДИНОМ СЛОВЕ, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой НИ ЕДИНОМУ профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить НИ В ОДНОМ СЛОВЕ, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя – такая же ПАРТИЙНАЯ наука в современном обществе, как и ГНОСЕОЛОГИЯ. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как учёные приказчики класса

капиталистов, и профессора философии – учёные приказчики теологов.

<...> «Может быть, мы заблуждаемся, но мы ищем», – писал от имени авторов «Очерков» Луначарский. – Не В Ы ищите, а ВАС ИЩУТ, вот в чём беда! Не вы подходите с вашей, т. е. марксистской (ибо вы желаете быть марксистами), точки зрения к каждому повороту буржуазно-философской моды, а к вам подходит эта мода, вам навязывает она свои новые подделки во вкусе идеализма, сегодня, а la Оствальд, завтра, а la Мах, послезавтра, а la Пуанкаре. Те глупенькие «теоретические» ухищрения (с «энергетикой», с «элементами», «интроекцией» и т. п.), которым вы наивно верите, остаются в пределах узенькой, миниатюрной школки, а идейная и ОБЩЕСТВЕННАЯ ТЕНДЕНЦИЯ этих ухищрений улавливается сразу Уордами, неокритицистами, имманентами, Лопатиными, прагматистами и СЛУЖИТ СВОЮ СЛУЖБУ.

518

«Укрывательство» отношений Маха и Авенариуса к фидеизму ничему не поможет. Факты говорят за себя. Никакие усилия в мире не оторвут этих реакционных профессоров от того позорного столба, к которому пригвоздили их поцелуи Уорда, неокритицистов, Шуппе, Шуберта-Зольдерна, Леклера, прагматистов и т. д. <...> Школка служит, кому надо. Школкой пользуются, как надо. Позорные вещи, до кото-

рых опустился Луначарский, – не исключение, а порождение эмпириокритицизма...

519

Возьмите Петцольдта. Он заявляет, что «механическое мировоззрение современного естествоиспытателя не лучше по существу, чем мировоззрение древних индейцев». «Совершенно всё равно, держится ли мир на сказочном слоне или на молекулах и атомах, если мыслить их себе в гносеологическом отношении реальными, а не только для метафоры употребляемыми понятиями».

Возьмите Вилли – единственный настолько порядочный человек среди махистов, что он стыдится родства с имманентами, – и он заявляет в 1905 году... «И естественные науки в конце концов представляются во многих отношениях таким авторитетом, от которого мы должны избавиться».

Ведь это всё – СПЛОШНОЙ ОБСКУРАНТИЗМ, самая отъявленная реакционность. Считать атомы, молекулы, электроны и т. д. приблизительно верным отражением в нашей голове ОБЪЕКТИВНО РЕАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ МАТЕРИИ, это всё равно, что верить в слона, который держит на себе мир! Понятно, что за подобного ОБСКУРАНТА, наряженного в шутовской костюм модного позитивиста, ухватились ОБЕИМИ РУКАМИ имманенты.

520

Философия естествоиспытателя Маха относится к естествознанию, как поцелуй христианина Иуды относился к Христу.

521

Буря, которую вызвали во всех цивилизованных странах «Мировые загадки» Э. Геккеля, замечательно рельефно обнаружила ПАРТИЙНОСТЬ философии в современном обществе, с одной стороны, и настоящее общественное значение борьбы материализма с идеализмом и агностицизмом, с другой. СОТНИ ТЫСЯЧ экземпляров книги, переведенной тотчас же на все языки, выходившей в специально дешёвых изданиях, показали воочию, что книга эта «пошла в народ», что имеются МАССЫ читателей, которых сразу привлёк на свою сторону Э. Геккель. Популярная книжечка сделалась орудием классовой борьбы. Профессора философии и теологии всех стран света принялись на тысячи ладов разносить и уничтожать Геккеля. Знаменитый английский физик Лодж пустился защищать Бога от Геккеля. Русский физик, г. Хвольсон, отправился в Германию, чтобы издать там подлую черносотенную брошюрку против Геккеля и заверить почтеннейших господ филистеров в том, что не всё естествознание стоит теперь на точке зрения «наивного реализма». Нет числа тем теологам, которые ополчились на Геккеля. Нет такой бешеной брани, которой бы не осыпали его казённые профессора философии. Весело

смотреть, как у этих высохших на мертвой схоластике мумий – может быть, первый раз в жизни – загораются глаза и розовеют щёки от тех пощечин, которых надавал им Эрнст Геккель. Жрецы чистой науки и самой отвлечённой, казалось бы, теории прямо стонут от бешенства, и во всём этом рёве философских зубров (идеалиста Паульсена, имманента Ремке, кантианца Адикеса и прочих, их же имена ты, Господи, веши) явственно слышен один основной мотив: против «МЕТАФИЗИКИ» естествознания, против «догматизма», против «преувеличения ценности и значения естествознания», против «естественноисторического МАТЕРИАЛИЗМА». Он – материалист, ату его, ату материалиста, он обманывает публику, не называя себя прямо материалистом – вот что в особенности доводит почтеннейших господ профессоров до неистовства.

Трагический элемент в эту трагикомедию внесён покушением на жизнь Геккеля весной текущего года. После ряда анонимных писем, приветствовавших Геккеля терминами вроде: «собака», «безбожник», «обезьяна» и т. п., некий истинно немецкий человек запустил в кабинет Геккеля в Иене камень весьма внушительных размеров.

522

Проиграно дело основателей новых философских школ, сочинителей новых гносеологических «измов», – проиграно навсегда и безнадежно. Они могут барахтаться со сво-

ими «оригинальными» системками, могут стараться занять нескольких поклонников интересным спором о том, сказал ли раньше «а!» эмпириокритический Бобчинский или эмпириомонистический Добчинский, могут создавать даже обширную «специальную» литературу подобно «имманентам», – ход развития естествознания, <...> отбрасывает ПРОЧЬ все системки и все ухищрения.

523

Сто тысяч читателей Геккеля означают сто тысяч плевков по адресу ФИЛОСОФИИ Маха и Авенариуса.

(10 августа)

524

Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого – действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны – помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, – с другой стороны, «толстовец», т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя

в грудь, говорит: «я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками». С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, – юродивая проповедь «непротивления злу» насилием. С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; – с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казённой должности попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утончённой и потому особенно омерзительной поповщины. <...>

Не раз власть переходила в войсках в руки солдатской массы, – но решительного использования этой власти почти не было; солдаты колебались; через пару дней, иногда через несколько часов, убив какого-нибудь ненавистного начальника, они освобождали из-под ареста остальных, вступали в переговоры с властью и затем становились под расстрел, ложились под розги, впрягались снова в ярмо – совсем в духе Льва Николаевича Толстого!

Толстой отразил накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, –

и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости.

(«Лев Толстой как зеркало русской революции», 24 сентября)

525

Завыли снова с удесятерённой злобой продажные писаки против революции в школах, стонут и плачут подлые либеральные профессора и кадетские вожди по поводу несвоевременных, опасных, гибельных стачек, негодных милым октябристам...

(«Студенческое движение и политическое положение», 16 октября)

526

Суть того, что происходит теперь на Балканах, в Турции, в Персии, сводится к контрреволюционной коалиции европейских держав ПРОТИВ растущего демократизма в Азии. Все усилия наших правительств, вся проповедь «больших» европейских газет сводятся к тому, чтобы замазать этот факт, чтобы сбить с толку общественное мнение, чтобы прикрыть лицемерными речами и дипломатическими фокус-покусами КОНТРРЕВОЛЮЦИОННУЮ КОАЛИЦИЮ так называемых цивилизованных наций Европы против наименее цивилизованных и наиболее рвущихся к демократизму наций Азии.

527

Макс Шиппель пишет по поводу балканского кризиса: «В России мы не имеем оснований видеть врага во всяком случае и во что бы то ни стало, как считала её врагом демократия 50-х годов». Этот глупенький либерал, прикрывающий себя маской социалиста, не заметил реакционных интриг России за её «заботами» о «славянских братьях»!

(То же)

528

Мою ссылку на «Теорию прибавочной стоимости» Маркса Маслов называет «увёрткой», так как Маркс не говорит, «что крестьяне сами хотят себя экспроприировать». Помилуйте, товарищ Маслов! Неужели вы в самом деле не поняли ясных слов Маркса? Говорит ли Маркс, что для капитализма выгодно полное уничтожение средневековой собственности на землю, да или нет? Является ли отстаиваемая трудовиками национализация земель, которой требовали в 1905—1907 гг. русские крестьяне, уничтожением средневековой собственности, да или нет? Ведь именно об этом шла речь, мои любезный оппонент, а смешное переименование буржуазно-крестьянской национализации земли в «экспроприацию» крестьян вовсе не опровергает правильности моей постановки вопроса... «Так же и в промышленности, – продол-

жает Маслов, – капитализм разоряет мелкую собственность, но разве из этого вытекает, что социал-демократы должны взять на себя задачу экспроприации кустарей?.. «

Но это просто перл! Борьбу крестьян со средневековыми перегородами в собственности на землю, борьбу за национализацию земли, которая, как доказал Маркс, наиболее благоприятствует развитию капитализма, назвать «экспроприацией» крестьян, приравнивать к экспроприации кустаря капиталом. Побойтесь Бога, товарищ Маслов! Подумайте же, во имя всего святого, почему мы ПОДДЕРЖИВАЕМ крестьянина против помещика, а поддержку кустарей против фабрики считаем делом антисемитов.

(«Несколько замечаний по поводу „ответа“ П. Маслова», ноябрь)

529

С 1905 по 1907 год в России распространена такая масса серьёзной, теоретической с.-д. литературы, – главным образом переводной, – которая ещё ПРИНЕСЁТ плоды. Не будем маловеерами, не будем своего личного нетерпения навязывать массам. ТАКИЕ количества теоретической литературы, в такой короткий срок брошенные в девственные, почти незатронутые социалистической книжкой массы, не перевариваются сразу. Социал-демократическая книжка не пропала. ОНА ПОСЕЯНА. Она растёт. И она даст плоды – может быть, не завтра, не послезавтра, а несколько позже...

530

Даже при «идеальном» демократическом избирательном праве парламентская фракция рабочей партии всегда будет носить на себе известные следы влияния общей буржуазной обстановки выборов, например, всегда будет более «интеллигентской», чем партия в целом, и поэтому «завершением» партии никогда мы фракцию не признаем. Фракция – не генеральный штаб (если позволительно наряду с «дипломатическим» сравнением автора употребить сравнение «военное»), а скорее отряд трубачей в одном случае и разведчиков в другом или одна из организации некоторого подсобного «рода оружия».

(То же)

531

Следует сбросить толстый слой канцелярской пыли с речей гг. Шидловских, Лыкошиных и прочих лакеев черносотенной царской шайки, чтобы увидеть действительное содержание их аграрной политики. Г-н Львов 1-й, который, кажется, зовёт себя мирнообновленцем, а на деле представляет из себя настоящего черносотенца с аллюрами в духе г-на Струве, выразил это содержание яснее других: «В крестьянской среде, – говорил этот слуга помещиков, – сложились два начала: бесправная личность и самоуправная толпа...

Состояние масс в таком виде есть угроза для правового (читай: помещичьего) государства... «Земля должна принадлежать всем трудящимся, земля как воздух и вода; мы пришли сюда добывать землю и волю». Вот был доминирующий голос. И этот голос, прямо выхваченный из тех суеверий и предрассудков, которые гнездятся в крестьянской массе, этот голос показывал нам на то суеверное представление о власти, которая может отнять у одних и дать другим... «Вспомним, что здесь говорилось, – продолжает г. Львов, вспоминая прежние Думы, – мне тяжело об этом вспоминать, но я скажу, я не могу не сказать, что говорилось в комиссии аграрной. Ведь позвольте, когда даже вопрос о том, чтобы оставить неприкосновенными хотя бы огороды, хотя бы сады, встречал сильнейшее возражение, встречал сильнейший отпор и проходил самым небольшим числом голосов; когда поднимался вопрос о том, чтобы всякие сделки на землю были прекращены, не только залог в дворянском банке, не только продажа крестьянскому банку, но и купля-продажа, даже дарение, наследование, то, очевидно, становилось страшно, страшно, господа, не за помещичьи интересы, а страшно за состояние и судьбу государства. На таком фундаменте построить капиталистическое, современное государство – невозможно».

Помещичьему государству стало «страшно» за свое существование, «страшно» перед «голосом» (и движением) крестьянских масс. Иного капитализма, как на основе сохра-

нения помещичьего, т. е. крепостнического землевладения, эти господа не могут себе и представить! что капитализм всего шире, свободнее и быстрее развивается при полной отмене всякой частной собственности на землю, об этом «образованные» гг. Львовы и не слыхивали!

(«Аграрные прения в III Думе», 14 декабря)

532

Особенно важное обстоятельство относится к экономической и специально аграрной программе правых. Это – защита ими частной собственности КРЕСТЬЯН на землю, защита, красной нитью проходящая через все их речи вплоть до обер-попа Митрофанушки (епископа Митрофана), который, видимо желая припугнуть демократических, но забытых деревенских «батюшек», и, с забавными усилиями стараясь побороть в себе привычку к юродству и к семинарскому языку («община есть изначальное явление»), «выговаривал» такие фразы: «жизнь развивается в направлении все большей и большей индивидуальности личности»; «полезным нужно признать устройство нового быта крестьян наших по образцу западноевропейских фермеров».

Спрашивается, почему класс помещиков и класс капиталистов так энергично защищает и во II и в III Думе частную собственность КРЕСТЬЯН на землю? Только потому, что таково «последнее правительственное распоряжение»? Конечно, нет! Это распоряжение подсказано и внушено Со-

ветом объединенного дворянства. Помещики и капиталисты превосходно знают того врага, с которым приходится им бороться, превосходно чувствуют, что РЕВОЛЮЦИЯ СВЯЗАЛА победу помещичьих интересов с победой частной собственности на землю вообще, победу крестьянских интересов с уничтожением частной собственности на землю вообще, и помещичьей и крестьянской.

(То же)

533

«Для ради важности» Родичев даже вставил латинское слово: *aequitas!*⁵⁷ Учились же «МЫ» чему-нибудь в университете!

(То же)

534

Нападать на Столыпина за «неосторожность» его аграрной политики значит проституироваться, предлагаться на должность ТАКИХ исполнителей этой самой политики, которые сумели бы «осторожно» выполнить ТО ЖЕ САМОЕ ДЕЛО.

(То же)

⁵⁷ «Равенство перед законом».

1909 год

(№№ отрывков: 535–578)

535

Русский пролетариат может гордиться тем, что в 1905 году под его руководством нация рабов превратилась впервые в нападающую на царизм рать миллионов.

(«На дорогу», 10 февраля)

536

<В вёрстке «Материализма и эмпириокритицизма»>: вместо «клоунами и профессорами» следует «клоунами-профессорами».

(Письмо сестре Анне, 23 февраля)

537

В начале параграфа 6-го главы III <вёрстки «Материализма и эмпириокритицизма»> (т.е. параграфа о свободе и необходимости) вместо: «не только улыбку» следует: «не улыбку, а отвращение». Это необходимая поправка, ибо иначе искажается моя мысль: я вовсе не нахожу ничего смешного в заигрывании с религией, но нахожу много мерзкого.

(Письмо сестре Анне, 22 марта)

У нас окончательно кончена забастовка. Наконец-то! А то хорошее пролетарское дело здорово мешало в литературных наших делах.

(Письмо сестре Анне, 24 марта)

Рассуждать иначе – значило бы предполагать, что у взрослого человека некоторые существенные органы могут остаться младенческими по величине, форме, степени развития.

(«Цель борьбы пролетариата в нашей революции», 3 апреля)

Мне ДЬЯВОЛЬСКИ важно, чтобы книга вышла скорее. У меня связаны с её выходом не только литературные, но и серьёзные политические обязательства. Поэтому усиленно прошу обязательно нанять себе (или «писателю», если ты ему передашь) помощника для специальных посещений типографии и погонянья её. Найти студента рублей за 15 в неделю нетрудно, конечно: кандидатов на такое место найдётся тьма. Обещать ему премию рублей в 20, если книга выйдет к 10 апреля. Ясно, что без взятки с российским дубьём не обойтись. Дать 10 руб. метранпажу, если книга выйдет к 10 апреля, – необходимо ПОМИМО издателя действо-

вать на типографию.

(Письмо сестре Анне, 8 апреля)

541

Беспартийные писатели-мародёры

(«Карикатура на большевизм», 17 апреля)

542

Старая бюрократическая крыса г. Тимирязев назначен министром торговли и промышленности.

(«„Левение“ буржуазии и задачи пролетариата», 21 апреля)

543

«То, что фальшиво в формально-экономическом смысле, может быть истиной во всемирно-историческом смысле» — этих слов Энгельса никогда не могли понять наши меньшевики.

(То же)

544

Если сегодня Крестовниковы говорят: «Россия больна», — то это значит, что завтра выступит социалистический пролетариат, ведущий за собой демократическое крестьянство, и скажет: «мы её вылечим!»

(То же)

У нас гостит Покровский. Обыватель чистой воды. «Конечно, отзовизм глупость, конечно, это синдикализм, но по моральным соображениям и я и, вероятно, Скворцов будем за Малиновского». Обижают, видите ли, кристальных негодяев разные злые люди! Эти «маральные» обыватели сразу начинают «мараться», когда при них говоришь об исторической задаче сплочения **МАРКСИСТСКИХ** элементов фракции для спасения фракции и социал-демократии! Выписала этого мараку оппозиция, – мы его не выписывали <... >

Похоже на то, что Рыков теперь решает судьбу: если он с глупистами, обывателями и махистами, тогда, очевидно, раскол и **УПОРНАЯ** борьба. Если он с нами, тогда, может быть, удастся свести к **ОТКОЛУ** парочки обывателей, кои в партии ноль.

Мерзавец Красин насплетничал и нагадил у **ЭСЕРОВ**! Это похоже на «маральных» клопов: чужой партии жаловаться и лгать про свою. В «**СУДЕ**» эсеры, явно осведомленные Красиным, держатся, говорят, нахально. Мы это прямо поставим в счёт Красину, мы ему этого не забудем!

(Письмо Дубровинскому, 23 апреля)

Не жалеете нескольких сот франков, это нелепо. Лечи-

тесь, гуляйте, спите, ешьте обязательно, ибо для партии нам нужно здоровое имущество.

(Письмо Дубровинскому, 5 мая)

547

Для людей, неряшливо относящихся к марксизму, для людей, не умеющих или не желающих думать, история выступлений Маркса и Энгельса по вопросу о религии есть комок бессмысленных противоречий и шатаний марксизма: какая-то, дескать, каша из «последовательного» атеизма и «поблажек» религии, какое-то «беспринципное» колебание между р-р-революционной войной с Богом и трусливым желанием «подделаться» к верующим рабочим, боязнь отпугнуть их и т. д. и т. п. В литературе анархических фразёров можно найти не мало выходов против марксизма в этом вкусе. <...> но что дилетанты или невежды считают шатаниями, есть прямой и неизбежный вывод из диалектического материализма.

(«Об отношении рабочей партии к религии», 26 мая)

548

Капитализм причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д.

(То же)

549

Мелкий буржуа или либеральный интеллигент трусит борьбы с религией, забывает об этой своей задаче, мирится с верой в Бога, руководствуется не интересами классовой борьбы, а мелким, мизерным расчётом: не обидеть, не оттолкнуть, не испугать, премудрым правилом: «живи и жить давай другим» и т. д. и т. п.

(То же)

550

Экзаменовать своих членов насчёт отсутствия противоречия между их взглядами и программой партии политическая организация не может.

(То же)

551

«Либеральный» ренегат Караулов (эволюционировавший от «Народной воли» к правым кадетам) вопит против «денационализации церкви, понимая под этим изгнание народных масс, мирян, из церковного строительства». Он находит «УЖАСНЫМ» (буквально так!), что массы «обезвериваются». Он кричит совершенно по-меньшиковски о том, что «огромная самоценность церкви обесценивается... к громадному вреду не только для дела церковного, но и для дела государственного». Он называет «золотыми словами» от-

вратительное лицемерие изувера Евлогия на тему о том, что «задача церкви вечна, непреложна и, значит, связывать церковь с политикой невозможно».

(«Классы и партии и их отношение к религии и церкви», 17 июня)

552

Когда депутат Рожков⁵⁸ бесхитростно стал рассказывать голую, неприкрашенную правду о поборах духовенства, о вымогательствах попов, о том, как требуют за брак кроме денег «бутылку водки, закуски и фунт чаю, А ИНОГДА СПРАШИВАЮТ ТАКОЕ, ЧТО С ТРИБУНЫ Я И БОЮСЬ ГОВОРИТЬ» – черносотенная Дума не вытерпела, раздался дикий вой с правых скамей. «Что это за издевательство? что за безобразие?» – вопили черносотенцы, чувствуя, что простая мужицкая речь о поборах с изложением «таксы» за требы революционизирует массы больше, чем какие угодно теоретические или тактические противорелигиозные и противоцерковные заявления. И шайка зубров, отстаивающих самодержавие в III Думе, запутала своего лакея, председателя Мейендорфа, и заставила его лишить слова Рожкова.

(То же)

553

Николай-Погромщик, Николай-Вешатель, Николай, давя-

⁵⁸ Однофамилец социал-демократа Н.А.Рожкова.

ций персидский народ и наводняющий русскими шпионами и провокаторами Францию.

(«Поездка царя в Европу и некоторых депутатов в Англию», 24 июля)

554

Несколько депутатов черносотенной Думы, начиная от умеренно-правых и кончая кадетами, с председателем Думы во главе, гостят в Англии. Они гордятся тем, что представляют большинство Думы, её истинный центр – без крайних правых и крайних левых. Они корчат из себя представителей «конституционной» России, они восхваляют «обновлённый» строй и обожаемого монарха, «даровавшего народу» Думу. Они топорщатся и надуваются, как крыловская лягушка...

(То же)

555

Насчет «ПРАВДЫ» читали ли Вы письмо Бронштейна к Дубровинскому? Надеюсь, убедились, если читали, что Бронштейн повёл себя, как подлеший карьерист и фракционер ТИПА Гольдендаха и Ко? Либо равенство в редакции, ПОДЧИНЕНИЕ ЦК и неперевоз в Париж никого кроме Бронштейна (он хочет «устроить» на наш счет, негодяй, ВСЮ тёплую компанийку «ПРАВДЫ»!) – либо разрыв с этим проходимцем и разоблачение его в ЦО. Болтает о пар-

тии, а ведёт себя хуже всех прочих фракционеров.

(Письмо Анфельбауму 24 августа)

556

Возьмите нефракционных русских социал-демократов, выдающихся по знакомству с движением рабочего класса за границы: Гельфанда и Розу Люксембург (Германия), Ш. Раппопорта (Франция), Ротштейна (Англия)...

(Письмо ученикам Каприйской школы, 30 августа)

557

Имейте только в виду, что я пишу для «ПРОЛЕТАРИЯ» статью, где третирую прямо КАК КАНАЛИЙ эту банду сволочей Малиновского и Ко, а их школу зову не иначе как «Ерогинской квартирой»⁵⁹. <...> Малиновский же и Ко – шайка авантюристов, заманивших кое-кого из рабочих в Ерогинскую квартиру. <...> В «ПРОЛЕТАРИИ» будет дан надлежащий ответ этой компании обиженных литераторов, непризнанных философов и осмеянных богостроителей, которая запрятала свою так называемую «ШКОЛУ» от партии. <...> На доклад Малиновского советовал бы либо ВСЕМ не ходить – либо отвечать ему так, чтобы раз навсегда отбить охоту соваться. Это подлая трусость – лезть в ЧУЖУЮ фракцию, когда его уже выгнали. Нет ничего вреднее миндальничанья теперь. ПОЛНЫЙ РАЗРЫВ и война СИЛЬ-

⁵⁹ См. № [567](#).

НЕЕ ЧЕМ С МЕНЬШЕВИКАМИ. Эта война быстро доучит дураков, которые всё ещё «не разобрались».

(Письмо А. Любимову, сентябрь)

558

Насчёт школы вы напрасно думаете, что «наши дела дрянь». Вовсе не дрянь. Что рабочие, раз им дают деньги, соглашаются ехать на прекрасный юг, это естественно, – на это жаловаться нечего. Надо проводить только резолюции, чтоб на ОБРАТНОМ пути эти рабочие заезжали на месяц сюда, – в этом гвоздь. Без заезда сюда все фразы о «контроле», «руководстве» и пр. – одна сплошная «бляга» или лицемерие. Заезжай сюда – и ты научишься не только визгу Алексинского и «социализму» Луначарского. И поверьте, на этом ПУТИ, – на оболванивании 20–50 рабочих СВОЕЙ наукой далеко не уедешь. О нет, это годится для шума, для хвастовства письмом Каутского, для заграничной игры, а серьёзного в этом нашёптывании ничего нет. Знайте твёрдо, что это не «школа», а новое заграничное ерогинское общежитие⁶⁰ для нашёптыванья десяткам рабочих отзовистского вздора. Малиновский и Ко пошумят на этом и оскандалятся.

(Письмо Ефремову, сентябрь)

559

Насчёт Бронштейна, к сожалению, дело не выходит.

⁶⁰ См. № [567](#).

Мы ему предложили идеально выгодные условия, самым ИСКРЕННИМ образом желая блока с ним: содержание ему, покрытие дефицита «Правды», равенство в редакции, переезд сюда; он не соглашается, требуя БОЛЬШИНСТВА в редакции (два бронштейнианца и один большевик!). Понятно, что содержать не партийную, а бронштейнианскую газету в другом городе мы не в состоянии. Бронштейн хочет не партию строить вместе с большевиками, а создавать СВОЮ фракцию. Что ж, – пусть попробует! «Своей» фракцией он отобьёт кое-кого у меньшевиков, немного у нас, а в конце концов неизбежно приведет рабочих к большевизму.

(То же)

560

Особенно предостерегаю от скороспелых отказов от большевизма и преувеличенной веры в успех столыпинской аграрной политики. Слов нет, она поставила новые проблемы, кои надо ИЗУЧАТЬ И ИЗУЧАТЬ, она ОТКРЫЛА возможность неревolutionного исхода, но отсюда до её полного успеха ещё далеко, как до звезды небесной.

(То же)

561

Говоря о генеральном межевании у большевиков, Плеханов сравнивает большевистских марксистов, социал-де-

мократов, с гоголевским Осипом, который подбирал всякий хлам, всякую верёвочку (вплоть до эмпириокритицизма и богостроительства). Теперь большевистский Осип – шутит Плеханов – начал «распространять вокруг себя пространство», выгонять антимарксистов, выкидывать прочь «верёвочку» и прочий хлам.

Шутка Плеханова затрагивает не шуточный, а основной и серьёзнейший вопрос русской социал-демократии <...> вопрос о социалистическом, пролетарском, марксистском «Осипе» по отношению к либеральной или анархистской, мелкобуржуазной, антимарксистской «верёвочке».

Большевистский марксизм – говорит Плеханов – есть «более или менее узко и дубовато понятый марксизм». Меншевистский, очевидно, «более или менее широкий и тонкий». Посмотрите на результаты революции, на результаты шести лет истории социал-демократического движения (1903–1909), и каких шести лет! Большевистские «Осипы» уже провели «генеральную межу» и «показали дверь» большевистской мелкобуржуазной «верёвочке», которая хныкает теперь, что её «вышибли» и «устранили». Меншевистский «Осип» оказался одиноким, вышедшим и из официальной меньшевистской редакции и из коллективной редакции важнейшей меньшевистской работы, одиноким протестантом против «мелкобуржуазного оппортунизма» и ликвидаторства, царящего и в той и в другой редакции. Меншевистский «Осип» оказался СПУТАННЫМ меньшевист-

ской «верёвочкой». Не он подобрал её, а она подобрала его. Не он осилил её, а она его.

(«Разоблачённые ликвидаторы», 18 сентября)

562

Партия кадетов проституировала себя рядом неслыханно лакейских выходов в чёрной Думе и помогла самодержавию собирать деньги в Европе на тюрьмы и виселицы, помогла проделать перед европейскими капиталистами комедию конституционного самодержавия. Тем важнее, чтобы эта кадетская монополия, ограждённая лесом виселиц и «заработанная» беспредельным либеральным холопством перед царизмом, была СЛОМАНА, сломана во что бы то ни стало.

(«К выборам в Петербурге», 18 сентября)

563

Милюков – выездной на запятках колымаги Николая Кровавого.

(То же)

О фракции сторонников отзовизма и богостроительства

564

Рекомендовать «инструкторские школы» и «УСИЛЕНИЕ пропаганды в войсках» «при острой и усиливающейся ре-

акции» – и в то же время отрицать ВОЗМОЖНОСТЬ для партии иметь достойное парламентское представительство, это значит говорить наглядные несообразности, достойные помещения в сборник логических нелепостей для учеников низших классов гимназии.

565

Беспредельное узколобие.

566

Около полутора лет сильнейшее недовольство «богостроительством» ваших соратников высказывается среди руководящих кругов большевиков и именно на этой почве <...> новая фракция карикатурных большевиков отравляла нам всякую возможность работы увёртками, хитростями, придирками, претензиями, кляузами. <...> Нет, знаете ли, политика заметания следов не всегда удаётся, а в нашей партии она вам никогда не удастся. Нечего играть в прятки и пытаться жеманно сделать секрет из того, что известно всякому, интересующемуся русской литературой и русской социал-демократией. Есть литераторская компания, наводняющая нашу легальную литературу при помощи нескольких буржуазных издательств систематической проповедью богостроительства. К этой компании принадлежит и Малиновский. Эта проповедь стала систематической именно за последние полтора года, когда русской буржуазии в её контрре-

волюционных целях ПОНАДОБИЛОСЬ оживить религию, поднять спрос на религию, сочинить религию, привить народу или по-новому укрепить в народе религию. Проповедь богостроительства приобрела поэтому общественный, политический характер. Как в период революции целовала и зацеловала буржуазная пресса наиболее ретивых меньшевиков за их кадетолюбие, так в период контрреволюции целует и зацеловывает буржуазная пресса богостроителей из среды – шутка сказать! – из среды марксистов и даже из среды «тоже большевиков».

567

Припомним, читатель, ерогинское общежитие в эпоху первой Думы. Отставной земский начальник (или какой-то вообще в этом роде чиновный кавалер) Ерогин организовал в Петербурге общежитие для приезжих крестьянских депутатов, желая оказать содействие «видам правительства». Неопытные деревенские мужички, попадая в столицу, перехватывались ерогинскими агентами и направлялись в ерогинское общежитие, где, разумеется, находили ШКОЛУ, в которой опровергались превратные учения «левых», обливались помоями трудовики и т. д., в которой новички члены Думы обучались «истинно русской» государственной премудрости. К счастью, нахождение Государственной думы в Петербурге заставило Ерогина устроить в Петербурге же своё общежитие, а так как Петербург – достаточно широкий

и свободный центр идейной и политической жизни, то, разумеется, ерогинские депутаты очень скоро стали покидать ерогинское общежитие и перекочевывать в лагерь трудовиков или в лагерь самостоятельных депутатов. Из затеи Ерогина вышел только срам и для него, и для правительства.

Теперь представьте себе, читатель, что подобное сему ерогинское общежитие устроено не в каком-нибудь заграничном Петербурге, а в каком-нибудь заграничном Царёвококшайске. Если вы представите себе это, то вы должны будете согласиться, что отзовистско-богостроительские ерогины использовали своё знакомство с Европой для того, чтобы оказаться похитрее истинно русского Ерогина. Люди, называющие себя большевиками, собрали свою кассу, – не зависимую от той единственной, насколько мы знаем, общебольшевистской кассы, из которой покрываются расходы по изданию и распространению «Пролетария», – организовали свою агентуру, свезли нескольких «своих» агитаторов в Царёвококшайск, привезли туда нескольких партийных социал-демократических рабочих и провозгласили это (запрятанное от партии в Царевококшайск) ерогинское общежитие «первой партийной» (партийной – потому, что запрятано от партии) «школой за границей». <...>

Малиновский ведёт политику иезуитизма. Не то дурно, что в партии возник новый фракционный центр, – мы отнюдь не принадлежим к людям, которые не прочь составить себе политический капитал на дешёвенько-популярных

криках против фракционности, – напротив, это хорошо, что получил возможность особого выражения в партии особый оттенок, раз таковой имеется. Дурно то, что партия вводится в обман и вводятся в обман и рабочие, сочувствующие – само собой разумеется – всякой школе, как всякому просветительному предприятию. <...> О грядущем неизбежном расколе у большевиков говорят все, хоть понаслышке знающие партийные дела (достаточно указать, что МЕНЬШЕВИК ГУРВИЧ на Всероссийской конференции декабря 1908 года во всеуслышанье на официальном собрании заявил: «кто же не знает, что Ленина обвиняют теперь большевики в предательстве большевизма»!), – а тов. Малиновский, разыгрывая роль невинного, ну совсем-таки невинного младенца, вопрошает почтеннейшую публику: почему это редакция «Пролетария» не пожелала «даже» взять в свои руки контроль над партийной школой в богостроительском Царёвококшайске? «Контроль» над школой! Сторонники «Пролетария» в качестве «ИНСПЕКТОРОВ», присутствующих при лекциях Малиновского, Луначарского, Алексинского и Ко!! Ну к чему играть эту недостойную, позорную комедию? К чему? К чему втирать очки публике рассылкой ничего не говорящих «программ» и «отчетов» «школы» вместо того, чтобы прямо и открыто признать идейных руководителей и вдохновителей нового фракционного центра!

Штаб фракции божественных отзовистов составляют непризнанные философы, осмеянные богостроители, уличённые в анархистском недомыслии и бесшабашной революционной фразе отзовисты, запутавшиеся ультиматисты, наконец, те (немногие, к счастью, в большевистской фракции) боевики, которые сочли ниже своего достоинства переход к невидной, скромной, лишённой внешнего блеска и «яркости», революционной социал-демократической работе, соответствующей условиям и задачам «межреволюционной» эпохи, и которых убаготворяет Малиновский «яркой» фразой об инструкторских школах и группах... в 1909 году.

569

Разве это не спекуляция на обывательское сочувствие, если Малиновский и Ко плачутся теперь публично по поводу их «вышибания», их «устранения»? Подайте милостыньку вашего сочувствия, христа ради, невинно вышибленным, несправедливо устранённым... Что этот приём безошибочно верно рассчитан на ОБЫВАТЕЛЬСКОЕ сочувствие, это доказывает тот оригинальный факт, что ДАЖЕ тов. Плеханов, враг всякого богостроительства, всякой «новой» философии, всякого отзовизма и ультиматизма и т. д., ДАЖЕ тов. Плеханов подал милостыньку христа ради, воспользовавшись хныканьем Малиновского, и обозвал большевиков по этому случаю ещё и ещё раз «жестоковыми».

(24 сентября)

570

Черносотенные бандиты Зимнего дворца и октябристские шулера III Думы начали новый поход против Финляндии <...> Всё благоприятствует разбойничьему предприятию. Революционное движение в России страшно ослаблено, и забота о нём не отвлечёт коронованного изверга от облюбованной добычи. <...> Русские либералы приняли все меры к тому, чтобы Европа отнеслась безучастно к новым набегам двуглавого хищника на Финляндию.

(«Царь против финского народа», 13 ноября)

571

Дорогой А.М.! Насчет приезда – это Вы напрасно. Ну, к чему я буду ругаться с Малиновским, Луначарским и т. д.? Сами же пишете: ершитесь промеж себя – и зовёте ершиться на народе. Не модель. А насчёт отталкивания рабочих тоже напрасно. Вот коли примут наше приглашение и заедут к вам, – мы с ними покалякаем, повоюем за взгляды одной газетины, которую некие фракционеры ругают (давно я это от Мандельштама и др. слышал) скучнейшей, малограмотной, никому не нужной, в пролетариат и социализм не верящей.

Насчёт нового раскола некругло у Вас выходит. С одной

стороны, оба – нигилисты (и «славянские анархисты» – э, батенька, да неславянские европейцы во времена вроде нашего дрались, ругались и раскалывались во сто раз почище!) – а с другой, раскол будет не менее глубок, чем у большевиков и меньшевиков. Ежели дело в «нигилизме» «ершей», в малограмотности и пр. кое-кого, не верящего в то, что он пишет, и т. п., – тогда, значит, не глубок раскол, и даже не раскол. А ежели глубже раскол, чем большевики и меньшевики, – значит, дело не в нигилизме и не в не верящих в свои писания писателях. Некругло выходит, ей-ей!

(Письмо Горькому, ноябрь)

572

1. Из всего имущества Большевистского центра (около 300 000 франков) выделяется 60 000: на историю революции (20 000), на съезд (20 000) и на экстренные расходы и покрытие долгов (20 000).

2. Остальная сумма (240 000) распределяется так, чтобы она могла содержать центры фракции и партии примерно 4 года <...>

4. Фракция официально заявляет в ЦК партии, что она будет давать в его кассу ежемесячную сумму от 750 до 1000 рублей.

5. Фракция оставляет за собой право прекратить эти выдачи в ЦК, если фракция придёт к убеждению в непартийности линии или шагов ЦК или в резком отступлении от ли-

нии революционной социал-демократии и т. п. Это заявление, разумеется, в ЦК не вносится. <...>

7. Относительно Бронштейна максимальной уступкой «Правде» со стороны фракции признаётся: согласие оставить «Правду» в Вене при назначении редакции на началах равенства (т.е. один редактор от «Правды», один большевик от ЦК) и с превращением «Правды» в орган ЦК. Особой финансовой помощи «Правде», кроме общих взносов в ЦК фракция не оказывает.

(Проект постановления исполнительный комиссии Большевикского центра, ноябрь)

573

Струве, Гучков и Столыпин из кожи лезут, чтобы «совокупиться» и народить бисмарковскую Россию, – но не выходит. Не выходит. Импотентны.

(Письмо Скворцову, 2 декабря)

574

Мы должны признать возможность «немецких рельсов», но не забывать, что их пока НЕТ. Нет и нет. Мы не должны связывать судьбу пролетарской партии с удачей или неудачей буржуазной революции, – это бесспорно. Мы должны работу поставить так, чтобы она при всяком ходе событий была прочным, неотъемлемым приобретением, – это верно. Но мы обязаны исполнить свой долг руководителей демо-

кратического, «общедемократического», движения до конца, до русского 1871 года, до полного поворота крестьянства на сторону «партии порядка». А до этого поворота в России ещё, ой-ой, как не близко! Мы не можем отрицать возможность «немецкого», сиречь «гнилого» разрешения «общедемократических» вопросов, но мы обязаны ВСЁ сделать, обязаны долго и упорно работать над тем, чтобы это решение было не «гнилое», не немецкое, а французское, т. е. по типу 1830–1848–1871, а не по типу 1863–1865 (только «конституционный» кризис). Ручаться невозможно, выйдет ли у нас наш 1863–1865 «гнилым» или успешным, но наше дело, дело рабочей партии, все сделать, чтобы из «ГНИЛОГО» вышло УСПЕШНОЕ, из немецкого «конституционного конфликта 60-х годов» – французская хорошенькая передряга. И таких законов истории нет, чтобы гнилой кризис не мог превратиться в хорошенькую передрягу. Нет таких законов. Всё зависит от обстоятельств, от нищей массы крестьян (коих Столыпин придавил, но не удовлетворил), от силы рабочей партии, от условий, трений и конфликтов между Гучковым и «сферами» и т. д. и т. д. Мы должны заботиться о том, чтобы мы были сильнее (и мы будем сильнее к нашему 1863–1865, чем немцы тогда), – чтобы крестьяне послушались тогда нас, а не либералов. Только борьба решит, насколько это удастся. Будем требовать всего в смысле «общедемократического натиска»: при успехе получим ВСЁ, при неуспехе – часть; но, идя на бой, ограничиваться требовани-

ем части нельзя.

(То же)

575

Столыпин «ставит ставку на сильных» и просит «20 лет мира и покоя» для «реформирования» (читай: ограбления) России помещиками. Пролетариат должен ставить ставку на демократию, не преувеличивая её сил, не ограничиваясь простым «упованием» на неё, а неуклонно развивая работу пропаганды, агитации, организации, поднимающую все силы демократии, – крестьянские массы в первую голову и больше всего, – зовущую их к союзу с передовым классом, к «диктатуре пролетариата и крестьянства» в целях полной демократической победы и обеспечения самых лучших условий наиболее быстрого и свободного развития капитализма.

(«О некоторых источниках современного идейного разброда», 11 декабря)

576

Воюя с народничеством, как с неверной доктриной СОЦИАЛИЗМА, меньшевики доктринёрски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое СОДЕРЖАНИЕ народничества, как теории массовой МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма «прусского».

Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея (насквозь пропитавшая и «Общественное движение»), что крестьянское ДВИЖЕНИЕ реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что «диктатура пролетариата и крестьянства» (= классическая постановка) ПРОТИВОРЕЧИТ ВСЕМУ ХОДУ хозяйственного развития». «Противоречит ВСЕМУ ХОДУ хозяйственного развития» – это ли не реакционность? Я стою на том, что борьба с этим чудовищным извращением марксизма была основой «классической постановки» и основой ВЕРНОЙ, хотя, к сожалению, в силу естественных условий эпохи велась эта борьба очень усердно тактически и недостаточно усердно теоретически. Впрочем, сожаление тут неверное слово, которое надо выкинуть!

(Письмо Скворцову, 16 декабря)

577

В Германии поддержка РАБОЧИМ пожелания «мужичка» получить себе (т.е. мужичку) землю крупного помещика, юнкера – РЕАКЦИОННА. Не так ли? Не правда ли? В России РЕАКЦИОНЕН в 1905—1909-?? гг. ОТКАЗ от этой поддержки. Нис Rhodos, hic salta!⁶¹ Тут либо отказ от всей аграрной программы и переход... почти что к кадетизму, – либо ПРИЗНАНИЕ ПРИНЦИПИАЛЬНОЙ разницы в постановке вопроса в Германии и в России, принципиальной не в смысле того, чтобы у нас была некапиталистическая,

⁶¹ «Здесь Родос, здесь прыгай».

а в смысле того, что совсем иные, принципиально иные ЭПОХИ капитализма: эпоха ДО окончательного утверждения национального пути капитализма и эпоха ПОСЛЕ такого утверждения.

(То же)

578

«Вехи» – сплошной поток помоев, вылитый на демократию.

(«О „Вехах“», 26 декабря)

1910 год

(№№ отрывков: 579–604)

579

Вообще на праздниках мы «загуляли»: были в музеях, в театре, посетили музей восковых фигур, которым я остался очень, очень доволен. Собираюсь и сегодня в один увеселительный кабачок на революционные куплеты к «песенникам» (неудачный перевод «шансонье»). Жалею, что летом не воспользовался болтовнёй с французами для СИСТЕМАТИЧЕСКОГО изучения французского произношения, – теперь, взяв некоторые книги по фонетике, вижу, насколько я тут слаб.

(Письмо сестре Марии, 2 января)

580

Насчёт велосипеда я думал было, что скоро получу вознаграждение, но дело затянулось. Сужусь. Надеюсь выиграть. Ехал я из Жювизи, и автомобиль раздавил мой велосипед (я успел соскочить). Публика помогла мне записать номер, дала свидетелей. Я узнал владельца автомобиля (виконт, чёрт его дери) и теперь сужусь с ним (через адвоката).

(Письмо сестре Марии, январь)

581

Я стал налегать на театры: видел новую пьесу Бурже «Баррикада». Реакционно, но интересно.

(Письмо сестре Марии, 12 января)

582

Париж – дыра скверная во многом. Приспособиться ВПОЛНЕ к Парижу я до сих пор (через год после поселения ЗДЕСЬ!) не мог.

(Письмо сестре Анне, 1 февраля)

583

Как идёт твоё выздоровление? Надеюсь, врачи-то уже бывают осторожны и не позволяют себе братья за дела раньше полного выздоровления? Я здесь частенько думал об опасностях аварий, когда на велосипеде ездил по центру Парижа, где движение дьявольское. Но в деревне, зимой вывалиться так, как ты! Должно быть, лошадь совсем бешеная и езда была бешеная тоже? <...> У нас всё по-старому. Жизнь тихая. Погода стоит такая хорошая, что я собираюсь взяться опять за велосипед, благо процесс я выиграл и скоро должен получить деньги с хозяина автомобиля.

(Письмо брату Дмитрию, 13 февраля)

584

Очень рад, что знакомство с прагматизмом начало оттачивать Вас от махизма. Теперь в России усиленно перево-

дят всю эту «новейшую» философскую сволочь: Петцольдта и Ко, прагматистов и т. д. Это хорошо: когда русская публика и особенно русские рабочие посмотрят В НАТУРЕ на учителей наших Малиновского и Ко, – они быстро отвернутся и от учителей и от учеников.

(Письмо Вилонову, 7 апреля)

585

На пленуме ЦК («долгом пленуме», – три недели маета была, издергали все нервы, сто тысяч чертей!) к серьёзным и глубоким факторам, созданным далеко не всеми, прибавились мелкие, мелочные, прибавилось настроение «примиренчества вообще» (без ясной мысли, с кем, к чему, как), прибавилась ненависть к Большевицскому Центру за его беспощадную идейную войну, прибавилась склока и желание поскандальить у меньшевиков – и вышел ребенок с нарывами. Теперь вот и маемся. Либо – на хороший конец – нарывы вскроем, гной выпустим, ребенка вылечим и вырастим. Либо – на худой конец – помрёт ребенок. Тогда поживём некоторое время бездетно (сиречь: опять восстановим большевицскую фракцию), а потом родим более здорового младенца.

(Письмо Горькому, 11 апреля)

586

Алексинский дитюшко совсем в политике, но озлившееся

и делающее глупость за глупостью дитюшко.

(То же)

587

Выходит так, что «анекдотическое» в объединении сейчас преобладает, выдвигается на первый план, подаёт повод к хихиканью, смешкам и пр. Говорят, что с.-р. Чернов написал даже водевиль по поводу объединения у с.-д. под названием «Буря в стакане воды» и что сей водевиль дают здесь на днях в одной из (падких на сенсацию) групп эмигрантской колонии. Сидеть в гуще этого «анекдотического», этой склоки и скандала, маеты и «накипи» тошно; наблюдать всё это – тоже тошно. Но непозволительно давать себя во власть настроению. Эмигрантщина теперь во 100 раз тяжелее, чем было до революции. Эмигрантщина и склока неразрывны.

(То же)

588

Палачи и убийцы третьеиюньской монархии бредят наяву, они дошли до прямого умоисступления, если в октябристах мерещатся им младотурки.

(«Боятся за армию», 9 мая)

589

Брань и фраза не ответ.

(«Заметки публициста», 7 июня)

590

Говорить так — значит высовывать слишком неосторожно ослиное ухо веховца.

(То же)

591

Для Койгена лишнее, какое-то там партийное определение тактики по отношению к непролетарским партиям. К чему себя обременять? Не проще ли обозвать это стремление вырабатывать партийное определение пролетарской тактики «усиленной охраной» и т. п.? Не проще ли превратить социал-демократов в вольных стрелков, в ДИКИХ, которые «свободно», без всякой «усиленной охраны» будут решать очередные вопросы — сегодня вместе с либералами в журнале «Наши Помои», завтра с безголовцами на съезде прихлебателей от литературы, послезавтра с поссианцами в кооперативе. Только... только, любезная божия коровка, чем же это будет отличаться от того, чего добиваются легалисты-ликвидаторы? Ровно ничем!

(То же)

592

Лозунг об «обеспечении» «членам партии» «полной свободы их революционной и философской мысли» насквозь оппортунистический. Во всех странах подобный лозунг из-

нутри социалистических партий выдвигался только оппортунистами и не означал на деле ничего иного, кроме «свободы» развращения рабочего класса буржуазной идеологией. «Свободы мысли» (читай: свободы печати, слова, совести) мы требуем от ГОСУДАРСТВА (а не от партии) наравне с свободой союзов. Партия же пролетариата есть свободный союз, учреждаемый ДЛЯ БОРЬБЫ с «мыслями» (читай: с идеологией) буржуазии, для защиты и проведения в жизнь одного определенного, именно: марксистского мирозерцания. Это – азбука.

(«О фракции „вперёдовцев“», 12 сентября)

593

Обидно чрезвычайно, что даже Каутский и Вурм не видят пошлости и гнусности таких статей, как Цедербаума и Бронштейна. Попробую написать Каутскому хоть частное письмо, чтобы выяснить дело. Ведь это прямо скандал, что Цедербаум и Бронштейн безнаказанно лгут и пишут пасквилы под видом «научных» статей.

(Письмо Мархлевскому, 7 октября)

594

Я не могу писать по-немецки, а пишу по-русски, можете ли Вы обеспечить в Лейпциге перевод – или Вам это неудобно или затруднительно и мне придётся найти переводчика здесь (это я, конечно, по всей вероятности, тоже

смогу) – или, наконец, я напишу на своём **ОЧЕНЬ** плохом немецком (образец чего имеется в этом письме), а в Лейпциге уж переведут с плохого немецкого на хороший немецкий язык. (Однажды один приятель мне рассказывал, что легче переводить на немецкий язык с хорошего русского, чем с плохого немецкого.)

(Письмо Собельсону, 9 октября)

595

В 1905—1906 гг. крестьяне разрушали до 2000 помещичьих усадеб (к сожалению, это не более 1/15 того, что следовало разрушить).

(«Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России», ноябрь)

596

Журнал без направления – вещь нелепая, несуразная, скандальная и вредная.

(Письмо Горькому 22 ноября)

597

Муромцев «открыл и освятил» (бывают же такие поганые слова!) первый, царём созданный, якобы парламент.

(«О демонстрации по поводу смерти Муромцева», 29 ноября)

Посмотрите на оценку Толстого в правительственных газетах. Они льют крокодиловы слёзы, уверяя в своём уважении к «великому писателю» и в то же время защищая «святейший» синод. А святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой «раскаялся». Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтётся ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки.

(«Л.Н.Толстой», 29 ноября)

Бронштейн группирует всех врагов марксизма, объединяя Потресова, Малиновского, ненавидящих «ленинско-плехановский» (как они любят выражаться) блок. Бронштейн объединяет всех, кому дорог и люб идейный распад; всех, кому нет дела до защиты марксизма; всех обывателей, не понимающих из-за чего борьба и не желающих учиться, думать, доискиваться идейных корней расхождения. В наше время разброда, распада и шатаний, Бронштейн легко может оказаться «героем на час», сплотить всю пошлость вокруг себя. Но провал этой попытки будет тем грандиознее, чем откровеннее она будет сделана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.